

The book cover features a blue-toned illustration. On the left, a woman with long dark hair wears a white tunic and a dark belt with a sword. On the right, a woman with short dark hair and green eyes wears a dark, ornate coat and holds a glowing orb. The background shows a stone castle and mountains. The entire cover is framed by a decorative border of gold dots and crossed swords.

ИРМАТА АРЬЯР

16+

• ЛОРДЫ ГОР •
ДА ЗДРАВСТВУЕТ
КОРОЛЬ!

Ирмата Арьяр Лорды гор. Да здравствует король! Серия «Лорды гор», книга 1

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67797017
SelfPub; 2022*

Аннотация

Первая книга из цикла "Лорды гор", принесшего автору известность среди ценителей фэнтези эпического размаха, но с изрядной долей романтики.*Королю нужен сын, наследник трона и магического дара, но родилась я, седьмая по счету принцесса. По воле матери-волшебницы я обречена носить маску кронпринца. Вместо кукол у меня – меч, вместо фрейлин – наставник боевых искусств, а вместо любви – проклятый дар огненной крови. Никто не должен узнать, что я девушка. Никого не интересует, что чувствует мое сердце. Вот только я не буду мириться с ролью пешки и начну собственную игру за жизнь и любовь...

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	26
Глава 3	51
Глава 4	80
Глава 5	106
Глава 6	128
Глава 7	167
Глава 8	185
Глава 9	204
Глава 10	228
Глава 11	258
Глава 12	278
Глава 13	296
Глава 14	325
Глава 15	352
Глава 16	390
Глава 17	420
ГЛОССАРИЙ	449

Ирмата Арьяр Лорды гор. Да здравствует король!

Глава 1

Сыновей у короля не было, в том-то и беда.

Рождение долгожданного наследника той весной было ему обещано и молитвами святых старцев, и расположением звезд, и всеми придворными лекарями.

А получилась я. Какое разочарование. Потом, когда он узнал.

Матушка в сговоре с повитухой объявила, что родился мальчик. А что оставалось делать? Тогда ей было всего двадцать три. Супруг угрожал сослать ее в монастырь, где она не прожила бы и дня, и поклялся жениться на другой в том случае, если опять родится девочка. Седьмая по счету. Передо мной были три пары близняшек.

Как две перепуганные женщины сумели заморочить бабюшку и придворных лекарей, мне потом объяснили. Восхитительная ловкость рук. Волшебных, как выяснилось позже.

Этот заговор и преопределил все дальнейшее: воспитывали меня соответствующе, как наследника. Вдали от столи-

цы, не полной же душой матушка была. Мол, сын короля Роберта Сильного слишком слаб, в чем душа держится, ему нужен целебный горный воздух. Едва показав отцу, меня младенцем увезли в замок матушкиных родителей, затерянный в Белых горах на северной границе королевства Гардарунт.

Скандал, конечно, был, но по более мелкому поводу. Не по сути, а по внешности новорожденного. Мои черные волосы и тщедушность тела – чем не причина заподозрить королеву в супружеской неверности? Сам-то Роберт Сильный был рыжеволос, высок и могуч, как буйвол, да и королева Хелина – этакая пышечка, а белокурость моих старших сестричек – в нее.

Подозрения доказать не удалось. Матушка поклялась на священной книге и сунула супругу под нос медальон с портретом моей прабабки. Видела я потом ту миниатюру. Что там можно разглядеть под ровным слоем почерневшего за полтора года лака – загадка, а моя непохожесть на остальных прекрасных родственничков – налицо.

Потому государь не торопился признать меня наследником, а королева жила в изгнании вместе со мной в том же горном замке.

Дикое, почти безлюдное место и, главное, недоступное, что и требовалось на тот момент, пока король не успокоится.

В нашу с матушкой тайну были посвящены еще четверо: ее родители – лорд Герт Грахар и леди Амель, да еще моя

кормилица Сильвия, выполнявшая потом роль няни и камеристки, и старый рыцарь Лорган. Последние двое приехали в Белогорье вместе с матушкой. Для остальных я была кронпринцем.

Может быть, кто-то из слуг замка и догадывался об истине, но их преданность роду лорда Грахар была куда выше преданности далекому королю. Горцы – особенный народ.

Насколько особенный, я узнала далеко не сразу.

Лорд и леди Грахар относились к нашему пребыванию в родовом замке, как к неизбежному злу в их, в общем-то, невидимой для меня жизни. Сам лорд обычно появлялся вечером, под конец ужина, ведя под руку супругу. Оба выглядели молодо – лет на сорок. И всегда, сколько помню, облачались в черные одеяния с серебряной вышивкой, что подчеркивало бледность их лиц и сухощавые величественные фигуры, куда там моей пышной, как мечта кондитера, королеве-матушке, чьи пестрые платья в бесчисленных оборках ветшали с каждым годом.

Супружеская чета Грахар притрагивалась на этих семейных вечерах только к кубкам, по традиции ожидавшим их во главе стола. Разговоры тихо цедились сквозь зубы и крутились вокруг непонятных мне тогда вещей: политики, сплетен о соседях, заговоров и, разумеется, идиотизма ситуации, в которую матушкина лож загнала нас обеих.

Меня злило, что королева трепетала перед дедом и бабушкой, как овца перед волками.

И то сказать, было в хозяевах замка нечто волчье, особенно, когда они улыбались. В остальном же они были вполне милы, если бы не так явно презирали свою дочь. Я рано научилась замечать такие вещи.

Один диалог, случившийся в канун моего десятилетия, запомнился особенно хорошо.

– Допустим, Хелина, пока у тебя получается прятать и за чем-то уродовать нашу девочку. Но что дальше? – складывались в тонкую презрительную нить губы леди Амель.

Я опустила ресницы, спрятав гнев. Только за семейными ужинами мне напоминали, кем я родилась. Бабушка неизменно говорила обо мне «наша девочка», «дорогая принцесса», «милая Лэйрин». Я люто ее возненавидела за это.

– Когда король вернет меня ко двору, – отвечала королева в изгнании, – я найду способ достать Роберта.

– У тебя не хватит на это ни сил, ни смелости, иначе ты давно бы это сделала, – снисходительно улыбался лорд Грахар. – А у Роберта хватит ума не подпустить тебя к столице ближе, чем на милю. Даже с его безудержными пороками он проживет еще лет двадцать, а ты не сможешь столько продержаться здесь, хотя твою неожиданно проявившуюся силу мы все оценили и поддержали.

– Я бесконечно благодарна вам, отец.

– Ты бежала в родовой дом, Хелина, и можешь рассчитывать на этот кров, пока у тебя хватает крови его держать, – странно, непонятно говорила леди Амель. – Но вне его тебе

рассчитывать не на что. Кончится сила – кончится всё. Надолго ли еще тебя хватит? И что тогда будет с твоим седьмым ребенком?

– Прошу вас, не надо при нем! – матушка побледнела и глянула на меня. С жалостью, страхом, состраданием, любовью. Когда она так смотрела, я прощала ей все.

– Надо, Хелина. Ты напрасно упорствуешь и тратишь силы. Такое не запереть даже тебе, матери. Посмотри только на ее глаза, – леди Амель подошла, подняла мою голову за подбородок. Она впервые за эти годы дотронулась до меня. Ее пальцы показались ледяными, а улыбка жутковатой, когда она сказала: – Я уверена, что ты – настоящая Грахар, чудесное дитя.

Я прошипела, глядя ей в переносицу, как животному – это особенно бесит людей, я уже знала:

– Леди Амель, никогда не прикасайтесь ко мне без моего дозволения.

Она замерла, зрачки неправдоподобно расширились, заполнив даже белок. Ямы без дна, дыры во мрак. Черные на белом-белом лице, с чудовищной багровой искрой в самой глубине. Но руку она отдернула – поспешно, без всякой величественности.

– О, да, ваше высочество, – улыбнулась, торжествующе глянув на королеву. – Что я говорила? Лейрин может оказаться нашим спасением. Согласись, Хелина!

– Нет! – с неожиданной яростью сказала тихая моя ма-

тушка. – Не отдам. Пока я жива, вы не посмеете!

И увела меня. А в моей спальне она прижала меня к себе крепко-крепко, совсем как раньше, когда я была малышкой, и поцеловала в макушку.

– Не отдам, – прошептала снова.

– Матушка, что это было у бабушки с глазами?

– Это... такая болезнь, Лэйрин, редкая болезнь. Не обращай внимания, она не заразная.

Я на столь многое не обращала тогда внимания, что это может показаться странным. Объяснение нашлось много позже: мне просто отводили глаза, чтобы не возникало неудобных вопросов.

Мои дни в замке тянулись одинаково нудно. Детей, кроме меня, там не было.

Я носила штаны и рубашку, в прохладную погоду добавлялся камзольчик, берет и подбитый волчьим мехом плащ. Мои игрушки – исключительно резные солдатики, маленький лук и деревянный меч, изготовленные собственноручно под присмотром сэра Лоргана.

Никаких кукол и кружев, упаси Боже.

Самый главный запрет – быть собой.

Утро начиналось с ушата ледяной воды и разминки: бега в любую погоду, отжимания, подтягиваний, накачивания пресса и мускулов – моя фигура должна быть мальчишеской. Старый, преданный королеве до последней капли крови ры-

царь Лорган тренировал мое тело беспощадно. Толку-то.

– Вы всегда будете слабее самого хилого воина, ваше высочество, – вздыхал наставник, разминая мне сведенные судорогой мышцы. – Вашим преимуществом должны стать ум, скорость, ловкость и меткость. Лучник из Вас, может, и получится, но в остальном...

После завтрака я бежала в библиотеку, надеясь застать тот момент, когда туда входит кто-либо из учителей.

Бесполезно. Меня уже ждали.

Учителя менялись часто. Они появлялись, словно ниоткуда, и уходили в никуда. Их одежды и лица зачастую были столь диковинными, что я пол урока их рассматривала, чем вызывала нешуточный гнев и дополнительный час зубрежки. Вне пределов огромной библиотеки, забитой фолиантами так, что нечем было дышать, я не встречала никого из этих лиц, но долго не придавала этому значения.

Меня учили всем премудростям, которые должен знать наследный принц: точные науки, словесные и изящные. Потом, когда мне исполнилось десять, добавились география, политика, экономика и астрология с алхимией. Пять языков: равнинного королевства, двух сопредельных государств, священных текстов древних айр и горное наречие, на котором изъяснялись в замке.

Ни одна женщина в равнинах, будь она даже королевских кровей, не получала такого образования. Только это и примирilo с навязанной мне ролью. Позже, много позже, когда

я осознала, что матушка сделала для меня и чем платила.

Раз в месяц жизнь резко менялась: если мое поведение было безупречным, меня брали на охоту в скалы или в леса межгорной долины, где жили наши подданные – дальеги, смуглые пастухи, охотники и кузнецы, смотревшие на нас не как на господ – они были так бедны, что облагать их повинностью было бы стыдно – а как на каких-то высших существ, спускавшихся к ним с горных вершин. Я не понимала тогда их страха. Разве мы – владыки Темной страны, чтобы так трепетать?

Два десятка замковой охраны сопровождало на охоте лорда и леди Грахар и старого Лоргана, державшего меня перед собой в седле, пока у меня не появилась собственная лошадка. Это были самые прекрасные дни и ночи – дикие, азартные, опасные. Настоящие. Ради них я старалась быть безупречной во всем.

Королева Хелина всегда оставалась в замке. Она встречала нас после – бледная, с провалившимися глазами, осунувшимся лицом – и улыбалась, когда я еще издали гордо показывала добычу – несчастного подстреленного зайца или куропатку. Скорость, ловкость и меткость – так ведь, матушка? Я молодец?

– Еще ум, Лэйрин, – напоминала она. – Вы должны мыслить, как мужчина.

«Попробуй сама», – вертелось на языке, и я опускала взгляд.

Иногда мне казалось, что замок совсем безлюдный, и по ночам он наполнен тенями и шорохами вместо людей. Но, стоило выйти из комнаты, как совершенно неслышно кто-нибудь появлялся из слуг в черных одеждах и склонялся:

– Что-нибудь угодно, ваше высочество?

Мои бесхитростные прихоти исполнялись почти всегда. Лишь однажды я позволила себе нечто экзотическое: вычитав в книге о райской птице, я попросила эту диковину.

Принесли. Через пару дней, в клетке. Радужную, с зелеными глазами.

Ночью я проснулась от слез: мне приснилось, что я заперта в тесной клетке, в крошечной тьме и вечном одиночестве, и никогда не расправлю крылья. Никогда – самое ужасное из слов.

Утром клетка оказалась пуста, если не считать радужного пера. Эту драгоценность я спрятала в шкатулке со сломанными солдатиками.

После того случая я набралась нахальства и, выйдя ночью в освещенный луной коридор, где на серых стенах плясали зыбкие тени, сказала караулившему покои стражу:

– Мне угоден друг. Такой же, как я.

И впервые услышала:

– Это невозможно, ваше высочество.

– Почему?

– Такое же – не повторить.

У них было чувство юмора, но я не помню, чтобы в замке когда-нибудь громко смеялись.

В то же утро за завтраком королева, забыв об остывающем в чашке чае, пристально изучала мое лицо, словно после долгой разлуки. Потом сказала:

– Вам одиноко, дитя мое, я знаю. И вам нужен образец для подражания. Потерпите еще немного.

На следующий день раньше срока была объявлена охота в долине, и длилась она не три дня, как обычно, а почти неделю.

А когда мы вернулись, за ужином у нас были гости. Впервые. Лорд Грахар представил нам с матушкой соседей: лорда и леди фьерр Этьер и их сына.

На миг встретившись с мальчишкой взглядами, я почувствовала себя так, словно меня ударили камнем. Это был враг, а не друг. Почему? За что?

Так у меня появился паж, положенный мне по статусу, и партнер по тренировкам – Дигеро. Диго. Образец для подражания, с ума сойти.

Он был дивно хорошеньким, тот мальчик. Кареглазый гордец с каштановыми локонами до плеч, белоснежной кожей, как у всех рожденных в Белогорье, с девчоночьи длинными, загнутыми ресницами. Выше меня на голову и неизмеримо сильнее. Мне десять, ему двенадцать. Он всегда побеждал, во всем. Еще бы.

Я дразнила пажа «девчонкой» за локоны и ресницы и доводила издевками. Он отчаянно краснел, сжимал кулаки и молчал. Как он бесил меня, слов нет.

Мне казалось, он что-то заподозрил, потому что иногда так смотрел... как я умываюсь после разминки, как сажусь в седло, как пью из горного ручья на прогулке... Подмечал каждый жест, словно проверял зародившиеся сомнения, сравнивал. Умненький, гад, – думала я тогда, – совсем как я, право же.

Я тоже подмечала каждое движение моего живого учебного пособия по мальчикам, каждую реакцию на мои пакости. Он терпел и никогда никому не жаловался. И побеждал.

Матушка всегда поднимала планку так, чтобы дотянуться можно было лишь за гранью сил, выскочив из самой себя. Да, я мстила ему за то, что она требовала от меня невозможного, но это понимание пришло много лет спустя.

Выволочку от королевы за мои злые проказы я получила быстро и по полной.

– Вы ведете себя с Дигеро недостойно, ваше высочество, – сказала она через несколько дней. – Совсем как глупая негодная девчонка. Стыдитесь, это подло.

Я насупилась, глядя на нее сердито, исподлобья:

– В чем же подлость? Он знал, что подпруга на его лошади подрезана. И знал, что это моих рук дело. Но все равно сел в седло и грохнулся. Я же его не заставлял. И он может легко побить меня, отомстить за обиду.

– Не может. Вы прекрасно знаете этикет. Да и не станет Дигеро фьерр Этьер ронять достоинство: бить слабейшего или мстить. А теперь объясните, почему вы так поступаете, Лэйрин.

– Потому что он меня ненавидит. Сразу возненавидел, с первого взгляда и даже раньше! А тогда ему еще не за что было так меня невзлюбить. Теперь есть, за что. Это же справедливо.

Королева отставила чашку с травяным отваром, завела за ухо белокурый локон, чтобы ничто не мешало ей сверлить меня недовольным взглядом.

– Как вы заметили это, дитя? Диго никогда не показывал... Впрочем, я скажу вам. Род Этьер ничем не обязан нашей семье, и среди горных кланов Грахары в равном положении с ними. Для Диго унизителен статус слуги, но его родители вняли моей просьбе, и мальчик вынужден подчиниться их воле. Он не вас ненавидит, а свою роль.

Совсем как я. Да мы с ним братья по несчастью, оказываются.

– Как это – в равном положении? – возмутилась я. – Вы – королева, я – наследный принц! Служить нам – честь!

Она пренебрежительно улыбнулась.

– Королева... Здесь это не имеет совсем никакого значения. Эти края входят в состав королевства лишь формально, потому что так удобнее лордам гор. Они – не вассалы короля, никогда не были ими и не будут, помните об этом. В Бе-

лых горах король Роберт – никто и ничто, и он об этом прекрасно знает, потому никогда сюда не сунется. Здесь важен только статус рода Грахар среди кланов. Сейчас он не столь блистателен, как прежде.

Я приняла это к сведению.

– Почему тогда лорд Этьер согласился отправить сына в услужение?

– Мы обменяли их согласие на доступ Дигеро к библиотеке замка. Она уникальна. Это искупает в их глазах все, кроме вашего низкого поведения, Лэйрин. Мне было бы легче, если бы вы обучались вместе с этим мальчиком, раз уж теперь знаете истинное положение дел.

– Вы могли сразу сказать мне о моем истинном положении, миледи. Я не вел бы себя как... как дура.

С того дня я перестала его замечать. Слова не молвила. Но Диго присутствовал в моей жизни постоянно. Отныне он трапезничал с нами на равных. Мне кусок в горло не лез.

В библиотеке обучали уже нас двоих, за одним столом. Я разучилась писать, читать и говорить. И наслаждалась растерянностью разноликих учителей. Они ничего не могли поделать, зато вдвойне терзали моего соседа. Это ведь не подлость. Он же от такого внимания только умнее станет. А я наверстывала по ночам, записывая все, что запомнила. Не высыпалась, вестимо.

И, как прежде, мы вместе тренировались под присмотром сэра Лоргана.

Перемены в моем скудном на происшествия детстве начались с появлением нового лица в моем скромном окружении. Да еще какого!

Он прибыл на рассвете, когда сэръ Лорган гонял нас с Дигго на заднем дворе за главной башней. Незнакомец вышел из двери черного хода, остановился, цепко нас оглядывая. Статный и красивый, как все жители Белогорья. Белая кожа, белые одеяния, угольные глаза, черные волосы. Тень на снегу. Зимняя вьюга.

Помню, тогда я поразилась невероятному спокойствию, исходившему от замершей фигуры. Словно он всегда тут стоял – незыблемо, как горы.

Из-за его плеча выглядывало лицо королевы – хмурое, с нервными красными пятнами на скулах.

– Ваше высочество, – матушка шагнула вперед. – Познакомьтесь с мастером Рагаром. С этого дня он будет вашим наставником по боевым искусствам...

– Позже, миледи, не с этого, – бесцеремонно прервал ее незнакомец, вместо поклона скользнув по мне взглядом. – По договоренности с домом Этьер я позанимаюсь с младшим лордом Диггеро.

Дигго аж засветился от радости.

В последующие дни я скромно наблюдала за их тренировками, делая вид, что мне не интересно, и кусала губы от зависти: настоящие мечи, нечеловеческая скорость и сила учи-

теля Рагара. Тогда-то я и поняла, что возня со мной Диго только раздражала, и предыдущую неделю он не показал и четверти истинных способностей.

– Не завидуйте ему, ваше высочество, – старый Лорган положил мне руку на плечо. Единственный, кому позволялась такая вольность. – Белогорье – особое место, и жители его – необычны. Даже в лучшие свои годы я не сравнялся бы с худшим из их воинов.

– Ты? – изумилась я.

– Я – простой человек. А это – вейриэн, – рыцарь кивнул на черноволосого воина. – В равнинах люди называют их «белые дьяволы».

– Сэр Лорган! – послышался сзади голос королевы Хелины. Спокойный, но такой жуткий, что в озноб бросило. Умела она иногда вот так выдрать нервы из тела, моя тихая матушка, дочь леди Амель.

Наставник обернулся, приветствовал госпожу, но гнев принял с достоинством:

– Вы знаете мое мнение, ваше величество. Доколе молчать-то?

– Это мне решать. Идемте, сэр Лорган, для вас есть задание.

Матушка отправила его из замка под тем предлогом, что некому больше доставить важное послание ее супругу.

Может быть, Рагар заметил мой первый восторг, грозивший перейти в обожание, потому что пресек его сразу. Он

обращался со мной так, как я со своей деревянной армией солдатиков: равнодушно и беспощадно. Я узнала, что такое содранная кожа, кровавые сопли, вывихнутые пальцы и невыносимая боль. Оказалось, верный наш рыцарь Лорган был излишне человечен и мягок, когда издевался над моим телом.

– В жизни у меня не было ученика бездарнее, – приговорил Рагар после первой же тренировки.

И скоро я возненавидела прекрасное ледяное лицо и пристальные глаза нового наставника.

Писать и перелистывать пергаменты в библиотеке я не могла уже по уважительной причине, но писала из принципа. И не плакала тоже из принципа. Не дождутся.

Увы, тренировки не прекращались ни на день: вывихи вправлялись, переломы заживали с той же скоростью, как появлялись. Матушка врачевала. Удивительный талант.

Диго заговорил со мной первым через три месяца взаимного презрительного молчания.

В то утро я одной правой рукой седлала свою лошадку в конюшне – низкую, косматую, особой горной породы. Левая рука висела на тряпичной повязке. Растяжение связок, ерунда. Что поделаешь – не муха, по отвесной скале ползать без веревки. Когда я сорвалась с уступа в пропасть, то не разбилась только непонятным чудом: словно огромная невидимая ладонь легла на спину, прижала к камню и держала, пока я

выкарабкивалась, теряя сознание от боли.

– Рагар со мной поначалу и не такое творил. Думал, не выживу, – вдруг буркнул Диго, попытавшись помочь мне затянуть подпругу.

– Отойди, сам справлюсь! – сверкнула я глазами.

Мальчишка передернул плечами и отошел.

– Затянешь слабо – опять упадешь, – сказал вполоборота.

– Как упаду, так и поднимусь. Не твое дело.

– Можешь и не подняться. Сегодня поедем вдоль ущелья.

– Ну и сдохну, тебе-то что.

Подлезла под брюхо и затянула зубами проклятую пряжку. Оборжаться всяким. Диго не смеялся. Подошел, дернул, и седло свалилось. Сволочь.

– Послушай, Лэйрин...

– Я не позволял обращаться ко мне на ты!

– И я не позволял, ты первый начал. И что тут такого?

Для младших сыновей лордов допускается этикетом такое обращение.

– Я не младший. Я – единственный и неповторимый.

И тут он впервые улыбнулся.

Жизнь бы отдала за его улыбку, как вспомню. Только бы еще раз увидеть. Диго, мой гордый Диго, что я тогда понимала?

– Раз ты наследник, почему рискуешь жизнью по пустякам? – уже привычно нахмурился он. – Она принадлежит роду.

– Ненавижу пафос.

– Ты и меня ненавидишь, что с того? Подпрыгну одной ненавистью не затянешь.

Он отодвинул меня в сторонку, и через минуту кобыла была оседлана. Я вскарабкалась на нее без его драгоценной помощи.

Прогулка намечалась не просто так: вместо очередной охоты мы ехали с ответным визитом в дом лорда Этьер.

Почему столь важное событие происходило без матушкиного участия, – я терялась в догадках. Может, она заболела? Королева никогда не болела, а ее изможденный вид в дни, когда мы возвращались с охоты, быстро приходил в норму. Но и в этот раз она осталась в замке вместе с Сильвией и несколькими слугами. Остальные сопровождали нас с лордом и леди Грахар.

Так далеко мы еще не забирались в Белогорье.

Я едва сдержала вздох восхищения, когда увидела дом рода Этьер.

Белоснежные колонны, арки, хрустальные шпили сияли и парили над скалой, как волшебное видение. Он был невелик снаружи, но продолжался в горе, ибо на самом деле оказался огромен. По сравнению с его великолепием наш замок был ветхой лачугой.

У горцев сложный этикет. Высших по рангу гостей хозяева встречают еще перед мостом, ведущим в замок, низших –

в залах. Равных или низших по статусу, но особо уважаемых – ровно на середине парадной лестницы. Каждая ступенька имела свое значение.

Так вот, матушка пощадила гордость кронпринца, когда рассказывала о положении рода Грахар среди кланов Белогорья.

Лорд и леди Этьер, тоже все в черном, как и мои родители, ждали нас на верхней площадке хрустальной, призрачно-прозрачной лестницы. Казалось, они парили в воздухе.

Поняв, кто есть кто, я непроизвольно оглянулась на Диго. Он почему-то чуть покраснел и опустил ресницы. Девчонка, говорю же. Матушка бы меня отчитала за такое смущение.

Надменная леди Амель чуть резче, чем обычно, выдохнула воздух через ноздри, выпрямила спину так, что тронь – зазвенит, и двинулась вперед под руку с супругом. Я замерла столбом.

– Не бойся, лестница не растает, – усмехнулся Диго, обойдя меня в сопровождении наставника Рагара.

Ледяной воин тоже вздернул угольную бровь. Это была первая эмоция, увиденная мной на его бесстрастном лице. Какая радость.

Растерянная охрана не решилась оставить меня одну и переминалась на шаг позади.

Бабушка, только поднявшись, поняла, что происходит неладное: по окаменевшим лицам четы Этьер. Так мы и стояли бесконечные минуты, я – внизу ничтожной букашкой,

они – вверху гневными богами.

Разумеется, я не слышала, о чем они говорили. Думала – как буду возвращаться одна, пешком, на ночь глядя, в несутную даль. Лошадей-то наших уже приняли конюшие и увели. И как, если доберусь, буду успокаивать матушкин гнев. На бабушкин было уже плевать. Вон, белая какая стоит, блее даже «снежного дьявола» Рагара.

Но я – кронпринц. Единственный наследник короля Роберта, в чьих владениях находится Белогорье. Формально? Король здесь никто и ничто? Никогда не сунется? Но я-то – здесь. Если я когда-нибудь надену корону, кланы не забудут, как встретили меня в первом же доме. Как низшего. И я навсегда останусь для них никем и ничем.

Моя выходка была понята правильно. Я молчаливо требовала признания моего статуса, напоминала о праве моего короля, праве моей короны. Будущей, конечно. Я его получила. Лорд и леди Этьер начали спускаться. Неуверенно, медленно, дергаясь, как куклы.

Они мне этого никогда не простят.

Я не стала испытывать их прочность – видно же, что бешенство еле сдерживают – и поднималась одновременно. Все-таки я еще не король.

Мы встретились ровно посередине лестницы.

Будем считать, особое уважение я заслужила. Но вот ведь в чем прелесть: дальше-то мы поднимались вместе, к ожидавшим нас лорду и леди Грахар. Получилось забавно.

Лорд Этьер, пока мы поднимались, тихо сказал:

– А ведь у кланов будут с вами большие проблемы, принц Лэйрин, если вы когда-нибудь станете королем равнин.

Его супруга усмехнулась:

– С таким характером можно и не дожить до коронации. Мой вам совет, ваше высочество, если позволите. Никогда не пытайтесь поставить горы на колени. Раздавят.

На бабушку я боялась поднять глаза и была потрясена, услышав позднее, когда нас провели в залы, ее шепот:

– Спасибо, волшебное дитя. Это было лучшее зрелище в моей жизни.

– Но последствия будут кошмарные, – так же тихо заметил дедушка.

– Плевать, разгребем, – безмятежно отозвалась леди Амель.

И я заподозрила, что характером пошла именно в нее. Вот ужас.

Когда мы вернулись в наш замок, во дворе я увидела сэра Лоргана, еще более поседевшего всего за три месяца. Я повела себя как ребенок – подбежала, повисла на его шее. Потом было стыдно.

Старый наставник подхватил меня одной рукой, отечески взъерошил короткий ежик волос на моей голове.

– Благодарю за честь, ваше высочество, я тоже рад вас видеть. Уж и не чаял.

Он был мне вместо отца, наш преданный рыцарь. Лучше отца.

– Ваше высочество принц Лэйрин! – строгий окрик матушки.

Поворачиваюсь:

– Мне угодно, матушка, чтобы сэра Лорган больше никогда не покидал меня. Я не желаю другого наставника.

Ага, размечталась.

– У вас будет тот наставник, сын мой, какой будет необходим для вашего развития.

На ледяной морде учителя Рагара не дрогнул ни единый мускул.

На следующий день матушка лечила мне разбитый нос. Надо учиться защищать голову и падать на камни мягко, как кошки. Как «снежные дьяволы».

Сэр Лорган вернулся с вестями: Роберт Сильный пожелал увидеть сына.

Встреча была назначена через месяц на нейтральной территории, в окрестностях небольшой крепости Файри сразу за границей Белогорья. Король не подпустил матушку к столице и на сто миль, но и сам опасался ступить в горы.

Глава 2

Знаменательное утро началось с кошмара.

На меня надели девчоночью белую рубашку с кружевными воротником и манжетами, черный бархатный камзол с уродскими лентами на рукавах, узкие зеленые панталоны, короткий черный плащ с зеленой подкладкой. В жизни такого позора не носила. Этот кукольный наряд привез из столицы сэр Лорган, чтобы принца принарядить. А я еще на шею ему вешалась!

Чтобы я все-таки напялила на себя кукольные тряпки, матушка пошла на хитрость, подарив настоящий кинжал, такой же, какой был у Диго, предмет моей зависти: небольшой, с удивительным лезвием – белоснежным, полупрозрачным, как льдинка. Его лезвие начинало резать еще до того, как соприкоснуться с предметом. В Белогорье было много чудесных вещей, привычных для меня, как небо над головой. Их удивительность я осознала много позже. Тогда я росла среди них и ничему не удивлялась.

Дигеро, с которым мы почти помирились за месяц, заржал, увидев меня в кружавчиках, за живот держался. Мы с ним тут же подрались. Я была в такой ярости, что плевать, на голову он меня выше или на все три, и будь у него хоть сам Владыка Темной страны наставником.

Нос я мальчишке все-таки расквасила и была страшно

горда. Да еще, вот радость, от кружев ничего не осталось: пришлось это рванье обрезать, а оторванный рукав и порванный плащ срочно штопать. Даже матушка помогала Сильвии, чтобы не опоздать к назначенному часу. Мой фингал и содранные костяшки пальцев она излечила уже в дороге, посадив меня к себе в седло.

– Надо бы оставить вам это украшение в назидание, ваше высочество, – ворчала матушка, накладывая чары, – но ваш отец может подумать, что его сына здесь постоянно избивают.

Я покосилась на ехавшего рядом учителя Рагара и расхохоталась. «Учитесь переносить боль, ученик, иначе какая-нибудь царапина в бою может стоить вам головы».

Роберт Сильный прибыл с сотней гвардейцев. Выглядели они эффектно: сверкающие доспехи, разноцветные плюмажи на шлемах, развевающиеся плащи, шелк и пурпур штандартов.

Нас с матушкой сопровождал Рагар с полусотней «снежных дьяволов» на белых мохнатых лошадаках и более привычная охрана – молчаливые и не улыбочивые слуги замка в черных латах.

Шеренги остановились по разные стороны каменного моста, возведенного через неширокую, но глубокую граничную речушку. С той стороны вперед выдвинулся огромный конь с могучим всадником в седле. Королева не двинулась. Я по-

няла, что ей запрещено даже ступить на граничный мост.

Всадник снял шлем, явив огненно-рыжие волосы, стальные глаза на широком, красном, но породистом лице, лоснившемся от пота. Лето все-таки, солнце припекало, металл нагрелся. Им с матушкой было тогда по тридцать три, но королева выглядела молодо, а он мне показался стариком, почти как сэр Лорган.

– Вижу, миледи, вы совсем не изменились, – зычно крикнул рыжеволосый. – С кем вы собрались воевать? Неужели со своим королем?

– Всего лишь охраняю жизнь и здоровье вашего сына, сир, – королева склонила голову. – Принц Лэйрин, приветствуйте вашего короля и отца.

Я оцепенела от изумления: вот этот уродливый человек – мой отец? Нет-нет. Не может такого быть!

– Что-то я не вижу моего сына среди этих дьявольских порождений, – осклабился король, подъезжая ближе. – Где же он?

Я была единственным ребенком в нашем отряде. Король не мог меня не заметить, и смотрел он мне прямо в глаза. Я, не моргая, уставилась ему в переносицу. Если уж Рагара выдерживаю, то и этот рыжий буйвол мне нипочем.

– Где мой сын, миледи? – повторил король уже с угрозой, сморгнув, но не отведя стальных глаз. Щека у него задергалась. – Неужели вот этого худосочного зеленоглазого дьяволенка вы пытаетесь выдать за моего сына? Кто в это поверит?

Рожа у него даже отдаленно не моя.

Мне стало смешно. Какое счастье, что рожей не вышла, – подумалось. Он не признает меня, и не надо будет притворяться, никогда. И никаких Рагаров больше не будет!

– Поклонитесь же, Лэйрин, – прошипела матушка. – Не позорьте меня.

Я поклонилась. Жалко, что ли. Но ликование не могла сдержать. Оно рвалось из меня, распирало. Недолго.

Сердце ухнуло в пятки, когда король сказал:

– Вы дурно его воспитывали, миледи. Отныне я сам займусь его воспитанием.

– Не раньше, чем вы признаете Лэйрина как своего сына и наследника, отмените мое изгнание и вернете мне моих дочерей, – ответствовала матушка.

– Я сообщу о своем решении завтра.

Он усмехнулся, оценив мою брезгливую гримасу, и развернул коня.

Королева Хелина расположилась лагерем по одну сторону реки, король Роберт – по другую. Так и заночевали.

С той стороны горели костры, слышалась грубая ругань, дикий хохот, невнятные вопли. На нашей – царили тишина и безмолвие. Даже лошади не фыркали – тихо щипали траву и изредка шевелили хвостами, отгоняя насекомых.

Для нас с матушкой раскинули палатку, принесли войлочные постели и одеяла: ночи в предгорье были прохладные.

Но мы с ней сидели на нашем крутом берегу, полускрытые кустами, и смотрели на веселье королевского лагеря.

– При дворе будет много грубых и неприятных вещей, ваше высочество, вы должны к этому быть готовы, – говорила матушка. – Наши горы чисты и строги. У равнинных людей все по-другому.

– Я не хочу туда, ваше величество, – прошептала я в отчаянье. – Пощадите меня. Я там умру.

– Вы ли это говорите, Лэйрин? – повернула она бледное лицо.

– Он мне не отец.

– Не смейте даже думать так!

– Но я же вижу, матушка. Этот человек не может быть мне отцом!

– Что вы можете видеть и понимать?! Вам всего десять с половиной лет, вы еще ребенок, пусть чересчур развитый для своих лет, но ребенок.

– У меня тоже есть сердце. Этот рыжий урод – чужой мне.

– Замолчите! Больше никогда не говорите такого, даже себе. Вы... его ребенок.

Она не смотрела на меня, она лгала мне – я чувствовала.

– Лэйрин, вы обязаны стать королем.

– Зачем? В Белогорье он никогда нас не достанет, вы мне сами говорили.

– Только это защитит вашу жизнь. И мою. Мы не можем здесь долго находиться. Я не могу. Десять лет я... – она су-

дорожно вздохнула и не договорила. – Это слишком много. Лэйрин, меня хватит еще на год, не больше, а без меня Белые горы станут для вас смертельно опасными. Вы должны быть в безопасности к тому времени.

– Вы... больны? – перепугалась я. – Бабушка вас все-таки заразила?

Она тихо рассмеялась и обняла меня.

– Дитя, совсем еще дитя. Как же я люблю вас, Лэйрин, больше всех на свете! Если король не признает вас, мы уйдем дальше на север, за Белые горы. Там ужасно холодно, страшно, но никто нас не достанет.

– И вы скажете, кто мой настоящий отец?

– Ваш отец – король Роберт Сильный, ваше высочество. Идемте, вам пора спать.

Наутро королеву с сыном пригласили на тот берег. Матушка торжествующе улыбнулась. Нетрудно понять, каким будет решение короля, если опальной Хелине позволили ступить хотя бы шаг из-за границ Белогорья.

В королевском лагере было немногочисленно. Похоже, большая часть свиты отсыпалась после бурной ночи в двух больших палатках. Нас сопроводили к шатру со штандартом короля. Сначала по приказу Роберта вошла матушка, оставив меня в окружении нашей охраны – десятка «снежных дьяволов» и столько же замковых слуг.

Ткань шатра совершенно не препятствовала зычному го-

лосу короля:

– Стой у порога, миледи. Еще шаг, и ты умрешь.

– Неужели доблестный Роберт Сильный боится слабой женщины?

– Ведьма – не женщина! Теперь слушай, Хелина. Мне проще признать твоего ублюдка, чем заводить канитель с разводом, новой женитьбой и получить в результате какого-нибудь другого ублюдка. За вами, бабами, не уследишь. Твой выродок, как его... Лэйрин будет объявлен моим наследником, но об остальном можешь забыть. Сиди в своем ведьмином логове, ублажай каких хочешь дьяволов, но во дворец и к дочерям я тебя не подпущу и на сто верст. Мальчишку я заберу сейчас.

Душевым человеком был король Роберт Сильный.

Хотя рядом с шатром находилось всего двое из его охраны, громогласный голос монарха слышали многие. А мы стояли всего шагах в пяти. Это слышал Рагар. Это слышали наши слуги.

Кровь отхлынула у меня от лица, руки заледенели. В эти минуты я познавала, что такое настоящая ненависть. Ледяной огонь. Палящий лед. Чудовищное желание чужой смерти и полное бессилие. Иссущающая жажда и полная невозможность – убить, сей миг. Никто никогда не смеет безнаказанно унижать мою матушку.

Гордо подняв голову, я уставилась на развевающийся штандарт короля с золотым львом на алом поле. Я ощуща-

ла колючие взгляды рыцарей, откровенно рассматривавших нас, слышала смешки и гнусные реплики. Свита была под стать благороднейшему королю Роберту Сильному. Мерзее рож я в жизни не видела, да еще в таком количестве.

– Нет, сир, – отвечал спокойный, но продирающий до озноба голос матушки. – Вы не заберете его на таких условиях. Выслушайте мои.

– Ты еще смеешь...

– Смею, ваше величество. Пока еще я ваша супруга и мать ваших детей. До совершеннолетия Лэйрин восемь месяцев будет находиться в Белогорье, остальное время – при вашем дворе.

– Два месяца займет только дорога.

– Оставшихся дней более чем достаточно. И вы позволите мне быть рядом с детьми в эти дни.

– Никогда! – зарычал король. – Я отправлю тебя на костер, ведьма, там твое место!

– Ни единый волос не упадет с моей головы, иначе его придут поднимать Белые горы. Но, раз переговоры у нас зашли в тупик, сир, я уйду вместе с сыном и больше никогда вас не побеспокою. Процедуру развода вы можете совершить без моего присутствия. Позвольте откланяться, ваше величество.

– Катись со своим ублюдком! Ноги твоей не будет на моих землях, Хелина. Доберусь и до твоего проклятого логова.

Матушка стремительно вышла – бледная, с горящими гла-

зами. Кивнула Рагару:

– Уезжаем.

– Коня! По седлам! – тут же вывалился из шатра взбешенный Роберт. Его налитые кровью глаза остановились на моих, заледеневших ненавистью, и он словно споткнулся, шумно вдохнул. И рявкнул: – Как надо приветствовать своего короля, дикарь?

Коней нам подвели одновременно, но я замешкалась и, пока заставляла себя склонить перед этим чудовищем голову, Роберт Сильный взлетел в седло, вонзил в жеребца шпоры и рванул с места.

Его конь летел почти на меня, отсекая Рагара и охрану. Король, склонившись набок, вытянул огромную руку. Рывок, и земля ушла из-под моих ног.

Я оказалась в седле перед этим рыжим буйволом, несущемся с бешеной скоростью, сжатая как тисками его хваткой – не вывернуться. Я извивалась, пыталась кусаться. Проще камень загрызть.

– Лэйрин! – отчаянный крик матушки таял позади слишком быстро.

С боков возникли два белых смерча: нас нагнали «снежные дьяволы». Но их тут же отвлекли вырвавшиеся из укрытия всадники. Зазвенела сталь.

Похищение было подготовлено, – пронзило меня понимание. Вот почему в лагере короля сегодня так мало людей. И тут я увидела, что навстречу с холма спускается целая армия

всадников с королевскими знаменами, сотни людей. Это конец.

Извернувшись, я вытащила из ножен мой новый кинжал и со всей ярости вонзила его в шею коня, куда смогла достать, чуть пониже холки. Тонкое белоснежное лезвие до упора вошло между позвонков. Жеребец споткнулся и начал валиться.

Короля выбросило из седла. Державшая меня рука ослабила хватку, а падать меня Рагар научил. Даже если сдохну – все лучше. И тут меня подхватила сумасшедшая сила, рванула вверх, не дав упасть. В шею врезалась завязка плаща. Лопнула.

Меня снова швырнула в седло чья-то рука.

– Держитесь, ученик! – услышала я голос Рагара.

По бокам замелькали нагнавшие нас рыцари короля, с ними схватились белые вихри. Зазвенела сталь. Нас с Рагаром плотно окружили «снежные дьяволы», и, казалось, я лечу в гуще метели. Загремели под копытами камни моста.

Белогорье!

Рагар спрыгнул на землю далеко за мостом, снял меня с седла, передал матушке.

– Вы спасли Лэйрина, Рагар! – воскликнула она, обнимая меня. – Моя благодарность...

– Лэйрин сам себя спас, – поклонился «снежный дьявол». – Я не мог послушаться приказа и поднять руку на короля.

– Ваше высочество! – ужаснулась королева.

Я возмущенно задрала голову на ее заплаканное лицо.

– Только на его коня, матушка! Но, если король свернул себе шею, так ему и надо.

С той стороны реки послышались звуки горна, и Рагар, выстроив своих воинов, отправился встречать новую напасть.

Королева Хелина судорожно сжала ладони.

– Если он свернул себе шею по вашей вине, Лэйрин, вас обвинят в убийстве короля, и кланы будут вынуждены выдать вас для суда. Я не смогу ни последовать за вами, ни защитить. Остается бежать сейчас.

Матушка зря переживала: королевская шея осталась цела, а вот ногу и ключицу он сломал, как выяснилось чуть позже. Посланники Роберта Сильного передали письмо королеве Хелине с предложением продолжить переговоры после выздоровления Его величества, пострадавшего от несчастного случая на охоте.

К письму прилагалось золото: король был взбешен тем, что его предполагаемого наследника содержат в нищете, если даже парадный плащ оказался заштопан. На матушку было страшно смотреть, когда она ледяным тоном зачитала мне эти постыдные строки. С другой стороны, разве тот клятый плащ у меня был единственным?

На следующее утро я выползла на разминку во двор с

опухшим лицом и красными глазами. Нос разбух. Ночью вырвелась в подушку за все свое счастливое детство. Хотела даже бежать одна на север, чтобы никто до меня не добрался. На этой мысли и уснула.

– Что с тобой? – изумился Диго. Он ждал меня, бросая дротики в деревянный щит. Нос у него, кстати, тоже распух после вчерашней драки. Красавчик.

– Аллергия, – говорю. – На королей.

Он подошел к щиту, с трудом выдернул из центра нарисованного круга два дротика – крепко засели, лезвие к лезвию.

– Я слышал, ты свой новый кинжал в его лошади оставил. Рагар тебя хвалил, – сказал он и протянул дротики. – Держи, это мой подарок. Вчера я вел себя как дурак, прости.

Значит, он и про остальное уже слышал, про ведьму и ублюдка.

Я оттолкнула его и побежала прочь. Только бы не разреваться. Только бы не...

– Лэйрин, ты что? – он догнал, поймал за плечо.

– Не смейте прикасаться ко мне! – вырвалась.

– Почему ты... на вы?

Потому что он – сын лорда, а я...

Бум-с. Врезалась в ледяную стену. С угольными глазами.

– Вернитесь на площадку, ученик, – Рагар развернул меня и тычком в спину отправил обратно. – Раз уж вы доказали, что способны держать оружие воина, сегодня начнем тренировку с обычным мечом. Не деревянным, но затупленным.

Нет, вот чем мне показался плох король Роберт, а? Ведь был у меня шанс избавиться от этого сугроба с углями, был...

Внешне все продолжалось по-прежнему: тренировки утром и вечером, занятия в библиотеке днем, семейные встречи после ужина. С Диго я была безукоризненно вежлива, говорила «вы» и жутко его этим бесила, куда сильнее, чем когда издевалась над ним по дурацки.

А в редчайшие минуты, когда я была предоставлена сама себе, готовила побег. На всякий случай. Сразу решила: сбегу, если матушка все-таки отправит меня к королю.

Карту Белогорья и сопредельных стран, особенно, севера, я унесла из библиотеки и учила наизусть. Учителя географии и языков были потрясены неожиданным рвением ученицы, а Диго с подозрением косился.

Северная Империя давно занимала мое воображение. На языке древних айров она называлась Лаэшри, «снежная страна». К снегам и холоду все горцы привычны, а спрятаться на огромной территории соседнего государства есть где. На древней карте Империя выглядела почти как ромб, его длинные острые углы упирались в оба океана – Западный и Восточный, верхний тупой угол уходил в вечные льды Северного, а нижний – упирался в Белогорье.

На современных картах западный угол ромба был на треть закрашен черным, словно берега Империи аккуратно отрезали по дуге и съели. Так оно и случилось: пятьсот лет на-

зад на эту землю пришла Темная страна – блуждающий ужас нашего мира. Любая земля могла в один прекрасный день стать Темной на сотни лет.

Любая, кроме Белогорья.

От горцев часто можно было услышать: когда Белые горы станут Черными, тогда весь мир станет Темным, весь и сразу.

Но разве такое возможно?

Очень немногие записи очевидцев, найденные потом на развалинах бывших городов, погруженных во Тьму, полны были ужасающих подробностей первых дней катастрофы. Я перечитала не по разу все, что могла найти в нашей библиотеке.

Суть сбивчивых рассказов свидетелей сводилась к тому, что приходило Нечто, воцарялась тьма, и земля начинала плавиться и изменяться. Люди сходили с ума, убивая своих близких, детей и друг друга. Мертвецов воскрешали сущности, называющие себя темными князьями, и мертвая армия обращала всех, оставшихся в живых, в рабов. Дружину, командовавшую армией мертвецов, составляли черные вейриэны, приходившие вместе с князьями. А владыку Темной страны называли Азархарт.

На преобразование захваченной территории уходило два-три дня, и пораженная земля исчезала из мира живых, пока из нее не высасывались все соки. Никто не знал, что там происходит: новые границы становились непроходимыми, словно само время изменялось. Никто из людей не возвращался

живым. Единственное, что было известно – Темные князья и черные вейриэны брали в жены или похищали живых женщин из соседних стран. И попробуй какой-нибудь монарх не отдать дочь в жертву темным – в его государство быстро приходили чума и мор. Еще не Тьма, но очень, очень близко.

Я распланировала маршрут бегства так, чтобы хотя бы издали глянуть на границы Тьмы – давно будоражила меня эта загадка.

Умыкнув в кладовке мешок, пришила к нему лямки, сэкономила походные полоски вяленого мяса, а с кухни, пока не видит Сильвия, крала хлеб, яблоки и сушила. Позже в скудное снаряжение добавился ржавый нож, найденный в скалах.

До конца лета мясо испортилось, осенью сухари заплесневели, к зиме нож треснул, а карта таинственным образом исчезла из мешка.

В начале зимы, незадолго до обильных снегопадов, после которых наши перевалы становились совсем непроходимыми, отряд Роберта Сильного снова стоял по ту сторону каменного моста. А мы с матушкой и «снежными дьяволами» – напротив. На мне опять был новый уродский костюмчик с кружавчиками, на этот раз целыми и невредимыми, подбитый мехом плащ, да еще бархатный изумрудный берет с серебристым пером.

Король, подъехав к нам на расстояние броска копья, спе-

шился, и мы все вынуждены были сделать то же самое и поклониться.

– Подойдите ближе, миледи, – позволил он, сделав несколько шагов вперед и бросив поводья коня на каменный столбик ограждения. Я заметила, что Роберт сильно хромал. На меня он совсем не смотрел.

– Вы хотели увидеть ваших дочерей, Хелина? – спросил он с кривой усмешкой. – Я предоставлю вам эту возможность. Двух старших я взял в это изнурительное путешествие, дабы они увидели, почему растут без матери.

Он поднял руку, и по этому знаку конский строй за его спиной раздвинулся, и один из рыцарей вывел на мост двух гнедых лошадей с всадницами. Девочки едва держались в дамских седлах и всхлипывали от страха. А ведь они старше меня года на три. Жалкое зрелище.

Матушка подалась вперед, жадно вглядываясь в их лица. Принцессы были такими же красивыми, как она, но если королева Хелина была невероятно бледна, то этих ангелочков украшал нежный румянец. Из-под накинутых на головы капюшонов с меховой опушкой выбивались длинные белокурые локоны; их огромные, синие, как у матушки, глаза, испуганно смотрели то на королеву, то на «снежных дьяволов» за нашими спинами.

Король опустил руку, и рыцарь остановил лошадей с принцессами.

– Вы, кажется, хотели быть рядом с дочерьми, миледи? –

спросил Роберт. – Извольте. Я пойду навстречу вашему желанию и верну вам этих двух. Но мне нужен наследник. Будущего короля должен воспитывать мужчина, а не баба. Как насчет обмена?

– Мои дети не заложники, сир, чтобы обменивать их, – Хелина надменно вздернула подбородок. – Мои условия вы знаете. Я хочу быть рядом со всеми моими детьми.

Желваки на скулах короля заходили, он метнул на меня яростный взгляд, и я поняла, что в отместку за коня и свои увечья он переломает мне все кости, стоит попасть в его руки.

– Пусть подойдет этот твой...

– Стойте на месте, Лэйрин, – оглянулась матушка.

Роберт Сильный подошел сам – ступил на землю Белых гор, прошел два шага и остановился передо мной. Королева охнула, но осталась на месте. Я чувствовала себя в безопасности между мастером Рагаром и сэром Лорганом, презрительно кривила губы и ничего не боялась.

– Как надо приветствовать своего короля, дьяволенок? – рявкнул государь.

Я склонилась в поклоне. И в тот же миг он сорвал берет с моей головы, смял в кулаке. Перо треснуло.

– В присутствии короля, – по-волчьи улыбаясь, сказал Роберт, – в головном уборе допускается оставаться только членам его семьи. Запомни это, невежа.

Развернулся и ушел.

– Подумайте, миледи, – бросил он, проходя мимо королевы. – Агнесс и Адель, позволяю вам попрощаться с вашей матерью.

Сопровождавший принцесс рыцарь снял их с седел, и они робко подошли к королеве, присели в поклоне. И вдруг обе прильнули, заглядывая ей в лицо. Зашептали:

– Мы вспоминали вас, миледи. Вы нас помните?

– Миледи, мы так скучали!

Хелина что-то шептала и гладила их белокурые головки. Король пару минут наблюдал, прищурившись, потом приказал девочкам отойти и сесть на лошадей.

– Даю вам срок неделю, Хелина, – сказал он, тоже сев на коня, и демонстративно оборвал сломанное перо с моего берета, который все еще мял в кулаке. – Шесть королевских дочерей в обмен на одного ублюдка.

– Я вам сразу отвечу, сир. Нет.

– Нет так нет, – усмехнулся король. – Как видите, принцессы, я сделал все, что мог. Вы не нужны вашей матери.

Теперь я понимаю, что именно тогда мои сестры возненавидели меня, и благороднейший король сделал для этого все.

На прощанье Роберт процедил:

– Через неделю вы сами приползете сюда на коленях, миледи.

Матушка еще долго стояла на мосту, глядя вслед удалявшимся всадникам. Девочки несколько раз оглядывались на нее, вытирая слезы. Добрым был наш воспетый в балладах

король Роберт Смелый, добрым и милосердным: позволил свидетелься.

Когда мы вернулись в горный замок, Хелина сразу ушла в свои покои, а я пробралась в тайник и выбросила мешок с ржавым ножом, заново насушенными сухарями и полосками мяса. Бегство стало невозможным. Это означало предать матушку, пожертвовавшую ради меня любовью к старшим дочерям.

На ужин королева не спустилась из своей комнаты. Мы сидели вдвоем – я и Диго. На противоположном краю овального стола два кубка ждали лорда и леди Грахар, но их тоже не было.

– Я убью его, – заявила я, ковыряя вилкой кусок куропатки.

Дигеро, давно расправившийся со своей порцией и десертом, поднял ресницы:

– Если ты имеешь в виду короля, то я помогу. Ты всегда можешь на меня рассчитывать, Лэйрин.

Так мы стали бы заговорщиками, если бы он не добавил:
– Знаешь, я рад, что он не признает тебя своим сыном. Я бы стыдился такого отца. У нас говорят, что Роберт – чудовище. Он превращается в огненного дракона и держит в заточении шестерых прекрасных принцесс. Если мы с тобой их спасем, то станем героями.

Я не успела захлопнуть отпавшую челюсть: двойные

створки двери распахнулись, повеяло ледяным холодом, как всегда бывало при появлении лорда и леди Грахар.

– Дети, как можно повторять сплетни невежественных слуг! – поморщилась леди Амель, входя вместе с супругом и родителями Диго.

Лорд Этьер взглядом пригвоздил сына к креслу:

– А тебе должно быть вдвойне стыдно, Дигеро, говорить такое в глаза сыну Роберта. Если бы король не хотел признать Лэйрина, он не пришел бы за ним.

Последней вошла матушка – бледная, тихая, с припухшими глазами.

– Идите к себе, ваше высочество, – распорядилась леди Амель. – У нас будет разговор не для детских ушей.

Я бы послушалась, но матушка молчала. Она выглядела совсем потухшей, и страшно было оставлять ее одну в бабушкиных когтях. Вскинув голову, я отчеканила:

– Если ваш разговор касается меня, то я имею право знать.

Лорд Грахар, переглянувшись с лордом Этьер, кивнул:

– Что ж, ваше высочество, вам будет полезно знать, что стоит на карте. Ваш отец прислал ультиматум кланам. Либо горные лорды выдадут ему вас, отняв у матери, либо он соглашается на брак одной из его дочерей с императором Севера и в качестве приданого передает Империи наши территории. Формально они входят в состав королевства. Я все правильно излагаю? – он вопросительно посмотрел на лорда Этьер.

Тот кивнул:

– Да, и это очень нежелательный для нас ход. Роберт Сильный – посредственный монарх, которого мы можем держать далеко от Белых гор, сохраняя независимость, но император – птица совсем другого полета. Он попытается сразу поставить нас на колени и сделать действительными вассалами. Но Белые горы не кланяются никому. Это будет многолетняя война.

– Но даже старшим девочкам всего тринадцать! Как он может? – прошептала матушка.

– Это древняя практика, – пожала плечами леди Амель. – До совершеннолетия избранница воспитывается как невеста в доме будущего мужа, но ее имуществом он уже имеет право распоряжаться.

– Императору триста лет! – королева горестно заломила брови.

– И что особенного? – фыркнула бабушка. – Может он и старик, но детей ему уже не надо, есть у него наследники. Горцы тоже долго живут. А северяне – и по пятьсот, и более лет в своей вечной мерзлоте, потому и приходится им часто жениться, если берут чужеродных женщин. Быстро мрут, бедняжки. Климат плохой.

Матушка еще сильнее побледнела, отвернулась, прошептала:

– В конце концов, королевству Роберта невыгодны такие условия. Сейчас его защищают от Севера горные кланы, он

должен это понимать.

Мой дед покачал головой:

– Увы, как оказалось, этот рыжий бык, когда разъярится, способен и Белые горы свернуть. Это еще не все, Хелина. Твой дражайший супруг угрожает пойти на договор с Империей и в том случае, если кланы позволят тебе бежать вместе с сыном.

Матушка взглянула на лорда Этьер.

– И кланы решили выдать Лэйрина?

Леди Амель опередила ответ, процедив:

– Если бы ты не поставила свое право матери выше права рода Грахар, и наши надежды подтвердились бы, то и речи бы не было о выдаче.

Лорд Этьер кивнул, соглашаясь:

– Это так. Ваш супруг знает о вашем положении здесь, потому и обнаглел. Он дал нам неделю для ответа, но вы правильно поняли, миледи: кланы не будут защищать вашего сына. Либо Лэйрин будет у Роберта, либо у нас будет война, которая ничем не заденет короля. Эти земли ему все равно как кость в горле – не проглотить, а Империя – сильный союзник.

– Который потом сожрет и все королевство, – дополнила бабушка. – Но мы можем попытаться найти другой выход, Хелина.

Она повернулась ко мне.

– Нет, – матушка прижала меня к себе. – Не отдам!

– Отдашь, – хищно улыбнулась леди Амель. – Если не нам, то Роберту.

Диго, жавшийся к стенке, чтобы его не выгнали, переводил ошеломленный взгляд с одного лица на другое и вдруг гневно вскричал:

– Да как вы можете так поступать, отец? Разве не вы внушали мне, что долг сильных – защищать слабых? А вы хотите отдать беззащитных этому рыжему чудовищу по первому его требованию. Мы – Белые горы! Кто после этого будет верить нам? Теперь все будут знать, что горные лорды – слабаки, и нам нельзя доверить ни жизнь, ни честь!

Диго, мой отважный Диго, светлое благородное сердце, как восхищалась я тобой в тот миг! Может быть, именно тогда лорд Этьер понял, что потеряет сына, если уже не потерял. Но он сделал попытку удержать:

– Дигеро, ты не должен вмешиваться в разговоры старших. Учись у принца Лэйрина сдержанности. Хотя ты, разумеется, прав. Мы обязаны защищать тех, кто хочет получить нашу защиту. Но мы не можем помогать против воли. Проблема в том, что миледи Хелина отказалась от помощи гор.

Теперь я во все глаза уставилась на матушку: как это – отказалась? Почему?

– Цена вашей помощи слишком высока для моего ребенка, лорды, – сказала королева. – Сначала я поговорю с супругом.

– Может быть, вы сначала поговорите со мной, матушка,

какова эта цена? – тихо спросила я.

В трапезной повисло гробовое молчание. Я слышала только бешеный стук своего сердца. Нет, не только. В дверь постучали, и слуга доложил, что мастер Рагар просит лордов принять его.

Войдя, Рагар поклонился прекрасному собранию, выпрямился и скрестил руки на груди.

– От имени всех, – выделил он это слово, – белых вейриэнов, избравших меня своим посланником, я пришел сообщить вам, лорды, что белое воинство навсегда покинет эти горы в случае, если ультиматум короля Роберта будет удовлетворен.

Надо было видеть, как вытянулись лица этих самых лордов. В гробовое молчание был забит эффектный гвоздь. Бесстрастный Рагар покинул трапезную.

Дигеро просто лучился от счастья, когда его отец вздохнул и развел руки:

– Это невероятно. Впервые за всю историю они пошли против кланов, вмешались в дела лордов! Почему?

Я поймала загадочную улыбку бабушки и подумала, что без нее тут не обошлось. Тогда зачем она угрожала матушке чем-то ужасным? Эти проклятые интриги взрослых сводили меня с ума. У них политика, видите ли, а у меня – жизнь!

– Что ж, миледи Хелина, это меняет дело, – выдавил лорд Этьер. – Думаю, кланы согласятся со мной: теперь мы сделаем всё, чтобы отстоять вашего ребенка. Война так война, – и

он, широко улыбнувшись, подмигнул сыну.

Его супруга, леди Зарина, впервые за вечер разлепила поджатые губы:

– Война? В нашем состоянии, когда кланы и в четверть не так сильны, как прежде? Северная империя сотрет нас в пыль, и горы проклянут вашего сына, Хелина.

– Я сознаю, что стать причиной горя многих горных семей – не самое лучшее начало жизни для Лэйрина, – ответила матушка. – Потому я все-таки еще раз встречу с Робертом.

Переговоры с королем затянулись, перешли в письменную форму, потом были отложены до конца весны. Горы покрылись льдом и снегом, то и дело доносился грохот обвалов, бушевали бураны, препятствуя голубиной почте, а королевские гонцы не могли ступить даже в предгорье.

Эти полгода извели матушку так, что она стала такой же бледной и стройной, как леди Амель. Королева угасала.

Мы с Диго после того вечера поклялись в вечной дружбе и были неразлучны, пока не случилась катастрофа.

Глава 3

В начале третьего месяца весны, возвращаясь с охоты в долине, я и Диго устроили соревнование в скорости, оторвались от охраны и первыми поднялись на перевал, откуда можно было разглядеть наш замок.

Я любила здесь останавливаться. С этой точки открывался впечатляющий вид на нашу главную родовую гору, тоже носившую имя Грахар: ослепительный пик с каскадом вечных льдов. И замок, выраставший из горного склона, выглядел как ледяная игрушка – белоснежный, со сверкающими шпилями башен, возвышавшихся над зубчатыми стенами.

Но на этот раз... на месте замка виднелись заброшенные, еле различимые развалины, черными дырами зияли проломы в остатках крепостной стены. Не было и ажурного моста через расщелину. У меня перехватило дыхание от ужаса.

Диго, проследив мой взгляд, развернул коня, перегородив мне тропу. Закричал:

– Лорд Грахар! Скорей!

Дед с бабушкой и свита уже и без того неслись за нами, насколько это было возможно без риска для жизни.

– Дигеро фьерр Этьер, уйди с тропы! – заорала я. – Там моя мама!

Но в этот миг с глазами что-то случилось: замельтешили точки, вспыхнули световые круги. А когда зрение вернулось,

башни оказались на месте, в целости и сохранности. Я растерялась.

– Что это было?

– Мираж, – невозмутимо ответила леди Амель, остановившись рядом. – В горах случается.

Но она не сумела скрыть тревогу, а в следующее мгновение башни замка задрожали и абсолютно беззвучно оплыли, превратившись в те же древние безжизненные развалины. Бабушка вскрикнула, обернулась, и ее глаза снова стали черными дырами.

– Лэйрин, наша дочь запретила нам говорить с вами о нашей сути... но вам все равно пришлось бы это узнать, рано или поздно. Мастер Рагар и сэр Лорган объяснят вам то, что вы сейчас увидите, а нам с лордом надо торопиться.

При этом она почему-то спешила.

– Быстрее, Амель! – прорычал позади глухой неузнаваемый голос. – Может быть, мы успеем спасти нашу упрямую дочь. Мастер Рагар, надеюсь, вы сопроводите Дигеро в дом его родителей. Дом Грахар уже не может принимать сына лорда Этьер.

Я оглянулась. Лорд Грахар, если это он спрыгнул с дедушкиного коня, тоже преобразился. И все слуги замка. Такие же бездны смотрели из их глаз, а за спинами... разворачивались крылья – огромные, черные с радужными искрами. Только сэр Лорган, Диго и «снежные дьяволы» остались прежними.

Лорд и леди Грахар взлетели и молниями понеслись к раз-

валинам в сопровождении чудовищной стаи, а их брошенные лошади рассыпались облаками серебряных искр и растаяли.

– Мама! – заорала я, плеткой хлестнув лошадь, но учитель Рагар перехватил ее под уздцы и не дал двинуться с места. Несчастливая кобыла загарцевала, оступаясь на камнях.

– Ничего не случилось особенного, ученик, – невозмутимо сказал Рагар. – Миледи Хелина жива, но ее силы иссякли. Лорд и леди помогут вашей матери придти в себя. Она очень сильная волшебница, но ее дар ограничен.

– Лорд и леди?! – меня захлестывал такой ужас, что я почти кричала. – Это же не люди! Кто они?

– Уже не люди, но были людьми. Ваши бабушка и дедушка давно погибли, но стали горными духами. Мы – Белые горы. У нас две жизни, человеческая и нечеловеческая. Вашего замка не существует для людей из плоти, но он есть для духов. Миледи Хелина давала им свою жизненную силу, чтобы они обрели вторую жизнь как дэриэны, воплощенные духи. А они помогали ей возродить дом рода во плоти хотя бы частично. Ритуал миледи проводила, когда вы были на охоте.

– Мираж, в горах случается, – прошептала я.

– Не мираж – магия. Миледи Хелина наделена даром рода. Она – риэнна. Если бы король признал вас раньше, ваше высочество, вы никогда бы не узнали о наших тайнах. Королева хотела, чтобы вы росли обычным ребенком и до поры не знали об особенностях семьи вашей матери и ее самой,

чтобы вы считали, что вокруг вас – простые люди.

– Но почему?

– Потому что в королевстве Гардарунт распространена враждебная нам религия, и люди считают горных риезов колдунами и ведьмами. Если Роберт вас признает, церковь будет настаивать на испытании, дабы убедиться, что вы не колдун и, как и ваши сестры, не унаследовали силу вашей матери. Вас будут допрашивать, и, чем меньше вы сможете сказать о горцах, тем лучше для нас и для вас.

Диго сидел на коне молча, опустив голову. Я спросила:

– Ты знал, Дигеро, что наш замок – иллюзия, и все не взаправду?

Карие глаза угрюмо глянули из-под полуопущенных ресниц:

– Знал. И что? С каждым погасшим горным родом может такое случиться. Все же было как по-настоящему. А библиотека – это же совсем чудо! Вызвать даже духов учителей, писавших эти книги! Такого больше никто из наших магов не может.

«Библиотека... – с горечью подумала я. – Такое чудо, в котором не было ни клочка о магии, если не считать мифов о древних исчезнувших айрах. Ни намека на истину вокруг меня». Голова закружилась, в глазах потемнело так резко, словно распахнулась дверь душного погреба, впуслав солнце.

Именно в тот момент я начала догадываться о причине

своего одиночества, начала осознавать, как тщательно дозировалось любое знание и впечатление, которое я могла получить. Кем я была для матери? Любимой дочерью или ценной пленницей, предметом торга с королем Робертом?

Видя, что я уже не рвусь сломя голову в пропасть, Рагар отпустил мою лошадь.

– Воззвать к духам предков, наделить их жизнью и возродить родовой дом может только женщина рода, имеющая дар предков, – сказал он, уставившись неподвижным взглядом на развалины замка.

– А сыновья? – прозвучало у меня как-то очень уж жалобно.

– Сыновья тоже могут получить дар гор – силу риэна, – чуть дрогнул в улыбке уголок его губ, – . Могут основать новый дом и сделать его таким же великим, каким был раньше дом рода Грахар.

Плечи Дигеро, младшего сына лорда, вдруг распрямились, глаза вспыхнули. Гордец.

Матушка была без сознания, и жизнь в ней едва теплилась. Ее светлые волосы потускнели, закрытые глаза ввалились. При виде ее осунувшегося лица с синими кругами под глазами я забыла обо всех дурных мыслях.

Она лежала под грудой шкур на холодной постели в одном из уцелевших, но промозглых и пыльных помещений. Рядом хлопотала Сильвия. Вместо привычных шаров света,

плававших под сводами замка по вечерам, на стенах горели коптящие факелы. Сэр Лорган зажег огонь в треснувшем камине, поставил несколько жаровен, но в щели и пустые окна дул ветер, и теплее не становилось.

Закатные лучи солнца, падавшие в проломы стен, освещали пустоту и разруху. Вместо резных белоснежных колонн и скульптур – обломки, хрустевшие под ногами. Никакой мебели, ни картин, ни орнаментов, ни хрусталя. Голый камень. Мраморные лестницы разбиты так, что с трудом можно ходить. Огромная библиотека пуста, только ветер гуляет среди раскрошенных кусков дерева – все, что осталось от давно истлевших шкафов.

Видел бы король Роберт, где в действительности растят его предполагаемого сына, еще бы не такую проповедь написал матушке. Логово ведьмы, да.

В моей комнате, тоже почти не разрушенной, сохранилось больше вещей. Уцелела кровать с балдахинном и шелковым вышитым бельем, на выщербленном полу грудой лежала одежда (сундук исчез) и выпавшая из тайника шкатулка с деревянными солдатиками. Радужного пера в ней не оказалось.

Ночью стало очень страшно: ветер выл так, будто все голодные духи гор слетелись к развалинам и требуют живой крови и плоти. Узкое окно-бойницу сэр Лорган занавесил шкурами. Их несколько раз срывало, факелы гасли. Четверо «снежных дьяволов» стояли у моей постели всю ночь, как и

наш верный рыцарь.

Я так и не смогла уснуть. Слишком резко осыпалась фальшивая позолота с моего «счастливого» детства.

Утром прибыли наставник Рагар, лорд и леди Этьер и незнакомец с белоснежными волосами, заплетенными у висков в косички. Самый молодой из лордов – Наэриль фьерр Раэн. Ему было лет двадцать.

Они привели матушку в чувство, но мне не позволили присутствовать. Ну и подумаешь. С такими щелями в стенах не обязательно находиться в помещении, чтобы знать, что там происходит.

– Миледи Хелина, вы не выдержите еще одну ночь здесь, – говорил лорд Этьер. – Духи разбужены, их надо либо упокоить, либо сдерживать их голод, иначе они спустятся в долину, и у нас будут проблемы с дальегами. Но на ритуал упокоения у вас не хватит сил. И вы не подумали о вашем сыне.

– Сэр Лорган сегодня же увезет его.

– И куда же? Вы знаете, что Лэйрину запрещено покидать пределы Белых гор, пока не завершены переговоры с королем Робертом. Мы не понимаем вашего упорства, миледи. Любой дом почтет за честь оказать гостеприимство вам обоим. А клан Этьер готов принять вашего сына как побратима Дигеро. У Лэйрина будет две семьи.

– Дом Раэн предлагает вам то же самое, миледи, – поспешно сказал беловолосый. – У меня нет братьев, и Лэйрин может стать впоследствии младшим лордом.

– Благодарю вас, лорды, за столь великодушное предложение. И не примите за оскорбление мой отказ. Лэйрин будет жить в равнине, ему нельзя принимать силу рода. Никакого, даже родного дома Грахар, иначе его ждет не корона, а костер, как колдуна. Роберт прибудет за ним всего через три недели... всего лишь...

– Ваше мужество достойно восхищения, но вам столько не прожить в этих условиях, – жестко сказал лорд Этьер, но тут же его голос смягчился. – Что ж, мы предполагали отказ и привезли все необходимое. Для кланов будет большим горем и позором, если внучка Лаэнриэль фьерр Грахар уйдет из жизни вот так. Горы нам не простят, миледи. Если вы позволите, на эти три недели с вами останется лорд Наэриль и моя супруга. Они удержат защиту от духов до тех пор, пока у вас не накопятся силы для ритуала.

Хелина вздохнула и ответила после долгой паузы:

– Почту за честь принять вашу помощь. А сейчас прошу меня простить, я хочу поговорить с сыном. Мне... надо попросить у него прощения, пока я в сознании.

Да я уже простила ей все! Готова была жизнь отдать, только бы матушка выздоровела. Конечно, мне было обидно, что от меня все скрывали, но я уже понимала, что у взрослых свои ненормальные представления о благе детей.

– Лэйрин... – прошептала она, когда я поцеловала ее слабую руку. – Вы потом поймете, ваше высочество, почему я держала вас в неведении.

– Мастер Рагар мне уже объяснил. Чтобы я невольно не предала горы.

– Горы... – из уголков ее глаз скатились слезинки. – Иногда я их ненавижу. Но без них... что без них моя жизнь? Пыль никчемная... Простите меня, Лэйрин. Даже когда вы узнаете все, совсем все... не думайте обо мне плохо.

Мастер Рагар принялся за меня уже вечером, чтобы отвлечь от переживаний. Он сменил тактику и обращался очень мягко – переломы-то лечить теперь некому.

За нами наблюдал лорд Наэриль, уже освободившийся от хлопот по обустройству развалин под жилье. Когда наставник отправил избитую и потную меня к бочке с водой, белобрысый лорд насмешливо улыбнулся:

– Впервые вижу, чтобы высший мастер вейриэн выбрал столь слабого ученика.

Рагар поднял бровь:

– Вейриэн не обязан обсуждать с лордом качество своих учеников, если они не относятся к его роду.

– Простите, мастер, не смог сдержать изумления. Позволили ли вы еще вопрос?

– Не могу запретить лорду, но не уверен, что отвечу.

– Что в нем особенного, в этом мальчике? Он еще не принял силу рода, но все белые вейриэны встали на его защиту и выдвинули ультиматум кланам, впервые за всю историю. Я думал, вы разглядели в нем необыкновенного воина.

– И поэтому захотели взять его младшим лордом в свой род? – Рагар позволил тень усмешки в голосе.

Наэриль чуть покраснел и промолчал: ждал ответа на свой вопрос. Рагар выдержал паузу, не моргнув. Они сверлили друг друга взглядами, и Наэриль фьерр Раэн медленно закипал. Происходившее мне не понравилось, аж под ложечкой засосало.

– Что тут непонятного? – омыв лицо, буркнула я как бы себе под нос. – Когда я стану королем, никто не посмеет отправить меня на костер, и я смогу принять силу рода Грахар.

Так как бочка стояла шагах в пяти, мое бурчание прекрасно все расслышали.

– Если вам будет, от кого ее принять, – покосившись, усмехнулся Наэриль. – Ни одна из ваших сестер не унаследовала дар рода. И даже если бы унаследовала, она была бы уже в чужом доме, отцовском. А там этот дар бесполезен. Короли Ориэдра прокляты в горах. Случалось, конечно, что дочери выбирали дом предков по материнской линии, но трудно представить, чтобы равнинная принцесса добровольно отправилась в изгнание, чтобы поднять эти развалины. С уходом миледи Хелины дом Грахар угаснет до тех пор, пока горы не пошлют кланам королевский дар. Но его нет уже полтора года, рассчитывать вам не на что, лордом дома Грахар вы не станете.

– А зачем мне становиться лордом? Я буду королем! – гордо вздернулась моя голова. – Если матушка не успеет пере-

дать мне силу рода Грахар, я стану основателем нового великого дома. И, если не я, то мои дети станут необыкновенными воинами.

– Речь, достойная будущего лорда гор и короля равнин, – чуть склонил голову мастер Рагар.

Беловолосый лучезарно улыбнулся:

– Вижу, правильно говорят, что интуиция еще никогда не подводила мастеров вейриэн. Но, милый мальчик... – он так прищурился на меня, что я поняла: враг. И очень опасный враг. – Дом рода становится великим только тогда, когда горы посылают в него великий дар, и рождается королева – хранительница всех родов. Это не наследуемый титул. Это дар. А я уже говорил, сколько лет не было горной королевы, и вряд ли будет, пока вы живы. Кроме того, вас передадут Роберту, а в равнине ожидать горных даров по меньшей мере наивно.

Минуточку... Наставник Рагар говорил, что дом Грахар был великим. Значит, в нашем роду когда-то рождалась королева?

Чуть позже, когда белобрысый лорд оставил нас в покое, наставник удовлетворил мое любопытство:

– Ваша прабабушка Лаэнриэль фьерр Грахар была наделена таким даром. Она была тринадцатой королевой гор.

Через несколько дней сэр Лорган уехал в предгорье. Опять за каким-нибудь костюмчиком, – скрипнула я зубами.

Старые были мне уже малы.

Матушка не вставала, разговаривали мы с ней редко, хотя теперь, за неимением библиотеки с волшебными учителями, у меня была уйма свободного времени и еще больше вопросов, но приоткрытая тайна так и осталась тайной.

Например, дар предков рода. В чем он заключается, относится ли только к способности вызывать духов и давать им такую же видимость плоти, как матушка делала с замком, или еще что-то? И проявляется ли эта способность только в Белых горах, или за их пределами тоже?

Мать Дигеро, леди Зарина, отмахивалась:

– Вам пока ни к чему знать эти тайны, Лэйрин, ради вашей и нашей безопасности. Если получите силу – узнаете, а сейчас – нет. В Гардарунте к вам будет слишком много вопросов, а вы еще ребенок, не сможете умолчать там, где это необходимо.

Как ни упиралась леди Зарина, но такого клопа, каким я в эти дни стала, трудно было отцепить. Привычный мир открылся с другой, волшебной стороны, вот я и лезла – не останавливать. Но никаких таких секретов мне не поведали.

Только лорды и леди, наделенные силой рода, называются в горах риэнами, и все они – маги. Главой рода может быть либо маг, либо лорд, женатый на риэнне, а главой клана – только риэн. Эти традиции, завязанные на особенностях белой горной магии, породжали разные несуразности.

К примеру, лорд Нэриль остался единственным мужчи-

ной в иссякшем роду, но одиночка не считается в сложной иерархии кланов главой рода. Он может таковым стать, если женится на горной волшебнице, и тут красавчику, как ни странно, не везло: ни одна риэнна не спешила войти в его дом. Еще бы, за такого мерзавца пусть кикиморы замуж выходят.

Выяснился еще один нюанс его интереса ко мне: приемные сыновья, как и бастарды, могут подняться в иерархии принявшего их дома только до статуса младшего лорда, не выше, даже будь они трижды риэнами. Зато Наэриль, получив в подчинение чужую силу, войдет в Совет кланов, как глава рода.

Еще я поняла, что на самом деле в доме Грахар уже давно не было лорда, а моего умершего деда нельзя таковым считать. Он и бабушка были *дэриэнами*. И пусть воплощенными, но в совете кланов духи имеют только совещательный голос. И правильно, – поддержала я мудрых горцев, – не должны мертвые решать за живых, как им жить.

На это леди Зарина тихо улыбнулась, пояснив, что жизнь потомков так же зависит от умерших предков, как и вторая жизнь духа во плоти – от истинно живущих потомков, то есть, еще не умиравших. Если дух предка проклянет живого потомка, то проклятый не только умрет быстрее отмеренного судьбой, но и выпадет из родового круга, потеряв возможность второй жизни, пока проклятие не будет снято. С мертвыми лучше не ссориться, – запомнила я.

Такие вот сложности простой жизни горцев на фоне дикой природы.

Что же до живых, то лорд-риэн не может дать плоть духам, на это способна только леди-риэнна, но он может управлять призванными духами, например, в бою, и может пользоваться их магической силой.

И получается, чем древнее род, тем бóльшую силу ушедших предков может привлечь риэн. Не только для войны, но и для обустройства мирной жизни. То-то наши развалины с каждой ночью становились более жилыми под присмотром лорда Наэриля и леди Зарины. А уж какие ветра сотрясали эти камни по ночам!

Я страшно скучала без Диго.

К счастью, развалины, вид которых привел меня поначалу в такой ужас, оказались любопытнейшим местом: в обвалившихся стенах обнаружили тайные ходы, и я исследовала их с неиссякаемым азартом, жалея при этом, что Диго не видит этой роскоши.

Раньше мне мало где позволяли ходить по замку: стража непреклонно останавливала. Даже тогда матушка берегла силы и накладывала чары только на некоторые помещения, и я могла запросто свихнуться от шока, сунувшись в незаколдованный коридор или башню. Теперь стража охраняла лишь самые опасные места, грозившие обвалиться, и, как обычно, стояла у входа в подземелье, всегда запретное. Потому я

шныряла как таракан по всем щелям и трещинам, даже Рагар не мог уследить, а остальным не было до меня никакого дела.

Так вот, лорд Наэриль. После отъезда сэра Лоргана этот беловолосый красавец за неделю соблазнил его жену, мою бывшую кормилицу Сильвию, которая была лет на пятнадцать его старше.

Сначала, ползая по полузаваленным ходам, я обратила внимание на то, что Наэриль слишком часто сталкивается в коридорах с Сильвией и подолгу ее задерживает.

О чем лорд может беседовать с чужой служанкой? О том, например, как ему жаль красивую женщину, загубившую свою молодость в дикой глуши, где никто не оценит ее красоты. Как, наверное, ей тут тоскливо и страшно, и как, вероятно, скучен муж-старик, за которого она вышла замуж от безысходности.

И, конечно, я стала их выслеживать: вдруг этот лощеный Наэриль обидит мою бывшую кормилицу? Разницу между лордом и куда менее благородной женщиной, я прекрасно понимала. А потом уже наблюдала за ними из научного интереса: матушка же говорила мне обращать внимание на то, как мужчины ведут себя с женщинами, вот я и обращала.

Когда подлый Наэриль добился от Сильвии поцелуя, я решила вызвать его на дуэль, но тут меня выловил мастер Рагар.

– Вам никто не объяснял, ученик, что подсматривать и подслушивать – не благородно?

– А я и не благороден! – зашипела я, пытаюсь освободить прищемленное ледяными пальцами ухо. – Вы прекрасно слышали, какими эпитетами наградил меня король Роберт. И потом, разве этот белообрый хлыщ поступает благородно с чужой женой?

– Это дело взрослых. Я запрещаю вам следить за ними.

– Вы не имеете права запрещать мне, мастер Рагар. Вы – мой наставник в боевых искусствах, а не мать и отец...

Уййй... мое второе ухо!

– Я ваш наставник везде и во всем, пока вы мой ученик.

После этого выслеживать я перестала. И не моя вина, что эти двое сами на меня нарывались!

Вот кто просил их припереться в хранилище шкур, когда я там спала? Почему уснула? А что еще там делать, в мягком и теплом ворохе? Почему там? Тихо, спокойно, никто не бродит. Ну да, я заметила совершенно случайно, что эта парочка уже два дня сюда после обеда шастает. Но они вполне могли и пропустить этот день.

Как они вошли, я не заметила – уснула в тепле. Проснулась от их шепота, когда выползть из укрытия было уже поздно. Открыла глаза: горел свет от свечи. Ага, щель я соорудила правильно, можно даже не шевелиться – обзор великолепный. Чуть не выдала себя фырканьем, когда Наэриль, обнажив грудь моей бывшей кормилицы, припал к ней – младенец выискался.

– Ох, мессир, – застонала Сильвия. – Если госпожа узна-

ет... муж... пропаду ведь. Эти белые дьяволы везде шныряют, донесут!

– Вейриэны не вмешиваются в дела лордов. А твоей госпоже немного осталось. И что тогда с тобой будет? В равнине тебя казнят, как приспешницу ведьмы. В горах без покровительства клана ты не проживешь и ночи. Бедная моя Сильвия... я увезу тебя в свой замок, будут у тебя и новые платья, и веселые балы... – говоря, он положил ее на шкуры, ослабил шнуровку на лифе и поднял юбки, обнажив ее ноги. И разделся сам.

Он был восхитительно сложен, этот беловолосый негодяй, и всю нелепость матушкиной затеи я тогда узрела воочию. Я и раньше знала, чем отличаются кобели и суки, жеребцы и кобылы, и после каких действий появляются щенки и жеребцы... Но у людей – не так наглядно.

Бедняжка Сильвия растаяла от поцелуев, закрыла глаза, а юный лорд брезгливо поморщился, подняв янтарные очи к темному своду, в тот угол, где на широкой полке среди шкур пряталась я.

Затаив дыхание, я зажмурилась: вдруг меня выдаст отблеск свечи в глазах, да и противно было и скучно. Думала – тайна тайн, а тут – какие-то собачьи игры и безобразное сопение. Пока они там возились, я тысячу раз пожалела, что забралась сюда: жарко, душно, от шкур воняет, в глазах мутилось... Видимо, я опять сомлела, потому что проснулась, когда Наэриль уже одевался.

– Вы прекрасны, Сильвия, – скучающим тоном сказал мерзавец. – Благодарю вас.

– Я никогда такого не испытывала, мессир... – пролепетала она, – вы как бог...

– У нас будет много таких волшебных часов, когда я увезу вас. Завтра же. Не будем ждать.

Сильвия тоже поднялась, оправила лиф и подол платья.

– Мессир, я не заслужила такого счастья. Вы ведь от скуки здесь со мной развлеклись, я понимаю. И я должна быть рядом с принцем.

– Должна? – улыбнулся Наэриль, приподняв ей голову за подбородок, и проникновенно глядя в ее глаза. – Ты была его кормилицей и можешь испытывать к нему чувства сродни материнским, тем более он такой миленький. Но у Лэйрина есть наставник. Мальчику его возраста уже не нужна нянька. Так зачем, милая? Неужели ты – его настоящая мать, поэтому он так не похож на других детей Хелины?

– Ах, мессир, если бы вы знали! – Сильвия некрасиво усмехнулась. Открыла рот, чтобы продолжить... и упала навзничь. В ее горле торчало узкое, полупрозрачное, как льдинка, лезвие. Через миг обильно хлынула кровь, забрызгав лорда.

В глазах у меня потемнело, и я потеряла сознание.

– И что мне делать с таким учеником? – услышала я голос наставника Рагара.

Я мигом пришла в себя. И обрадовалась: все приснилось! В хранилище горел факел, никаких трупов не было, в открытую настежь дверь врывался свежий воздух.

Рагар снял меня с полки, поставил перед собой и, сев на корточки, внимательно посмотрел в глаза.

– Ваше высочество, у нас случилось несчастье. Ваша бывшая кормилица Сильвия сорвалась в расщелину и разбилась.

Невольно я бросила взгляд на шкуры, лежавшие на полу. Крови нигде не видно, но... мех был другим. Я точно помнила рыжеватый волчий окрас. Сейчас наверху лежали серебристые.

– Вы всё поняли, принц?

– Да. Я понял. Всё.

Лорда Наэриля в замке уже не было, я так и не плюнула в его мерзкие глаза, как намеревалась: он спешно уехал, якобы получив срочное известие из дома. Матушка ни словом не обмолвилась о несчастье. Может быть, ей даже не сказали всех подробностей: она была очень плоха и редко приходила в себя.

Сэр Лорган, когда вернулся, тяжело переживал гибель жены – разом сгорбился, осунулся. Он был не дурак, верный наш рыцарь, всё понял.

Накануне назначенной встречи с королем он подошел к мастеру Рагару и что-то тихо сказал, после чего «снежный дьявол» поклонился ему куда ниже, чем кланялся лордам.

Тогда же, вечером перед днем переговоров, матушка очнулась и позвала меня. В её комнате находился вейриэн, сидевший на грубо сколоченной скамье. Комната была освещена слабеньким волшебным шаром, еле мерцавшим в изголовье матушкиной постели.

Может быть, из-за слабого освещения мне показалось, что наставник выглядел печальным – удивительная эмоция на ледяном лице. Королева же сердито хмурила брови. Видимо, только что у них состоялся не очень приятный разговор.

– Лэйрин, дитя мое, завтра ваша жизнь переменится, – сказала Хелина. – Мы расстанемся с вами надолго в любом случае, как бы ни завершилась встреча с королем Гардарунта. Но что бы ни случилось, знайте, что вы можете доверять вашему наставнику Рагару, как мне самой. Он знает вашу тайну.

Покраснев, я покосилась на вейриэна.

– И давно?

– Сразу, как вы родились, – невозмутимо ответил Рагар. – Я сопровождал вас и миледи в Белые горы.

А ведь ни разу и вида не подал, и никакого снисхождения не давал! И что-то тут у них не сходится. Я прищурилась: вейриэну всего-то двадцать три – двадцать пять лет с виду, а мне исполнится через неделю одиннадцать. Как он мог сопровождать новорожденную? Либо он был пажом у королевы, либо возраст для «снежных дьяволов» ничего не значит, как и для северян. Горцы живут долго, а маги, как я выясни-

ла у леди Зарины – очень долго. Маменька до болезни тоже потрясающе выглядела. И, хотя никто мне не рассказывал о воинах вейриэнах, но не зря же в состав их имени входит слово «риэн». Уж чему-чему, а логически мыслить меня научили.

– Если все пройдет удачно, Лэйрин, – говорила меж тем Хелина, – то мастер Рагар будет сопровождать вас, пока вы будете находиться за пределами Белых гор. Прошу вас слушаться наставника во всем, чтобы... не стать свидетелем неподобающих зрелищ, да еще в вашем возрасте.

Я не знала, куда деться под ее взглядом, а она вздохнула: – Теперь уже ничего не изменишь... Что ж, тем легче мне объяснить, почему вам необходимо запомнить наизусть этот рецепт и принимать лекарство, – она протянула пергамент и склянку с густой черной жидкостью. – Вам почти одиннадцать лет, Лэйрин. Ваш организм начинает меняться, но нам необходимо задержать эти изменения. Кроме того, при дворе за вами будет наблюдать множество недоброжелательных глаз, и еще в пути вы можете попасть в нежелательную ситуацию. Ни у кого не должно возникнуть подозрений.

– Вы хотите изменить мое тело, извратить суть? Я же буду уродом! – в ужасе прошептала я.

– Кардинальных изменений не будет, обещаю.

– Ради чего все это? Ради какой-то короны?

Матушка в изнеможении прикрыла глаза, собираясь с силами для ответа, но мастер Рагар опередил.

– Позвольте мне, миледи. Раз так получилось, что Лэйри-ну слишком рано стали известны некоторые тайны лордов гор, теперь лучше говорить откровенно о том, что ему предстоит.

Королева нехотя кивнула, и его угольные глаза вперились в меня.

– Не в самой короне дело, ученик. Вы должны забрать дар у человека, недостойного владеть им. Но добровольно король отдаст его только наследнику. Эта задача – не прихоть вашей матери. Этого хотят Белые горы.

– Лорды и вейриэны? – уточнила я.

– Лорды – только снег на горных вершинах, а вейриэны – лишь ветер ущелий. Есть и синты – кровь гор. И дальеги – трава у их подножий. Но Белые горы – это не только земля, недра и существа, их населяющие, а еще иная, высшая суть. Полтора века назад дед короля Роберта был одним из младших лордов. Он получил от Белых гор силу необычного дара, но ушел с ним в равнины. И то, как он и его сыновья им распорядились, во что превратили этот дар, вызывает гнев гор. Они требуют вернуть его из равнин. Миледи Хелина вышла замуж за Роберта, выполняя высшую волю.

– Значит, я и в самом деле его ребенок?

Королева кивнула, а наставник промолчал.

– А почему вы сами не смогли отнять у него эту силу, матушка? Разве я справлюсь?

– Король не отдал бы дар жене, а насильно дары не берут.

Вы обязаны справиться, Лэйрин. Именно потому, что вам предстоит принять силу короля Роберта, я волей матери лишила вас дара предков рода Грахар, хотя, в отличие от старших сестер, вы его унаследовали.

– Я?

Если вспомнить, где я родилась, то получается, что белобрысый гад Наэриль заблуждался, и горный дар может унаследовать даже рожденная в равнинных землях. Впрочем, это мелочи по сравнению с пониманием, что обман с лжепринцем был затеян взрослыми не ради спасения жизни моей мамы, которую король грозил сослать в монастырь, если она родит седьмую дочь, а ради того, чтобы ограбить короля. Как же гнусно мне стало, великие боги! Как грязно!

– Вы рождены риэнной, Лэйрин, – улыбнулась меж тем Хелина. – Но, пока я жива, вы ею не будете. У вас другая, более важная задача, чем стать хранительницей одного из многих горных домов. Моя мама Амель очень сердится. Духов можно понять, иногда они так тоскуют по живой плоти, что плюют на все, кроме своей жажды. С моей смертью для них исчезнет выход в плотный мир.

Как бы ни относилась я к леди Амель, мне стало ее жаль. Но Рагар напомнил:

– Исчезнет до тех пор, пока горы не дадут нам королеву-хранительницу.

– Если бы горы подарили нам королеву, наша судьба была бы другой, – вздохнула матушка. – Нам не понадобились

бы такие жертвы. Но горы гневаются. Потому королева и не появится ни в одном клане, пока мы не выполним их волю и не вернем дар короля Роберта в горы.

Мне оставалось только смириться с участью.

Если и сегодня рыжая коронованная сволочь унизит меня или матушку, то молчать не буду, плевать на все, – думала я, исподлобья наблюдая за приближением сверкающего золотом и пурпуром королевского эскорта. Нервничать было из-за чего: на этих переговорах присутствовали пять незнакомых лордов гор из великих домов и лорд Этьер со старшим сыном. Если они услышат какую-нибудь грубость в мой адрес, я этого не переживу.

Горцы выглядели очень величественно: черноволосые, белоликие, высоченные, в черных камзолах с серебряными галунами, тонкой вышивкой и бриллиантами, на головах – обручи, обильно украшенные драгоценными камнями. За их спинами, как крылья, развевались черные плащи с вышитыми белым золотом гербами кланов и радужной подкладкой. Глазам больно смотреть на это сверкание. У лорда дома Этьер подклад плаща был не радужным, а серебристо-серым, как и гербовая вышивка – единственная деталь, выдававшая его ранг в иерархии кланов.

На мне тоже был черный камзол, без бриллиантов, конечно, но моя обритая налысо голова сияла не хуже. Такая

прическа, точнее, полное ее отсутствие, появилась накануне: я стащила с кухни нож и обкромсала черную шевелюру под корень там, где могла дотянуться. Пришлось Рагару меня брить, хотя он чуть не удушил одним взглядом, когда увидел. Зато никто уже не скажет про меня «миленький».

Матушка куталась в такой же, как у лордов, черно-радужный плащ, но с гербом рода Грахар – орлом, расправившим крылья на вершине скалы. Плащ прикрывал не раз подшитое в боках платье: Хелина страшно похудела. Ради этой встречи она нашла в себе силы подняться, но еле стояла, и сэр Лорган поддерживал ее под локоть.

Роберт Сильный не смог скрыть потрясения, когда увидел, что стало с красавицей-королевой в изгнании. Мне показалось, на его высокомерном лице промелькнуло что-то вроде жалости.

Меня оставили на этот раз далеко от переговорщиков, а говорили они, увы, тихо, и я могла только наблюдать за игрой эмоций на королевской физиономии. Наверное, Роберт ожидал, что кланы поднесут ему сына на блюдечке уже потрошенным, потому что побагровел от злости, когда этого не случилось.

Торговля шла довольно долго. Наконец, мне подали знак подойти. На мою шикарную лысину король тоже долго любовался.

– В какой же грязи содержат ребенка, если пришлось его брить? И почему этот мальчик – с непокрытой головой, если

он мой сын? – с невиннейшей мордой поинтересовался он. – Разве он не знает, что членам моей семьи дарована привилегия находиться в моем присутствии в головном уборе?

– Потому что король забрал эту привилегию у сына, мы не забыли, – невозмутимо отозвался один из лордов.

– А, да, было дело, – усмехнулся Роберт, щелкнул пальцами. – Там кое-чего не хватало.

Один из рыцарей поднес подушку с беретом, при этом его бородатое лицо выражало такое почтение, словно он нес корону. Впрочем, маленькая, вышитая золотом и алмазами корона принца действительно имелась на этом головном уборе – алом, с позолоченным пером. Тьфу, ужас.

Король сам нахлобучил на меня эту гадость, и тут же его сильные пальцы ухватили меня за подбородок и подняли голову. Кожу как обожгло – такой жар шел от его руки. А прищур стальных, холодных глаз монарха не обещал ничего хорошего. Жуткий контраст.

– Почему ты не благодаришь короля, Лэйрин?

– Мне больше нравилась моя старая шапочка, ваше величество, – я рывком освободила голову и тоже зло прищурилась в ответ. – Эта... маловата. Жмет-с.

Роберт расхохотался, положив широкие ладони на пояс с мечом.

– Черт с вами всеми, миледи и лорды! Я принимаю все ваши последние пожелания и забираю этого дьяволенка. Сегодня же.

Сердце чуть не остановилось. Не хочу. Не хочу я. Не так же быстро! Я даже с Диго не попрощалась.

Наклонившись к королеве Роберт процедил:

– Но сначала я должен убедиться, что в нем нет и следа твоей колдовской силы, ведьма!

Вот интересно, – задумалась я, – у него же тоже есть какой-то горный дар. Колдовской, между прочим... Матушка пожала плечами:

– Если бы она была, сир, Белые горы не согласились бы отдать равнинам будущего лорда дома Грахар.

Меня испытывал неприятнейший тип с крючковатым носом и брезгливой гримасой, одетый в парчовую хламиду, обтягивавшую огромное пузо – сам кардинал, как я потом узнала. Этот милый человек, получив резкий отказ короля на предложение утопить меня для пущей уверенности, чертил мне на лбу кисточкой какие-то знаки и даже пролил предполагаемую королевскую кровь, уколов мой палец освященной молитвами серебряной иглой и капнув каплю крови в чашу со святой водой, и внимательно смотрел, как растворяется капля.

Разумеется, никакой силы во мне не нашли: волей матери я была лишена дара, и постаралась она на совесть. Кардинал был очень разочарован, а Роберт Сильный больше не позволил приблизиться мне к матушке и приказал поставить походные стол и кресла для себя и королевы.

Еще час у них ушел на подготовку договора и указов.

Я стояла рядом с креслом короля и читала из-за его плеча. Хелине позволялось (вопреки клятве короля, что ноги ее тут не будет) ступить на земли королевства, но только в предгорье. Она (род Грахар) получала право голоса при составлении брачных договоров детей, но ей не разрешалось видеться с дочерьми.

Что касается принца Лэйрина, то король признавал его сыном и наследником, позволял оставаться при матери-королеве не более чем на полгода до совершеннолетия. Остальное время кронпринц должен проводить в королевском доме и постигать искусство управления государством. А после совершеннолетия принц навсегда переезжал в столицу. При мне разрешалось находиться наставнику Рагару и еще не более пяти воинов вейриэн – немыслимая уступка.

Когда королева взяла перо, чтобы поставить подпись, я не выдержала:

– Ваше величество, но тут ошибка.

Король поднял бровь:

– Миледи, ваш дикарь умеет читать? Он же еще мал!

– Он учится нескольким языкам, сир, – усмехнулась матушка, прекрасно знавшая, что грамотность среди благородных лиц королевского двора близка к нулю. – Где ошибка, ваше высочество?

– В моем полном имени не указан род матери.

Роберт свел брови, отшвырнул перо, сложив руки на груди:

– Никогда! Либо так, либо никак. Мой наследник не будет носить имя дьявольского рода. Я и без того дал вам слишком много, миледи, хотя вы заслуживаете только костра.

Ох, и возликовала же я – рот до ушей. Никогда!

Матушка обхватила виски ладонями.

– Лэйрин... Прошу вас... Это сейчас так несущественно!

Я устыдилась. Она же на грани обморока, а я тут радуюсь...

Документ был подписан. Белогорье осталось в неприкосновенности, и лорды с вейриэнами, стоявшие стеной, готовой в любой момент двинуться на королевское войско, расслабились. Хелина перевела дух, когда король, поставив печать, тут же представил сопровождавшей его свите наконец-то обретенного сына – кронпринца Лэйрина Роберта Даниэля Астарга фьерр Ориэдра.

Глава 4

Король, когда вез меня ко двору, все поглядывал: потрясен ли горный дикарь, впервые в сознательном возрасте увидевший землю, носившую на языке айров название «страна городов». А как же! Чуть в обморок не падала от обилия уродливых человеческих лиц, толп нищих в лохмотьях, воны и грязи на улицах городов, выглядевших как сточные канавы.

Путь до столицы, города Найреос, был мучительным не столько из-за расстояния и походных неудобств, сколько из-за неприглядных картин слишком плотной и грязной человеческой жизни. Городов в Гардаунте действительно было много, еще больше – рыцарских замков, крепостей и лепившихся вокруг них деревушек. От стен одной крепости, возведенной, как правило, на возвышенности, легко просматривалась другая. Такое обилие господ народу сложно прокормить.

Я же привыкла к простору и одиночеству, к дивным лицам горцев – магов и духов, которые, как выяснилось, только и окружали меня в детстве. Даже грубые, богатырского сложения дальеги казались мне теперь эталонами красоты и чистоты по сравнению с людьми равнин.

Трудно было смотреть на этих селян и горожан, бросающих нам цветы, как на будущих подданных. Помнится, слушая чавканье конских копыт по грязи, которое не заглушали

даже приветственные крики народа, я думала, что напрасно в этой стране объявили войну колдунам и ведьмам. Население было бы куда красивее.

Потом я узнала, что именно война королей рода Ориэдра против всяческих магов, начавшаяся полтора века назад, и привлекла многих простых людей в земли королевства из соседних стран, особенно западных и южных. Они готовы были тесниться, прозябать в нищете, работать из последних сил, лишь бы знать, что служат человеку. Они соглашались терпеть над собой жадную знать, уступать дорогу чванливым рыцарям, но лишь потому, что те тоже – люди. Хотя у меня впоследствии часто возникали сомнения, люди ли. Но это к слову.

Против какого-нибудь зарвавшегося барона можно взбунтоваться, рыцаря можно убить.

Против магов бунт бесполезен.

А король... Что король? Он ненавидит колдунов, значит, и он – с людьми. За людей.

Впрочем, я забегаю в своих записях далеко вперед. Тогда я об этом еще не думала, конечно.

Королевский дворец в Найреосе тоже не впечатлил: ни арок, ни башенок, ни иных изысков. Серая громоздкая цитадель, мрачная, как тюрьма. Внутри – промозглая сырость и та же вонь давно немых придворных тел, конское дерьмо до самой парадной лестницы, крысиный помет по углам,

клопы и блохи.

Комнаты, отведенные мне, мастер Рагар каким-то способом защищал не только от людей, но и от грызунов и насекомых. Сюда не допускался никто, кроме короля Роберт – слишком крупный кровопийца, так просто не изведешь.

Как-то перед сном я спросила наставника, как ему удается такая совершенная охрана.

– Нас же называют «снежными дьяволами», принц. Укройте одеялом, я покажу, – ответил он и, дождавшись, когда я укутаюсь одеялом до самого носа, вытянул руку. С ладони сорвался порыв ледяного ветра, мгновенно выстудивший комнату так, что зуб на зуб не попадал. Жуткий мороз так же быстро спал, но стало ясно, почему в спальне часто зажигали камин в мое отсутствие, хотя на дворе было лето.

– Здорово! – восхитилась я. – Я бы хотел обучиться такому умению.

– Вы же не вейриэн, ваше высочество, и никогда им не станете. И пока вы не маг. Даже если таковым станете, у вас будет другой путь.

Обидно слышать чистую правду, но я недолго дулась: Рагар действительно стал мне и наставником, и отцом, и матерью, и другом. Благодаря его охране и обучению, да еще ма-тушкиному волшебству, меня не раскусили в первые же дни.

Рядом с покоем оборудовали комнату для мытья брезгливого наследника, не желавшего посещать королевскую ку-

пальню. Никаких пажей и служанок в свите, упаси Боже. Ну и что, что не по статусу. Принц же дикарь пещерный, в логове рос, привык к суровой жизни воина, угу. И в договоре сказано: мне служат только вейриэны. Извольте соблюдать.

Жизнь при дворе оказалась кошмаром. Особенно доставалось от сестер.

Когда принцессы выходили с папенькой к народу на огромный дворцовый балкон, чернь млела и рыдала от умиления, глядячи на розовощеких ангелиц с золотыми кудряшками и глазами всех оттенков синего. Куколки в бело-розовых платьицах, лентах и кружевах, рюшечках и цветочках. Пена и сопли. Три пары погодок: Адель и Агнесс, Берта и Беатрис, Виола и Виолетта.

Я портила богоугодную картину угрюмой бледной рожей, злыми зелеными глазами и прямыми черными волосами. Уродина, что и говорить. «Прелестный ребенок» – это не ко мне. К шести старшим сестрам. Вот они, о да, были прелестны. «Гаденыш» – это ко мне. Любимое прозвище. «Дикарь», «урод» – это тоже ко мне. Сестрички в моем восхитительном детстве меня иначе и не называли, когда папенька не слышит.

Ненавидели они меня люто. Впрочем, при дворе никто меня не любил. Да и с чего бы вдруг? Придворные подобострастно кланялись, а за спиной шептались про «ублюдка».

Ко мне тысячекратно вернулись пакости и насмешки, ку-

да худшие, чем я позволила с Диго. Теперь на собственной шкуре узнала, каково это. Как и он, я молча сносила словесные шпильки, научилась у Рагара делать бесстрастную ледяную физиономию и повторяла в уме спряжения глаголов сложного языка северян и древние тексты айров.

Разбилась ваза, порвалось кружево, запачкалось платье – принц виноват, хотя меня и рядом не стояло. Я вытряхивала камни из сапог, колючки от роз или что похуже из карманов, расплетала завязанную узлом сбрую моей лошади – фантазия шести ангелочков была неистоцима.

От этих покушений Рагар меня принципиально не защищал: разбирайся сама. Главное, чтобы колючки были без яда, за этим он следил, но из карманов не убирал, гад.

Старшие сестры А., особенно лютовали. Можно понять: брат лишил их матери, а одну из них – завидного северного жениха. Адель и Агнесс никак не могли решить, которую из двух. Обе мечтали о короне императрицы Севера.

Разве что младшие близнецы В. отличались тихим нравом и кротостью, но они боялись старших и ни в чем им не перечили.

Своих фрейлин принцессы тоже изводили.

Однажды, гуляя в парке, я наткнулась на рыдавшую в кустах девочку лет тринадцати из свиты сестер.

– Твари! Все в мать! Такие же ведьмы! – шептала она между всхлипами, думая, что ее никто не слышит – я научилась у Рагара ходить бесшумно.

– Неправда, не в мать, а в отца. Королева никогда никого не унижала, – сказала я. – И ее дочери не ведьмы, нет у них такого дара. Обычные стервы.

Как она перепугалась, та девочка!

– Не бойтесь, я никому не скажу, – я протянула ей платок. Она взяла, рукава соскользнули, обнажив запястья, испещренные синяками от щипков и даже следами зубов. А на ее шее и в порванном вороте платья виднелись продолговатые багровые пятна.

– Кто? – спрашиваю, коснувшись ее запястья. – Адель и Агнесс?

Она кивнула, всхлипнув. И вдруг ее глаза расширились от ужаса, а за спиной раздался визг:

– Что вы сделали с Лилианой, братец? А-а-а! Папа! Смотрите, что он с ней сделал!

Нас окружили принцессы с фрейлинами, выволокли полубморочную Лилиану из кустов. Ко мне прикоснуться никто не посмел, я сама вышла на дорожку. Где-то позади маячил мастер Рагар, как обычно, не вмешиваясь в «дела лордов», а к нам уже приближался король со свитой подхалимов.

Роберт долгим взглядом прошелся по моему окаменевшему лицу, раскрасневшимся личикам принцесс, особенно старших, осмотрел пятна на шее Лилианы и, взяв ее руку, вынул из кулачка мокрый платок, глянул на мои вензеля и сунул за пояс.

– Объяснись, принц Лэйрин! – скучающим тоном прика-

зал он.

Я сверкнула глазами, процедив:

– Щипаться – не мой боевой стиль. И я с девчонками не дерусь.

Какой-то оруженосец в его свите сдавленно хихикнул, а король, протянув ладонь, ожег мою щеку осторожным прикосновением пальцев. Я вытерпела, сцепив зубы.

– Чистый горный лед, – криво улыбнулся монарх. – Запомни, принц, женщины могут быть куда более опасными врагами. Гадюк надо давить.

– Если у гадюки вырвать зубы, она станет неопасна.

– Иные гадюки – сплошной зуб, – с этими словами король резко дернул рукав платья девочки, оборвав его, бедняжка вскрикнула, и все увидели ее руку, расцветченную синяками от фиолетово-черного к желтому. – Напомни свое имя, фрейлина.

Девочка оказалась дочерью барона фьерр Холь, круглой сиротой.

– Мне не хотелось отправлять тебя в монастырь до замужества, – поморщился король, – но, вижу, даже там тебе будет лучше, чем здесь.

В глазах несчастной появилась такая обреченность, что я не выдержала:

– Ваше величество, могу ли я просить вас о милости?

Роберт удивленно воззрился на меня: впервые за месяц этой адской жизни при дворе я о чем-то его просила.

– Слушаю, Лэйрин.

– Прошу вас назначить Лилиану фьерр Холь фрейлиной ее величества, если, конечно, она сама не против, – метнула я на нее взгляд. Мало ли, ведьмы испугается. – Королева Хелина больна, меня рядом нет, а в предгорье, где вы позволили ей поселиться, у нее совсем малочисленная свита, недостаточная для ее положения.

Король гневно раздул ноздри.

– А я соглашусь принять вашего оруженосца, хотя он мне совсем ни к чему, – деловито предложила я сделку, поняв, что откажет. Пажа мне король упорно подсовывал с первого дня, но до сих пор я отбивалась.

– Какие жертвы! – оценил он. – Хорошо, пусть будет так, если Лилиана согласна служить горной ведьме.

– Согласна, ваше величество, – прошептала девочка.

Умненькая – поняла, что лучше одна ведьма, чем шесть.

Присланный королем паж продержался до вечера. На прогулке его конь отчего-то вдруг понес, и мальчик сломал ногу, бедолага. Я потом его навещала, и мы почти подружились, по крайней мере, мне тогда казалось, что зла он не держал и был даже рад, что божьим промыслом избавлен от услужения «повелителю снежных дьяволов». Слышал бы Рагар о таком потрясающем титуле, каким меня наградили слуги.

В тот же день я написала матушке письмо, и наставник отослал его вместе со своим ежедневным отчетом, а Лилиану решили отправить, не дожидаясь окончания срока моего

заточения во дворце. Я видела, какими глазами смотрели на уезжавшую фрейлину младшие сестры В. – они ей завидовали.

Бог с ними, с этими глупыми принцессами. Это вполне сносные неприятности. Нестерпимым было другое – сам благородный наш король.

Взять хотя бы одну из его любимых издевок.

Наставник поднимал меня рано, едва всходило солнце, и гнал на разминку. Во дворце еще все отсыпались после еже-нощного королевского разгула, но Роберт, если никуда не уезжал, всегда приходил понаблюдать и испортить нам с утра настроение, во сколько бы ни закончились его ночные похождения.

Как мастер Рагар ни скрипел зубами, выгнать государя не мог, и я вынуждена была приветствовать короля по заведенному ритуалу: опускаться перед ним на одно колено и прикладываться к руке.

– Да здравствует ваше величество.

Я касалась губами перстня на его пальце, но ни разу не успевала вовремя отдернуться – ладонь Роберта стремительно разворачивалась, и он, ухватив меня за подбородок, проводил большим пальцем по моим губам. Словно раскаленный прут прикладывал. Хотелось сплюнуть, но во рту все пересыхало от жара, гадливости и злости.

– Доброе утро, ваше высочество, – довольно скалился король. Его забавляла и моя ярость, и еле сдерживаемый гнев

мастера Рагара, на миг терявшего лицо.

Надо ли говорить, что после этого я свирепела как берсерк, рубилась с утроенной силой тренировочным мечом и метала дротики в мишень с повышенной точностью, представляя, что убиваю – вот так тебе, так, и еще раз сдохни! – рыжую сволочь, навязанную мне в отцы?

Государь развлекался так лишь вне чужих глаз, назло не столько мне, сколько Рагару, которого терпеть не мог – мол, и что ты сделаешь со мной, вейриэн? – но я уже знала, кого король одаривал таким жестом. Только своих фаворитов.

Он не любил женщин. Вот почему Роберт Сильный так упорно не хотел думать о разводе и новой женитьбе ради наследника. Его вполне устраивала даже ведьма в супругах, но только в изгнании, подальше от супружеских обязанностей.

Поначалу король отдалил фаворитов, чтобы не сразу меня пугать – боялся, наверное, что сбегу по дороге. Но во дворце снова их приблизил, и за ужином, переходившим к ночи в непотребный разгул, всегда сажал кого-нибудь из юношей у своих ног. Детей Роберт удалял из зала не сразу, и я перестала есть и пить за общим столом. Сидела, не поднимая глаз, крутила в руках, чтобы чем-то их занять, нож или двузубую вилку, но ни крошки не поднесла ко рту.

Роберт бесился страшно, отлично поняв мое презрение, но сделать ничего не мог, равно как и я ничего не могла тогда, и мы молча посылали друг друга к демонам. Я голодала, глотая слюни, он сжеживал яд и развлекался.

Королевские любимчики быстро поняли, что мои ужасные «дьяволы», от которых все шарахались, защищают только мое тело, но не душу. Держались они нагло и развязно, заставляя трепетать всех, кроме короля, и ненавидели меня не меньше, чем принцессы. А ведь я тогда еще ничем не могла им помешать: ни их разбоям в королевстве, ни воровству в казне, ни жадности к королевским подачкам в виде золота, поместий и титулов. Даже на дуэль не могла вызвать за оскорбления.

Впрочем, когда один из фаворитов зашел слишком далеко, король поставил на место всех остальных.

Случилось это через месяц после моего приезда в Найреос, на пиру после очередной охоты – их, как и турниры, Роберт обожал. В тот вечер за столом у ног короля сидел его тогдашний любимец, которого он выделял из всех – такой же рыжеволосый, но зеленоглазый, разряженный в шелка, с золотыми кольцами и браслетами на руках, тяжелой цепью на груди, какую не каждый герцог мог себе позволить. Прозвище у него было Рыжик. Силой и буйством он мало уступал покровителю. Видела я, как он с мечом управляется на поединках – подраться фаворит любил и задира́л всех.

В одной руке король держал кубок, второй ерошил шевелюру фаворита и, отпив из кубка, запрокидывал его голову и целовал в губы.

– За наследника! – провозглашен был очередной тост.

– За наследников! – гаркнул Рыжик, двумя пальцами под-

нимая свой кубок. – Ты ведь всех, кто ни попросится, берешь в сыновья, мой король, даже приبلуд. Усынови и меня, я тоже хочу поносить после тебя корону.

Вот тут я не выдержала. В тот же миг кубок вылетел из его руки и покатился по каменному полу, вино выплеснулось. У меня осталась только двузубая вилка, и я, как ни в чем не бывало, бороздила ею соус в тарелке. Скорость, ловкость и меткость, угу. А на таком расстоянии промахнуться грешно.

Рыжик поднял с пола серебряный нож, выбивший сосуд с вином, оторопело покрутил в руках и вытарачился на меня. Ну да, трудно не узнать малую корону кронпринца, выгравированную на черенке.

Пирующие замолкли разом. Государь и не взглянул в мою сторону, поставил свой кубок на стол, не пригубив, ласково улыбнулся, погладил Рыжика по щеке.

– Усыновить? Почему бы и нет? С радостью, драгоценный мой друг, с радостью.

Запустив пальцы в его волосы, Роберт запрокинул ему лицо, глядя с нежностью в лукавые глаза любимца, а правой рукой выхватил короткий меч и рубанул по открытой шее. Удар был почти без замаха, но нечеловечески мощный. Тело упало, а голову король продолжал держать в руке, и нежное выражение его серых глаз не изменилось.

– Но только посмертно, – с печалью сказал он. Бросив меч на стол, взял кубок, выпил и поцеловал отрубленную голову в губы, перепачкавшись еще стекавшей кровью. Обвел зал

похолодевшим взглядом. – Кого еще усыновить?

Присутствующие затаили дыхание и потупились в полном безмолвии. Уронив мертвую голову, глухо стукнувшую о пол, король устремил взор на полуобморочных принцесс.

– Запомните: все блудливые языки, оскорбляющие короля, кронпринца и корону, буду вырывать вместе с головой.

Тогда я не оценила его жертвы. Тогда я еще ничего не знала о любви и не видела, как плакал Роберт, когда хоронил своего любимца.

Король после того пира видеть меня не мог, так и сказал. Но, когда я с радостью предложила отправить меня к матушке, скрипнул зубами и сам отправился куда-то с отрядом стражи, никого не взяв с собой из обычной своры.

Тогда и случилось первое покушение на меня.

Произошло оно в День благодарственных молитв, случившийся раз в седмицу. Такое уж чувство юмора у заговорщиков.

Официальная религия Гардарунта, пришедшая в эти земли с запада, была чужда мне и непонятна, хотя я выучила основные догматы веры в Безымянного бога, отразившегося однажды в мировых водах и наказавшего древних айров за неверие. Он, как утверждали верующие, убил и развеял айров, чтобы освободить землю для нового посева и создать существующий мир. Вот за это деяние его и благодарили люди в тот особый день.

Поклоняться богу-убийце казалось мне странным. Но, как кронпринц, обязана была. Да и мне ли привыкать к лицемерию, если каждый день моей жизни обречен был на сплошное притворство? Следом за королем я посещала молельни, благочестиво осеняла перед трапезой лоб священной водой, а в дворцовом парке под бдительными взглядами придворных делала вид, что читаю жития чудотворцев, в которых сразу заподозрила магов, притворявшихся людьми, как моя матушка. В нашем-то мире гордиться чудесами... Если таков критерий, то и Хелина – не ведьма, а святая.

Помню, когда я первый раз вместе с вейриэнами заявила в главный храм Безымянного бога, скандал получился изрядный. Все прихожане повалили вон, не дожидаясь окончания службы, а пузатого кардинала чуть удар не хватил. А как же, ни молитва, ни кропление святой водой не подействовали на наглых «дьяволов». Авторитет церкви пострадал, догматы пошатнулись и все такое.

С тех пор мне позволено было совершать молебен отдельно, в крохотной часовне посреди заброшенной рощи, чтобы никто не видел, как туда входит «нечисть».

Эта часовенка и без того не пользовалась доброй славой: поставлена она была в память о жертвах давнего страшного пожара, на пустыре вогкуг нее никто не селился, и он буйно зарос молодыми вязами и ракитой с чертополохом. После того, как мы с белыми вейриэнами облюбовали эту часовню, она прослыла в народе как Черная. Неисповедимы пути че-

ловеческих ассоциаций.

Напали на нас при выходе, человек двадцать. Богобоязненные это были люди, право же: дали нам очиститься от грехов перед смертью. Даже не профессиональные наемники – сущий разбойный сброд. Оружие плохонькое, рожи пропитые, рваные кольчуги и кожаные куртки вместо лат.

Через несколько минут от них остались кровавые ошметки и перстень на память, снятый кем-то из вейриэнов с пальца главаря.

Знакомое колечко, на одном из фаворитов раньше красовалось – лучшим, кроме самого короля, друге Рыжика. Беленький такой был красавчик по прозвищу Светлячок, цвет рыцарства папенькиного королевства. Барон Анир фьерр Гирт, холеностью, надменностью и белокуростью напоминавший мне лорда Наэриля, но, в отличие от горца, не слишком умен, хотя тоже отменный боец.

О бойне у часовни Роберту донесли сразу, как он вернулся, или даже гонца послали, потому что заявился он во дворец в тот же вечер.

Солнце уже зашло, мы с Рагаром сидели при свечах в моих покоях, играли в новую игру, купленную наставником у заморского купца: доска в клеточку и фигуры, вырезанные из кости. Куда лучше деревянных солдатиков. На том же столике валялся трофейный перстень.

Король ворвался к нам, не скинув дорожный пыльный плащ и не сменив сапог в ошметках грязи. Хорошо, не на

коне въехал, а мог бы. Его огненные волосы слиплись от пота и потемнели, лицо в красных пятнах, искажено гневом, глаза багровые. Остановился в дверях – большой, страшный. И пьяный вдребезги, судя по густому винному запаху – видно, Рыжика поминал.

– Ты цел, Лэйрин? – прохрипел. – Не ранен?

– Цел, ваше величество, – мы встали при его появлении, поклонились.

– Кто напал? – косой взгляд на Рагара.

– Наемники, как обычно в таких случаях, – ответил вейриэн.

– Кто нанял, выяснил?

– Не имею таких полномочий, сир.

– Отныне они у тебя есть. Ты отвечаешь за безопасность кронпринца не только перед горной ведьмой, но и передо мной. Допрашивай всех, кого понадобится, невзирая на титулы. Нужно золото – дам, нужен палач – будет. Я должен знать, кто их нанял. И кто еще может нанять.

Рагар вместо ответа подвинул ногтем перстень на столике.

Король сразу узнал украшение, и глаза полыхнули такой яростью, что я попяtilась. Это уже не походило на отблеск от свечей. Совсем не походило. Это напоминало раскаленный, пышущий жаром металл, налитый в глазницы.

Роберт прошел, пошатываясь, оставляя грязные пятна на полу, забрал трофей, сжал в кулаке. Ноздри раздуты, чуть дым не идет.

И вот это чудовище обвиняло мою мать в колдовстве и угрожало костром? И у этого страшилища я должна взять какой-то дар? – запаниковала я. Какой? Чтобы потом стать вот таким же ужасом? Нет. Пусть поищут кого-нибудь другого, – сердце стучало где-то в пятках или уже выскочило. Стыдно вспомнить.

– Откуда здесь эта вещь? – прорычал он.

Наставник коротко объяснил. Король заметил, наконец, что я уже трясусь, резко отвернулся.

– Не бойся, Лэйрин, – сказал глухо. – Со мной такое бывает, когда теряю контроль. Сейчас пройдет... – и опять взревел: – Так вот почему его нигде не могут найти – сбежал! Колесую мерзавца! На кол посажу!

– Еще один труп и нечестивая смерть только обозлят ваших подданных, – лениво процедил наставник.

– Собаку, укусившую хозяина, убивают.

Рагар сложил руки на груди – признак крайнего недовольства вейриэна.

– Ваше великолепное величество, а не изволите ли вы немного подумать над тем, что перстень – слишком заметная улика, и расплачиваться с наемниками такой вещью загодя – это глупость, на которую даже Светлячок не способен. Уверен, блистательного барона кто-то подставил, рассчитывая на нашу быструю месть и вашу слепую, как это ни печально, ярость.

Убийственная ирония произвела такое же впечатление,

как если бы наставник раскрыл ладонь и выпустил ледяной ветер: король остыл, мгновенно протрезвел, обзаведясь привычным стальным взором, и – о, диво! – *попросил* Рагара последовать за ним для поиска и допроса подозреваемого барона.

– Он уже найден, сир, – успокоил его вейриэн, – только допросить его пока не получится. Мы успели дать ему противоядие, но он еще не очнулся.

И наставник поведал ошеломленному королю, что вейриэны нашли Светлячка в бессознательном состоянии. Барон тоже друга поминал, и кто-то подлил ему яд в вино и снял перстень. Злоумышленник, подставивший Анира ферр Гирта, рассчитывал, видимо, на то, что все сочтут отравление за самоубийство из страха перед королевским гневом, но и подумать не мог, что молодой организм барона окажется так крепок, и отравленного успеют спасти.

– Что же ты сразу не сказал! – воскликнул король. – Где он, у себя?

– В более безопасном месте, сир, – ответил Рагар и с усмешкой глянул на покрасневшую меня. – Совсем неподалеку. Его высочество предложил спрятать барона в своей купальне.

– Что-о? – Роберт вихрем пронесся через спальню, распахнул дверь купальни и удостоверился: там пропажа, сложена на массажный топчан, и еще дышит под охраной двух вейриэнов. Вернулся король весьма озадаченным. – Но по-

чему здесь?

– Понимаю, что это нарушение правил, – невозмутимо сказал Рагар, – но я вынужден был подчиниться приказу, хотя не одобряю его, как телохранитель, и буду рад, если вы объясните вашему сыну, сир, что посторонних в его личных покоях не должно быть ни в каком виде.

Нажаловался, ледяной гад, и счастлив.

Роберт решил поиграть в папочку:

– Лэйрин, ты снова удивил меня. Твой учитель прав, нельзя пренебрегать безопасностью. Но, черт меня раздери, я признателен вам обоим!

Я фыркнула. А не пошел бы он со своей признательностью. И он пошел – на попятную, оценив мою брезгливую гримасу:

– Впрочем, ты и есть первопричина всего случившегося, ведьмино отродье.

– Так отправьте меня поскорее к ней в логово, сир, – предложила я самый замечательный выход.

Государь тут же взъярился:

– Хватит держаться за бабью юбку, принц! Больше я этого не допущу. Ты даже этих девок, твоих вздорных сестер, не способен поставить на место, слюнтяй. Ты приказал вейриэну – наставнику! хватило же наглости! – притащить сюда твоего врага и защитить. Зачем?

– Я не мог приказать вашей страже, сир, – ответила я. – А вейриэны по договору обязаны днем и ночью находиться

поблизости от меня, и поставить охрану в комнате барона было невозможно. Его доби́ли бы.

– Это не помешало бы нам найти отравителя, – заметил наставник, явно довольный взбучкой, устроенной мне.

– Тем более, если он не обязательный свидетель, – король на миг забыл о своей неприязни к Рагару и одарил его благо-склонным взглядом. – Да, я рад, что барон Анир фьерр Гирт выжил. Но вряд ли ты думал о моих чувствах, Лэйрин, когда укрыл моего друга, я на это даже не надеюсь. Так о чем ты думал? Неужели ты решил, что барон оценит твою заботу, когда очнется? Я знаю, как он оценит и что решит: что из-за тебя и он мог умереть, только из-за тебя. И он станет еще большим врагом тебе, потому что с твоим появлением не только лучшего друга потерял, но и пострадал безвинно. Ты поступил, как мягкотелый щенок, как сердобольная глупая баба, а не как будущий монарх, обязанный устрашать и устранять врагов, настоящих и будущих – жестко, а подчас и жестоко! Если хочешь стать королем после моей смерти и не лишиться короны на следующий же день, учись быть твердым, быть мужчиной!

Его громогласный голос и мертвого поднял бы. Что и случилось. Со стороны купальни донесся хрип.

Мы обернулись: в распахнутых настежь дверях еле стоял, поддерживаемый двумя вейриэнами, зелененький и измятый, как травка под коровьим копытом, Светлячок и силится что-то сказать. Роберт в два шага оказался рядом, и

барон рухнул на колени, обняв его ноги, как простолюдин.

– Мой король... – прохрипел бедолага. – Прости...

– Обещаю тебе, драгоценный мой друг, я накажу тех, кто хотел отобрать твою жизнь, – государь погладил его по волосам, приподнял – как же я ненавижу этот жест! – голову и медленно провел большим пальцем по губам. И Анир поцеловал его перст, мерзость какая.

– Мой король, я слышал твои слова, – заметно окрепшим, но еще хриплым и прерывающимся голосом сказал барон. – Я не враг принцу и никогда не замыслю зла против него, клянись жизнью и посмертием.

– Ты боишься, что теперь я сам убью тебя? – ласково спросил Роберт, и зеленоватая от яда кожа несчастного Светлячка заметно побледнела.

– Да, государь, – выдохнул он. – Но я не потому поклялся, не из страха... а потому, что он – твой сын, и ты его любишь.

– Так-то лучше, Анир. Значительно лучше, чем все, что я слышал от тебя и других до сих пор. Понял, наконец, что враг моего Лэйрина – мой враг.

Король вызвал стражу, приказал найти лекаря и доставить в его покои, а сам на руках унес юного барона, совсем лишившегося сил после недолгого всплеска.

На этом события того врезавшегося в память дня не закончились.

Поняв, что взбудораженную меня можно уложить спать,

только если заморозить, как таракана, наставник согласился доиграть прерванную партию. И дела моей армии на клетчатой доске пошли из рук вон плохо. Рагар перестал поддаваться, в моем пехотном строе зияли значительные бреши, моя белая королева застряла в ловушке, а его черный офицер ускользнул от атаки, сожрал моего коня и всерьез угрожал короне. Только я применила рокировку и спрятала белого короля в крепость, как появился рыжий, натуральных размеров.

На этот раз Роберт вошел тихо. Мы с наставником, разумеется, были предупреждены охраной о его приближении, но оба, не сговариваясь, сделали вид, что не заметили короля, и он с минуту наблюдал за нашими сосредоточенными лицами.

– Вейриэн Рагар, – сказал он, наконец, – ты либо плохо исполняешь свои обязанности, либо решил, что теперь тебе все позволено?

Наставник поднял голову.

– Ваше величество?

– Позволено не все, но можешь не вставать на этот раз. И не притворяйся, что не заметил меня, не поверю, – усмехнулся король, усаживаясь в кресло.

Он успел переодеться и смыть дорожную грязь – влажные волосы зачесаны назад, открывая высокий лоб, лицо бледное, суровое, и, если уж честно, не лишенное благородства.

– Ты знаешь, что я давно хочу услышать от тебя, вейри-

эн, – молвил он, когда молчать надоело. – Пусть и Лэйрин услышит.

Наставник вопросительно поднял угольную бровь.

– Теряюсь в догадках, государь. Но, пожалуй, скажу об одном. Если бы вы не тянули с признанием наследника столько лет, никто бы не усомнился в его праве, и дело не дошло бы до жертв.

– Праве? – Роберт продемонстрировал знаменитый стальной прищур. – А есть ли оно, это право? Ты находился в свите королевы Хелины двенадцать лет назад, вейриэн Рагар, я не забыл. Может, ты – настоящий отец Лэйрина, а? – злым, свистящим голосом говорил он. – От меня в нем ничего нет, зато ваше сходство не заметит только слепец!

Хорошо, что я уже сидела. Вдруг навалилась такая страшная усталость, что захотелось лечь и умереть. Тоже мне, отца нашли. Рассказать, что ли, о вывихах и переломах, по замыслу этого бесчеловечного сугроба с углями учивших меня переносить боль? А ну их всех к дьяволу! Говорят оба так, словно меня здесь нет. Хоть бы ребенка постеснялись.

– Не заметит слепец, а заметит только невежа, но разве вы к таковым относитесь, сир? – наставник не дрогнул ни единой черточкой. – Многие горцы похожи как братья. И вам уже известно, что Лэйрин – потомок королевы Лаэнриэль, убитой вашим дедом, и унаследовал ее черты. Вы не могли их не узнать, ваше величество. Ваша любимая семейная реликвия, как я помню – весьма натуралистичное изображение

той трагедии.

Глянув на меня, занятую, кроме подслушивания их откровений, кражей офицера противника с шахматной доски, король усмехнулся:

– Узнал, когда увидел этого зеленоглазого дьяволенка год назад, трудно не узнать. И пожалел, что не разглядел раньше. Но это не может отменить моих сомнений, и ничьих не отменит. Ты-то знаешь, вейриэн, почему мои любимые вассалы так взъярились на малого ребенка.

– Ваше величество... – предостерегающе вскинулся Рагар.

Роберт поморщился.

– Ничего особо нового он не услышит. Они боятся за меня, считая, что их возлюбленный король околдован горной ведьмой и обезумел, если признал ее незаконнорожденного сына, как своего. Они вспомнили о проклятии королевы Лээнриэль, обещавшей, что ее кровь отомстит за ее смерть. И ваше сходство, Лэйрин, – устремил он на меня странный, какой-то тоскливый взгляд, – им кажется зловещим, даже имена ваши созвучны. Идем, ты должен увидеть нашу семейную гордость, – последнее слово он как сплюнул, и с таким презрением оно прозвучало, что даже Рагара проняло, судя по удивленно приподнятой брови.

Но наставник неуловимым движением переместился, загородив меня:

– Рано еще ему смотреть на это, сир. Пощадите чувства

ребенка, он ее правнук. Да и спать пора принцу.

– Высший мастер вейриэн в няньках... Кому скажешь – не поверят, – Роберт столь же неуловимо, как Рагар, что удивительно для такой крупной фигуры, обогнул наставника и оказался рядом со мной. – Тогда спокойной ночи, малыш.

Умел он доводить до бешенства одним жестом и словом, как только Диго еще мог.

Едва касаясь, он провел ладонью по моему отросшему густому ежику. Паленым волосом не запахло, но меня прошило от макушки до пяток волной непереносимого жара, а кости словно расплавились. Я отшатнулась, задыхаясь, сжав кулаки.

– Прошу вас, не трогайте меня! Никогда не трогайте, ваше величество! У вас есть, кого гладить, вот их и гладьте. А меня – не надо. Вы жжетесь, мне больно!

Думала – убьет, и все закончится.

Но вместо гнева на его ненавистной роже нарисовалось крайнее изумление. Роберт присел на корточки так порывисто, что подсохшие рыжие пряди взвились и упали на лоб, как языки пламени, сжал мои плечи, с какой-то хищной жадностью вглядываясь в глаза. Рагар напрягся, а в комнате возникли все пятеро вейриэнов.

– Я жгусь? – переспросил король. – Тебе больно, когда я прикасаюсь? Не может быть! Лэйрин, это правда? Почему ты раньше не сказал? Я же не знал!

– Отпустите меня! – заорала я, пытаясь вырваться. Навер-

ное, так чувствуют себя ведьмы в костре. И кинжал далеко, под подушкой.

– Ваше величество! – с угрозой воскликнул Рагар.

Но Роберт уже убрал руки, выпрямился – могучий и спокойный, как железная скала.

– Вейриэн, ты мне надоел, – процедил. – На этот раз я сделаю вид, что не заметил твоей угрозы королю, но это последний раз. Тебе известно, что меня и сотня твоих воинов не удержит, если я чего-то захочу, а вас всего шестеро. Не дергайся так. Я не причиню вреда Лэйрину. Тебе не представить, насколько он мне стал дорог.

Он стремительно ушел, и мне не понравилась его задумчивость. Какую пакость замышляет?

Рагар стал не менее задумчив, снял с шахматной доски мою белую королеву, рассеянно покрутил в руках и убрал в карман. А когда я возмутилась, ледяным тоном заявил:

– Вы еще не умеете играть чужими фигурами, ученик. Ваш последний ход поставил королеву под удар, и сейчас она в плену. Но вы еще можете провести свою пешку до конца, в самый тыл противника, и вернуть королеву. Не сегодня, конечно.

Глава 5

Король оказался прав: после выздоровления барон Анир фьерр Гирт и его дружки смотрели такими же лютыми волками, хотя задирать перестали. Зато бессильно шипели в спину и срывали злость в столичных кварталах. Их разгул смутные умы черни тоже связали с появлением «ведьминого отродья» в королевстве. Никакой справедливости. Разве мои старшие сестры – дети от другой женщины?

После расследования обстоятельств покушений на меня и барона громких казней не последовало. Разве что две фрейлины из свиты старших сестер А. тихо исчезли, их отцы были лишены всех привилегий и поместий за измену короне, а пара мелких дворцовых слуг была повешена. Чем беднее человек, тем большим расплачивается.

Тогда же старших принцесс, четырнадцатилетних Адель и Агнесс, король спешно обручил. Одну – с дряхлым герцогом, другую – с варварским восточным царьком. И по древней традиции сбаврил в дома будущих мужей. Сразу стало легче дышать.

Сестры Б. вдруг стали такими богобоязненными, что отправились под охраной монастырского ордена в паломничество к святым мощам.

А младшие Виола и Виолетта ожили, засветились от радости. И однажды, подкараулив за углом, бросились мне на

шею, чмокнули в обе щеки и смущенно удрали. С ума сойти с этими принцессами. Рагар, кстати, опять не защитил мое неприкосновенное тело.

До конца лета никто не сидел у ног Роберта за столом, но король не прекратил издеваться надо мной по утрам перед тренировкой, так далеко его милость не заходила. Более того, назло мне и Рагару он завел привычку заходить в мои покои по вечерам, в любом состоянии: с пира, с бала, с приема послов, все равно трезвел под ледяным взглядом Рагара. И таким отеческим благословляющим жестом возлагал ладонь мне на голову, желая доброго сна.

Доброго! Меня уже не обдавало таким чудовищным жаром, но снились исключительно кошмары. Один и тот же: сплошной огонь, в котором я сгорала дотла. Подобный пожар я как-то видела издали в предгорной долине, когда пламя шло огромной стеной и никому не было спасения. Иногда я просыпалась и чувствовала на лбу холодную руку сидевшего рядом наставника, но, если это и помогало, то ненадолго.

– Рагар, сделай что-нибудь, чтобы король ко мне не прикасался, – просила я.

– Не имею права вмешиваться, мой принц. Это не покушение, угрожающее вашей жизни или чести. Потерпите, до отъезда уже недолго.

Я ждала отъезда с таким нетерпением, что последние дни растянулись в вечность. Но, когда осталось двое суток до оговоренного срока, вечером к нам пожаловал мой незадач-

ливый оруженосец Шаэт.

Это был некрасивый смуглый мальчишка с чуть раскосыми глазами цвета выгоревшей на солнце травы. Младший сын баронета, жившего близ южных степей. Каким чудом он попал ко двору короля, любившего статных красивых мужчин, – непонятно. Шаэт никогда таким не вырастет. После его падения с лошади я часто к нему заходила, чувствуя себя виноватой в его временном увечье, и забирала с собой в парк, когда он начал ходить, или читала вслух книги, которые Рагар доставлял от своих таинственных друзей в столице. На прогулках Шаэт опирался на костыль и страшно смущался, когда спотыкался, и я успевала подхватить его под локоть раньше, чем следовавшая позади охрана. Он был единственным во дворце, кто хорошо ко мне относился.

– Ваше высочество, – выпалил он с порога. – Дозвольте...

Рагар втощил его в комнату и плотно прикрыл дверь. Порыв сквозняка внезапно погасил горевшие свечи. Луна ярко светила прямо в окно, и таинственная обстановка в дьявольской компании вогнала в ступор и без того перепуганного мальчишку.

Откуда ему знать, что все важное, должное остаться тайным, в моих покоях говорится (и делается, например, мытье и туалет) либо при дневном, либо при звездном или лунном свете. Такие уж порядки завел мой свихнувшийся на безопасности наставник. Он вообще с трудом переносил открытый огонь, как я заметила. А что вы хотите от «снежного

дьявола»?

– И чего ты испугался, Шаэт? – громко спросила я. – Все нормально, можешь говорить.

– Мой принц, я предан вам всем сердцем... – зашептал паж.

Если опустить все витиеватости из речи потомственного степного дворянина, то рассказал он следующее: Роберт решил плюнуть на договор и не дать мне уехать к матушке. Уничтожить охрану и запретить меня во дворце. С Белогорьем воевать, если понадобится, но любым способом заключить новый договор с Хелиной. Сын должен быть с отцом, и точка. И его решением фавориты взбешены. Двоюродный брат Шаэта служил пажом у одного из них и слышал их разговоры между собой.

И еще до меня дошло, что мой паж может попрощаться с жизнью: Роберт за такое предательство свернет ему шею, как цыпленку, и вряд ли мальчишка этого не понимал.

– Рагар, нам придется бежать, да? – спросила я, хотя и так яснее некуда.

– Возможно, ваше высочество, – бесстрастно отозвался наставник.

– И забрать моего пажа, а то его убьют. Шаэт, ты согласен? – тоже можно было не спрашивать, иначе бы парень не пришел. Конечно, согласен.

Наставник таким же ровным голосом заявил:

– Позволю себе напомнить вашему высочеству, что вы на-

рушили режим, а тренировка завтра состоится, как обычно, – остудил он мою радость от предвкушения немедленного бегства. У него всегда это здорово получалось – остужать.

Когда Шаэт уснул в комнате охраны, да и я уже проваливалась в еженощный ад, Рагар выдернул меня из-под покрывала и чуть не испепелил своими жгучими углями.

– Мой упрямый ученик, вы опять вынудили меня нарушить правила вашей безопасности! Видимо, я никудышный учитель, если не могу внушить вам элементарных вещей: у вас нет здесь друзей, кроме вейриэнов, и доверять вы не можете никому.

– Но Шаэт благороден, он рисковал жизнью, чтобы предупредить меня.

– А вы не задумывались, ваше неразумное высочество, почему король именно его определил вам в услужение? И вас не насторожило, доверчивый мой ученик, что тайные планы монарха мимоходом узнает какой-то мелкий паж? Мы, как ваши телохранители, обязаны знать всё о тех людях, которых подсовывает вам король. У Шаэта нет родственников во дворце. Роберт с его помощью хотел спровоцировать вас на немедленное бегство, и тогда у него появились бы все основания отменить договоренности с Белогорьем, не опасаясь войны с горцами.

– Все равно не понимаю, зачем ему предупреждать нас о том, что хочет помешать мне уехать?

– Поверите ли вы, прекрасный мой принц, что ваш на-

ставник знает чуть больше вашего несостоявшегося пажа? Роберт даст вам уехать, чтобы не гневить горы, но по его замыслу вы не доедете. Он собрался инсценировать ваше похищение, Лэйрин.

На следующий день король вел себя, как ни в чем не бывало, о Шаэте и не спрашивал. Затем устроил прощальный ужин, а после зашел благословить на добрый ночной кошмар в аду и очень трогательно посетовал, что завтра его сын и наследник уезжает.

В ту последнюю ночь во дворце Рагар усыпил пажа в комнате охраны. Не способом быстрой заморозки, как насекомых, но надежно. Погасил свечи, распахнул окно.

И тут же порывом ледяного ветра обожгло щеку, и в моей спальне появился вейриэн.

Или не вейриэн.

К моему стыду, я плохо их тогда различала: до того они были похожи – белоликие, черноглазые, высокие. Впрочем, в том возрасте всё кажется огромным. Но явившийся не принадлежал к моей охране. Таких я вообще еще не видывала.

Его лицо с тонкими чертами казалось полупрозрачной маской, расписанной морозными узорами. Серебристые волосы искрились, и это была не седина. Что я, седины у сэра Лоргана не видела? Стоило ему пошевелиться, по его волосам пробегала мерцающая волна лунного света. А глаза! Не бывает таких глаз у людей – россыпь звезд по ночному

небу, и бездонные зрачки, засасывающие душу смотрящего. Настоящий демон, жуть какая.

Я опомнилась и отвернулась.

Явившийся поклонился, но этого ему показалось мало и он встал на колени перед Рагаром.

– Приказывай, господин, – голос существа был низким и гулким, как рокот, мороз по коже пробрал.

Я села. Нет, я уже сидела, но убедилась, что не падаю. Вышнему вейриэну Рагару служат такие существа? А я еще имела наглость ему приказывать, как выразился рыжий король равнин!

– Принц Лэйрин, – повернулся ко мне Рагар. – Познакомьтесь с настоящим снежным дьяволом. Тех, кого вы видели до сих пор – белых воинов вейриэн – люди считают таковыми по невежеству. Мастер Сиарей – ласх. Его родина – Север.

– А там все такие потрясающе красивые, как вы, мастер? – осведомилась я.

– Там все... разные, ваше восхитительное высочество, – пришелец улыбнулся, и звездная россыпь в его глазах закружилась, моя голова тоже. Я отвела глаза, продолжая искоса наблюдать. А вот прямо в лицо ему, пожалуй, смотреть не надо.

Рагар одобрительно кивнул мне – ему всегда доставляло удовольствие, если я соображала раньше, чем он предупредит об опасности.

– Сиарей, – сказал он. – Нам нужно усилить охрану прин-

ца Лэйрина до двух сотен твоих воинов, в зависимости от обстоятельств.

– А... как же договор? – выдавила я, внезапно охрипнув. Если люди увидят меня в обществе подобных существ, сожгут как колдуна уже не во сне, а наяву.

– Там есть лазейка. В договоре сказано только о горных воинах – не более шести. Но Сиарэй приведет северян. Ласхов. Их никто не заметит, пока не возникнет необходимости. Я ставлю вас в известность, ученик, чтобы вы не испугались, если вдруг они свалятся, как снег на голову.

Ночью по дворцу начали гулять морозные сквозняки, удивительные для последних жарких дней лета, но король Роберт Сильный, если что-то и заподозрил, утром ничего не сказал. Да и какие претензии он мог предъявить? Поди, поймай ветер за шкуру и докажи, что это моя охрана.

Я никогда даже дня рождения не ждала с таким предвкушением, как день отъезда из Найреоса. И он, наконец, наступил!

Сопровождение король дал нам внушительное – сотню рыцарей во главе с бароном Аниром фьерр Гиртом, но сам не поехал. Государственные дела у него вдруг обнаружили. Разоренные им отцы тех двух исчезнувших фрейлин взбунтовались несколько дней назад, и Роберт собирал двухтысячную армию для усмирения.

Армию. На двух несчастных баронов, ну-ну.

Король, правда, упомянул, что бунтовщики подбили еще и родственника-герцога, а тот призвал чуть ли не иностранную помощь. И вот ведь какая незадача: земли мятежников как раз отрезали прямой путь к Белым горам, и нам предстояло обойти их с юга, выйти к морю и добираться на корабле через земли западных государств!

А к тому времени наступит сезон осенних штормов. Потом скажет король: утонул наследник, какое горе. Но нам и до моря добраться не дадут, – успокоил Рагар.

Карту королевства я хорошо помнила, не зря духи ученых-географов меня возлюбили как лучшего ученика. Новый маршрут, которым должны были везти кронпринца, проходил мимо неприступной крепости Ронготы, защищавшей прежние границы Гардарунта от южных кочевников, оттесненных теперь к самым пустыням. А Рагар просветил, что теперь там находился монастырь рыцарского ордена. Попадешь туда – не вырвешься. Этого древние географы, конечно, не могли знать.

Картина получалась следующая: король с армией блокировал нам под благовидным предлогом подступы к горам на северной границе, с юга нас ожидал удар немалых сил воинского ордена, где-то впереди – море, а позади – ненавистная столица Найреос.

Так и ехали недели две, пока пути нашего отряда и королевской армии не разошлись достаточно далеко, чтобы какой-нибудь гонец или сигнал тревоги не испортил план Ра-

гара.

Сопровождавшие нас плотным кольцом рыцари жаловались на необычные для такого времени заморозки, стали вялыми, спали по ночам у костров, спасались подогретым вином, и носы у них покраснели не только от холода. Я удивлялась: прохладно, но не до такой же степени.

А в один воистину прекрасный день тракт завел нас в глухой лес, и путь нам преградили настоящие снежные дьяволы с великолепным Сиареем во главе.

Ласх разительно отличался от своих воинов. За его спиной громоздилось нечто чудовищное: гигантские полуразмытые тела выглядели так, словно они были огромными стеклянными бутылками со снегом и льдом, и кто-то непрерывно взбалтывал запертые в невидимую оболочку снежные вихри, оснащенные ледяными шипами, алмазными когтями и жуткими клыкастыми мордами.

К чести рыцарей, ужас сковал их ненадолго. Раздался крик Светлячка:

– Во имя Бога Безымянного, кто вы?!

– Бог вам не поможет. Только здравый рассудок, – глухим загробным рокотом прокатился сказочный голос Сиарея. – Мы – ласхи, демоны Севера. Ваш король разорвал договор с императором, и наш владыка в гневе. Мы заберем вон ту мелкую зеленоглазую причину, помешавшую исполнению обязательств Роберта Сильного. Отдайте нам вашего кронпринца, рыцари, и проваливайте, тогда останетесь жи-

вы. А королю передайте: император вернет ему наследника в обмен на одну из его средних дочерей.

– Отвези императору собственное дерьмо, демон! – гаркнул Светлячок. Говорю же, глуповат он был.

– Вас предупредили! – громыхнул Сиарей.

– Отвернитесь, ученик, магия ласхов пока не для ваших глаз, – шепотом приказал мне наставник.

Но я еще успела увидеть, как Сиарей резко выкинул вперед руки, и чудовища за его спиной словно взорвались, расправляя снежные крылья. А глаза ласха... Я отвернулась. Вовремя: лес озарился ослепительной белой вспышкой, словно рядом ударила молния.

– Вейриэны, к бою! – крикнул Рагар.

– Во имя Бога! За короля! За принца! – заорал барон, закрывший лицо локтем, но успевший поднять меч. Опустить его он не смог – вырвало из руки неодолимой силой.

Нас накрыло снежным бураном. Закованные в доспехи рыцари полетели наземь, как соломинки. Надеюсь, Сиарей сдержит обещание не убивать их. Меня подхватило из седла ураганным порывом и понесло над верхушками деревьев. Желудок подскочил к горлу и там застрял. Кто меня нес, разглядеть было невозможно, но на ребрах чувствовался ледяной холод державших меня рук. Или лап?

– В погоню! За принцем! – донесся издалека голос наставника.

Похищение, идею которого Рагар позаимствовал у коро-

ля, выглядело так достоверно, что даже я поверила.

В снежной круговерти, мельтешившей перед глазами, ничего не было видно, и я считала удары бешено стучавшего сердца, чтобы убедиться, что еще не умерла. Постоянно сбивалась, конечно, но это помогло уменьшить страх.

– Приношу извинения вашему бесстрашному высочеству за причиненные неудобства, – весело шелестнуло у самого уха, обмороженного, между прочим. – Вы замерзли? Держите, это вас согреет.

В моих руках оказался крохотный сосуд, но я так тряслась, что зубы стучали, и пробку я вытащить не могла.

– Ах, как же я невнимателен, нет мне прощенья, – вздохнул несший меня буран.

Появились два внушительных полупрозрачных когтя и скovyрнули пробку. Я выпила глоток. Внутри мгновенно запылало пламя. Золотистое, живительное, теплое. Хорошо-то как! Еще глоточек, пожалуй...

– Ваше ослепительное высочество, низжайше прошу позволения спуститься, – через какое-то время с мольбой прошептал буран. – Я больше не могу вас нести. Вы очень сильно жжетесь, я таю и мы можем упасть.

– Я жгусь? Ох, спускайтесь скорее!

Буран тут же рухнул, едва успев снизить скорость падения перед самой землей и мягко поставить меня на ноги. Я огляделась. На скошенные травы заливного луга выпал внезапный снег. Через несколько секунд он стянулся в десятки

высоких сугробов чудовищных очертаний – сугробы обзавелись мордами и клыками. Только вокруг меня большой белой кляксой продолжала лежать искристая пелена.

– Позвольте прикоснуться к вашему удивительному высокочеству, – тихий рокот позади.

Я обернулась, кивнула. Сиарей, стоявший саженях в трех, протянул руки. Тут же меня обвили, как щупальца, маленькие снежные смерчи и перенесли.

– Вы стояли на его крыле, – пояснил ласх, присел у пятна снега, коснулся пальцами, что-то прошептал. Пелена судорожно дернулась и собралась в изломанную фигуру, лежавшую на траве, раскинув крылья. На одном крыле виднелись две дыры размером с мою ступню.

– Он умер? – прикусила я губу.

– Эльдер еще жив, но очень плох. Если бы он раньше понял, что происходит...

– Я не знал.

– Вашей вины в случившемся нет, мой принц. Мы тоже не знали, что вы – огненное дитя.

– Я нормальное дитя. Наверное, мне не надо было это пить, – я протянула бутылочку, всё ещё сжатую в кулаке.

Сиарей взял, понюхал.

– Теперь понятно. Всё равно что в тлеющий костер бросить пучок соломы – вспыхнет мгновенно и жарко. Этот эликсир называют «корень солнца». Вам его можно пить, но не больше одной капли.

Небо опять потемнело: налетело еще шесть снежных вихрей. Стукнулись о землю, обернулись добрыми мо... белыми вейриэнами. Сиарей и его чудовища опустили на колени, приветствуя Рагара.

– Причину несвоевременной остановки можешь не объяснять, Сиарей, уже вижу, – сказал наставник, откинув со лба спутавшиеся черные волосы. – Кто его так? Король все-таки успел достать?

– Его величество случай. Эльдер дал принцу Лэйрину согреться «корнем солнца». Но у мальчика огненная кровь, и вот результат.

– Огненная? Этого не может быть, Сиарей. Король еще не передал силу наследнику, да и очищать ее еще надо, ту силу, прежде чем принимать – слишком она грязная. Но Роберт каждый день накладывал чары, в том числе охранные, они и сработали. Правда, слишком поздно, – чуть улыбнулся Рагар, подошел к лежавшему, встал на колени и положил руки на изломанное тело. – Принц Лэйрин, прошу вас отвернуться, вам не надо видеть то, что я буду сейчас делать.

Туда не смотри, сюда не смотри, – проворчала я про себя, поворачиваясь спиной и складывая руки на груди – признак крайнего недовольства вейриэна.

Позади разразилась маленькая гроза: на мокрой после снега траве отсвечивали вспышки, стоял треск, словно вскрывался лед на реке. У меня под лопатками так свербело, как будто там начали расти глаза – ужасно хотелось посмот-

реть.

– Все, теперь его можно донести, выживет, – устало сказал Рагар.

Я быстро развернулась на пятке и во все глаза уставилась на дивное существо, стоявшее на коленях над Эльдером, и узнала учителя не сразу. От него исходило мягкое жемчужное сияние, но не оно меня поразило. После Сиарея-то.

Рагар выглядел таким нечеловечески прекрасным, что дух захватывало.

Как-то, когда мне было лет пять, я уснула вечером на руках матушки, а утром она разбудила меня на вершине горы. Может быть, не самой высокой в Белогорье, но мне показалось – мы стоим на вершине мира, и дышать было трудно. Да я и забыла дышать от благоговения и восторга – такие открылись величие, мощь и простор, полный жемчужного утреннего света и нежных красок, игравших на белых склонах гор и плывших под ногами облаках. Вот то же ощущение я испытала, увидев преобразенного наставника.

Через миг он потускнел и превратился в обычного сурового вейриэна. Нет, в очень, очень злого вейриэна.

– Кто разрешил вам повернуться, ученик?! – поднялся Рагар в ярости.

Ради того, чтобы увидеть столь яркую эмоцию на обычно бесстрастном лице ледяного воина и то, каким удивительным оно только что было, стоило прожить это страшное лето, – решила я.

– Вы когда-нибудь научитесь хотя бы слушаться меня, Лэйрин, не говоря уже обо всем остальном?

– Но вы же сказали – уже все. И я подумал...

– Пока я ваш наставник, думать буду я! А вы – слушаться!!!

– Ага. Ой, а Эльдер – снежный дракон? Какой хорошенький! – провела я немедленную рокировку, спрятавшись за Сиарея.

Полурастаявший сугроб по имени Эльдер в самом деле выглядел значительно лучше, даже дыры на крыле исчезли и четко обозначились симпатичная рогатая морда и шикарный гребень.

– Сочувствую вам, господин, – хохотнул Сиарей, да и все его воинство заулыбалось, по крайней мере, я предпочла принять за улыбки их устрашающие оскалы.

Рагар проигнорировал непрошеное сочувствие и, остыв до привычной ледяной корки, приказал всем пошевеливаться.

В Белогорье мы добрались удивительно быстро.

Доставив меня в наш горный замок, уже не выглядевший столь разрушенным, хотя и без прежнего волшебного великолепия, Рагар сразу уехал вместе с Сиареем. Вместо себя он оставил вейриэнов, добавив еще два десятка воинов и назначив мастера по имени Морен моим учителем. Гонял меня

новый мастер еще беспощаднее.

Королева Хелина за лето, проведенное в предгорье, почти поправилась, но она все-таки надорвала силы: магии в замке стало куда меньше. Не горели световые шары, не блистала позолота деревянной резьбы, пропали гобелены и картины. Белый камень замковых стен ничего не украшало, кроме обычных факелов в кольцах и пятен копоти, но мне так даже больше нравилось. Копоть матушка очищала взглядом.

Наши слуги в черных одеждах и латах тоже исчезли – духов, кроме библиотечных, Хелина не призывала. Только лорд и леди Грахар изредка приходили, но выглядели они сущими призраками, бледными и полупрозрачными, потому заглядывали только по ночам, чтобы не пугать фрейлину Лилиану.

Она жила с нами, не испугалась ведьмы. Матушка наедине со мной называла ее образцовой девочкой и примером того, как мне не надо себя вести. К тому же, присутствие постороннего лица не позволяло расслабляться, и я контролировала себя каждое мгновение.

Появился у меня еще один верный друг: Эльдер, которого я упрямо называла снежным драконом, хотя он и ворчал на это. Он и рассказал, какая заваруха началась в мире с поиском пропавшего наследника короля Роберта Сильного.

Император Севера, получив яростное, на грани объявления войны, послание Роберта, был весьма удивлен и направил еще более гневный ответ, требуя возместить моральный

ущерб принцессой, раз уж зашла речь о прошлых оскорблениях.

Король уперся: какие принцессы? Старшие уже выданы, средние дали обет паломничества по святым местам, а младшие – отрада его одинокого сердца, и раньше их совершеннолетия никакой речи об их браке Роберт слышать не хочет. Достаньте хоть из-под земли, хоть из Темной страны похищенного вашими проклятыми демонами принца Лэйрина, тогда и поговорим, как государь с государем.

Северный владыка, заподозрив, что кто-то из его подданных сошел с ума и без его ведома украл чужого наследного принца, приказал обшарить всю империю. Разумеется, тщетно. Но император оказался так заинтригован и упрям, что его лазутчиков вылавливали и в Белых горах.

– Наверняка рыщут, чтобы в свою очередь вас похитить, раз уж все равно их обвинили, и обменять ваше потрясающее города и страны высочество на заурядную принцессу, – веселился Эльдер, почему-то весьма осведомленный в тайной переписке двух государей.

Одновременно король Роберт взялся за Белые горы. Ну как взялся... ступить на земли кланов и самолично явиться к супруге с войском он не мог под страхом лишиться унесенной из гор силы. Потому он засыпал горы письмами и гонцами. Его лазутчики тоже гибли, как и имперские бедолаги, а официальные гонцы возвращались от лордов ни с чем.

Горы молчали.

Но той же осенью равнинный монарх отправил королеве письмо и караван с золотом, одеждой для принца и разной всячиной вроде пряностей, муки и крупы. Заботливый папочка, с ума сойти. Даже мои шахматы прислал. Без белой королевы.

– Как он узнал? – матушка протянула мне послание. – Это не просто его догадка, он уверен, что вы здесь, ваше высочество.

В письме выражалось высочайшее недовольство тем, что Хелина не сообщила о спасении сына из лап неизвестных похитителей его разбитому горем отцу.

– Лэйрин, мастер Рагар писал мне, что Роберт накладывал на вас чары, – задумалась она. – Может быть, в это дело?

– Он накладывает их до сих пор, – шмыгнула я носом. – Ничего не изменилось.

Каждый вечер, ложась спать, я ощущала прикосновение пылающей ладони к макушке. Каждую ночь проваливалась в огненный ад. Каждое утро мои губы на мгновение обжигало жаром. Избавления не было.

– Это и есть его страшный дар, который я должна взять у него? – спросила я. – Огненная кровь? Я же сгорю заживо, мама. Зачем это Белым горам?

– «Огненной кровью» называют особую власть, Лэйрин. Ее сущность многогранна, но в основе это власть над любым огнем. Самое страшное бедствие гор – когда просыпаются вулканы. Остановить извержение может только дар «огнен-

ной крови», но с тех пор, как дед Роберта унес его в равнинное королевство, горы беззащитны. Если кто-то разбудит подземное пламя, здесь никто не выживет.

– Рагар говорил, что дед Роберта был здесь младшим лордом. Как он мог так поступить?

– Астарг фьерр Ориэдра был влюблен в вашу прабабушку, королеву Лаэнриэль, но она его отвергла. Ему казалось, с этим даром он добьется ее любви. Лаэнриэль пыталась помешать ему и погибла. Что ж, Астарг получил власть над огнем, но она была ему уже не нужна. Он бежал от мести вейриэнов и лордов в равнины и смог стать королем у людей, но горы он ненавидел и боялся всю жизнь, как и его потомки.

– Ориэдра убил мою прабабушку. Ориэдра изгнал тебя. Ориэдра издевается надо мной. В чем провинились женщины рода Грахар, если горы нас так наказывают? – прищурилась я.

– У вас неплохое будущее, ваше высочество, раз уж вы в вашем возрасте умеете задавать правильные вопросы. Оно станет великим, если вы научитесь сами находить верные ответы, – вымученно улыбнулась Хелина и оборвала тот разговор.

Мне так и не хватило нахальства сказать матери в глаза, что я не так тщеславна, как она, и мне не нужно великое будущее, если в нем не предусмотрено простого женского счастья.

Королева и лорды ответили той осенью Роберту Сильно-

му: да, кронпринц найден живым и здоровым, но раз не сумел король сохранить и передать сына из отцовских рук в материнские, как обязан был по договору, то Лэйрин будет воспитываться до совершеннолетия в Белогорье. Точка.

Сначала Роберт угрожал и требовал, потом просил, а через три года дошел уже до того, что умолял королеву позволить ему встретиться с сыном. И Хелина дрогнула.

Мне исполнилось четырнадцать, когда Роберт Сильный приехал летом к тому же мосту через пограничную реку. Один, без свиты – ее он оставил вне наших глаз.

Король разительно изменился за три года: осунулся, под глазами – усталыми, без привычного стального блеска – набрякли темные мешки, а в огненной шевелюре пробилась белая прядь. Но, когда он шел по мосту, по-прежнему властный и устрашающий, казалось, что надвигается стена бушующего пламени, от которого нет спасения ничему живому.

Я ступила на мост в сопровождении мастера Морена и Рагара, примчавшегося ради такого события со своими воинами. Мало ли, что у буйного Роберта на уме.

Шел дождь, река внизу бурлила с глухим рокотом, одежда намочла. Я приветствовала короля, по традиции опустившись на колени и прикоснувшись губами к перстню на его руке – совершенно сухой, словно капли дождя не смели упасть на монарха. Тут же отдернулась, но ненавистного же-

ста не последовало, и я спешно поднялась.

– Как ты вырос, дьяволенок... – тихо сказал король. И вдруг обнял, крепко прижав к себе, бережно погладил по голове, прикрытой капюшоном, и тут же отпустил, не успела я перепугаться. Меня обдало горячим ветром, мгновенно высушив мокрую от дождя одежду.

И все. Больше он ничего никому не сказал, ни на кого не посмотрел. Повернулся и ушел к коню, привязанному к дереву на той стороне реки.

Рагар и Морен обменялись многозначительными взглядами, и я поняла: на мосту произошло что-то более важное, чем то, что увидели мои глаза. Но что именно – осталось загадкой.

После той встречи король смирился и не настаивал на приезде наследника, но не забывал о караванах и письмах сыну. Это были потрясающие, бушующие потаенным огнем послания, полные любви и тоски, ума и тонкого юмора – полная противоположность тому Роберту, которого я помнила.

Я прочитала его письма много позже. Хелина не отдавала их мне в руки. Она сухим скучающим тоном зачитывала лишь некоторые фрагменты, полезные для меня как для будущего монарха – о жизни двора, дипломатических отношениях и бесконечных военных баталиях Роберта с соседями.

Глава 6

Я не могла в то время осознать замысел игроков, двигавших пешку по белым и черным клеткам моего маленького мира, по Белым горам и королевской столице с Черной часовней. А ведь это так просто понять: пешки не становятся королями.

Предположим, король Роберт Сильный передаст мне силу вместе с короной, верну я этот дар в горы. И что дальше? Трон? С моими-то чисто теоретическими и подчас устаревшими знаниями о дипломатии и управлении, и совсем никакими – о политической обстановке в мире?

Мы жили почти в изоляции. Из гостей нас изредка посещали ближайшие соседи – лорд и леди Этьер. Но приезжали они вдвоем, без детей. Дигеро у нас не появлялся, его отправили в воинскую школу горцев. Я подозревала, что и Рагар слинял именно туда, сколько можно возиться со мной, без дарем.

Нас же не приглашали никуда. Возможно, лорды гор сделали выводы из моего давнего посещения дома Этьер, и никто не желал снисходить до нахального кронпринца и признавать его статус. Ну и обойдемся.

К тому же, кланы взяли нас под опеку, и мы ни в чем не нуждались благодаря им. Какое уж тут равенство положений.

Гордая Хелина старалась свести их помощь к минимуму.

Из охраны у нас остались только вейриэны, и работали мы все как каторжники. С ними и с сэром Лорганом я и ездила на охоту, добывая дичь, как настоящий кормилец семьи. Мы солили оленьё мясо в бочках, дубили шкуры лесного зверья, ловили сетями рыбу в горных озерах и коптили, собирали целебный мед в труднодоступных пещерах, я училась валить лес в долине междугорья и жечь уголь на зиму, как это делают простые дальеги.

Такая жизнь мне нравилась до определенной поры, пока не возникли вопросы.

К моим шестнадцати я почти ничего не знала даже о жизни горных кланов, не говоря уже о равнинном королевстве. Только Эльдер приносил слухи, что Роберт вымещает ярость на соседях и все пять лет после моего бегства непрерывно воюет то с каким-нибудь восточным царством, то с южным, то с оскорбленным отцом очередного фаворита, то за честь и наследство старших дочерей.

Мои старшие сестры уже овдовели, не успев обзавестись детьми.

Дряхлый герцог, муж Агнесс, скончался от несварения желудка, и поговаривали, что старика отравили не без помощи юной супруги. Взбешенный Роберт лично влил яд в глотки сплетников.

Адель бежала к отцу с погребального костра мужа – восточного царька, погибшего на охоте якобы от случайной стрелы, и Роберт в гневе захватил варварское царство и сжег

всех, кто напугал его дочь костром.

Обе старшие принцессы теперь главные распутницы королевства.

Со средними сестрами всё наоборот. Берта ударилась в религию, категорически отказалась от замужества, стала послушницей и готовится принять постриг, а Беатрис отчего-то вдруг сошла с ума, бежала из дворца, бродяжничала и теперь заперта в монастырской лечебнице.

Лишь младшие Виола и Виолетта не давали поводов для сплетен, став практически затворницами во дворце родителей. Девочки просто боялись разгула отцовских фаворитов.

Королевство обезлюдело от бесконечных воинских повинностей, оставшийся народ стонал от налогов, а торговля страдала от непомерно взвинченных пошлин. Но главное — голод. С каждым годом усиливалась засуха. Равнины вымирал.

Все это я узнавала от Эльдера. Изредка мастер Морен подтверждал сведения, если в лоб спросить. Но матушка никогда не обсуждала со мной плачевные дела Гардарунта.

Это первое, что меня насторожило: добившись от супруга признания наследника, Хелина не готовила меня на роль правителя. О внешней и внутренней политике, о финансовом управлении мне было известно только из трактатов.

Какой же тогда из меня король?

Общих знаний, полученных от библиотечных духов, для этого мало.

Второе: почему-то только сейчас до меня дошло, что монарх обязан жениться, чтобы дать короне наследников. То есть, я, если стану королем, обязана буду... Вот на этой мысли мне стало страшно, как никогда.

Хелина должна понимать всю невозможность такого поворота дел, следовательно, править мне не дадут. Моя роль исчерпывалась тем, чтобы взять дар и отдать. Всё. Что будет дальше со мной, изуродованной, и с равнинным государством – горам не интересно. Люди мрут, монархии падают, горы стоят вечно.

Жертвенная пешка – вот кем я себя ощутила.

Смотрим, что мы имеем.

В большое, во весь рост, зеркало смотрим, чтобы ничего не упустить.

Урод – это еще мягко сказано про меня. Девушкой, благодаря эликсиру королевы Хелины, я не стала. Юношей – тем более. Бесполое существо. Чересчур высокое, выше Лилианы почти на голову, крепкое и мускулистое для девицы. Но нечто среднее для горца. В равнинах совсем сморчки встречаются, с ними не сравниваю.

Плечи не так широки, как хотелось бы. Бедрa узкие, это радует, но ступни маленькие. Кисти рук... тьфу. Как еще меч держат? Такими пальцами только на лютне играть. Учитель изящных искусств доволен, а мастер Морен страдальчески морщится на тренировках.

А физиономия! Лоб широкий, подбородок узкий, а я еще

сестер куклами называла. Губы припухлые, и никак не складываются в суровую нитку, даже если поджать и сделать волевою рожу. Глазищи в пол лица и ресницы, как у Дигеро, длинные и пушистые, попробуй тут изобразить стальной королевский взгляд. Сплошное расстройство. Не спасает и мой излюбленный короткий ежик на голове, из-за которого Лиана обозвала меня «черный одуванчик».

Мужественности не хватает. А где ее взять?

Прёт совсем другое, эликсир слабоват оказался. Грудь приходится перетягивать тугой повязкой, чтобы не росла и не мешала стрелять из лука. Под рубашкой не видно, но движения стесняет, и я хожу, как жердь, прямая, длинная и тонкая. Прижечь, что ли, эти смешные выпуклости, как делают степные воительницы? Так ведь не получится: огонь мне стал, как вода. Беру раскаленный уголек в руку, а он не жжется, волдыри не вспухают. Теплый, нежный такой уголек, как родной.

Об этой новой странности я узнала в утро моего шестнадцатилетия, когда ворвавшийся с поздравлениями Эльдер случайно опрокинул на меня жаровню, потому не могу сказать, как давно она появилась. Приятное открытие: охранные чары короля Роберта защищают не только от холода, но и от огня.

Завязав ворот рубашки, я натянула штаны. Они сразу оттопырились в нужном месте: качественная матушкина иллюзия, скрывающая мое естество. Мерзость какая.

Вот это мы и имеем в зеркале.

А что я имею в душе – это никому не интересно. Да и сказать некому. Не матушке же. Она свою жизнь принесла в жертву высшему долгу, и мою тоже, не спросив, даже врожденного дара лишила. Впрочем, меня это не сильно расстраивает. К дьяволу все эти дары гор.

Так с чего вдруг пешка стала задавать себе такие вопросы и разглядывать себя в зеркало?

А с того, что случилась моя личная катастрофа.

Началось всё с Лилианы.

Матушка хорошо её приняла, а сэр Лорган вообще удочерил. Фрейлина освоилась в замке и расцвела, став прелестной девушкой с изящной фигуркой, где всё на месте и ничего лишнего. Не так красива, как леди-риэнна Хелина и её дочери, но очень мила.

К волшебствам Лилиана почти привыкла, хотя библиотеки дико боялась, а при виде духов учителей падала в обморок. Единственное исключение – уроки танцев. Потому что в библиотеке я занималась одна, а потом пыталась учить фрейлину.

Она так восторженно внимала, что я сама стала на диво усердным учеником у духов, чтобы потом удивлять единственную подружку, какой принц умный. Это было легко: сравнивать-то ей не с кем. Но... Наш обычный диалог:

– Лилиана, повтори, что я только что говорил! Ты меня

вообще слышишь?

– Конечно, ваше высочество! – с жаром утверждала она, краснея и убирая русый локон за ушко. – У вас такой удивительный голос, век бы слушала!

Голос у меня ужасный: я тщетно пыталась копировать волшебный рокот Сиарея. Результат был противоположным – не пронизывающим до ужаса, а, наоборот, каким-то бархатным. Но я тренировалась на Лилиане, пытаюсь вогнать её в трепет, и не теряла оптимизма: трепет был налицо, а священный ужас еще приложится.

– Тогда повтори правила исчисления функций Анту фьерр Кари, ученица, – этак сурово сведя брови и с рычащими нотками в голосе.

– Ах, ваше высочество, не понимаю я эту геометрию, зачем она фрейлине?

– Алгебру, Лилиана, алгебру!

– Тем более, – отчаянный вздох и потупленные ресницы голубеньких глаз.

Кроме танцев, она еще часами могла слушать сказки. Страшные – о Темной стране. Волшебные – об исчезнувших айрах.

Айры – бессмертные существа, не имевшие ни пола, ни возраста – населяли мир, бывший прежде нашего. Маги, соединившие в себе все стихии и проникшие в суть вещей настолько, что могли становиться любым другим существом. Или просто явлением. Хотите радугу в ясном небе? Айр спо-

собен стать радугой. Разумной, причем. Или ветром. Или плыть облаком в небе над своей дивной землей.

Они были столь могущественными, что однажды остановили время в своем мире, и в нем ничто не менялось долгие тысячелетия. И, хотя тот мир не описывался, как нечто непредставимое, я придумала для Лилианы такую картину: в тот остановленный миг была весна, ставшая вечной. Бушевала гроза, и огненный росчерк остался в небе. Повисли в воздухе капли дождя, и их можно было собирать и нанизывать на нитку как жемчуг. Замерли птицы в гнездах с так и невылупившимся потомством. Ничто не рождалось и не умирало.

Айрам было все равно – они размышляли над вопросом, существует ли Бог.

И миру было все равно. Никто и не заметил минувших тысячелетий, когда капли дождя вдруг упали, молния ударила в дерево с птичьим гнездом, и птенцы так и не вылупились – вернулось время и смерть.

Лилиана слушала, открыв рот, и я безбожно привирала, айрам понравилось бы. Они и сами любили сочинять о себе небылицы, и никому не запрещали. Вот и библиотечный дух давно умершего собирателя мифов как-то признавался по секрету, что половину он сам выдумал, дабы поразить ученую братию. А я чем хуже?

– А почему они исчезли? – интересовало подругу.

Кого только не интересовало! В версию Безымянного Бога

не верилось. Другого ответа не знал никто. Кроме принца Лэйрина, конечно.

– Они устали от бессмертия, – я с умной миной возвела глаза к потолку. – Айры усомнились в собственном существовании и решили проверить, в чем разница. Перестанут они существовать или, наоборот, начнут. И вот – перестали! Жаль, что сами они уже не узнали, как печально закончился их опыт.

Лилиана, поняв, что ее нагло обманывают, надула губки.

– Вы смеетесь надо мной, ваше высочество!

– Да ничуть! Их мир был так идеален, послушен и уравновешен – просто тоска смертная наступила, – тут же вдохновилась я новой идеей. – Маги равновесия заскучали и сами нарушили равновесие мира. Они разделились, выпустив все стихии. Но, потеряв силу, тут же забыли, кем были когда-то, и навсегда стали неразумными радугами и звездами, облаками и ветром. Так и был создан новый мир для людей.

Лилиана очень расстроилась от этой грустной сказки, и я отправилась в библиотеку за новой.

Каково же было мое удивление, когда после допроса библиотечного духа с пристрастием (то есть с угрозой пожаловаться матушке), это нечистоплотное существо, похожее на светящегося червя, призналось, что утаило от меня найденный им уже после смерти древний манускрипт, где действительно говорилось об утрате целостности мира и разделении древних магов, после чего они и исчезли, а мир стал таким,

какой он есть сейчас.

Раз уж я упомянула о библиотеке, то уместно будет сказать и о том, что матушка не только на словах постаралась извиниться передо мной за секреты. В хранилище появилось много нового, особенно об истоках магии в человеческом мире.

Тут опять не обошлось без таинственных полубогов. Перед исчезновением айры пришли к диким племенам пралюдей, выбрали наследников и изменили их, подарив магию. Одно племя – одно магическое пламя.

Холодным синим огнем с тех пор владеют ласхи Севера. Жадное желтое пламя Юга хранят шауны в пустынных землях.

Жестокий красный огонь – у воинов-аринтов Востока. А зеленый, двуличный, имеющий две основы – это инсеи Запада.

Но центр мира – белое пламя Белых гор.

А раз было зажжено в людях волшебное пламя, то с тех пор наш мир называется Эальр – «очаг» на языке айров.

– А как же Темная страна? – пытала я духа.

Он испуганно померк, зашептал:

– Свитки говорят о пятерых наследниках. Откуда пришла шестая сила – неизвестно, но магия у Темного владыки есть, и очень сильная. Может быть, темные крадут силу у той земли, куда приходят, извращают и создают черное пламя. Об этом никто не знает доподлинно.

– А огненный дар короля Роберта как вписывается в эту схему? А подземный огонь?

– Тут нельзя путать стихию и магию, о, любопытное дитя гор. «Магическое пламя» – всего лишь красивое слово из гимнов айров для обозначения особой силы, самой способности к магии. Дар «огненной крови» – это власть над стихией огня, она в родстве с белой магией. А подземное пламя порождается раскаленными недрами земли, это не магия, а сама стихия.

Надо ли говорить что из-за Лилианы я так увлеклась сочинительством недостающих мифов, что все правила исчисления функций у меня благополучно выветривались из головы.

Рагар приезжал раз в полгода меня экзаменовать, и не только по боевым искусствам, но и по всем остальным наукам. А когда я поначалу возмутилась, белый воин нагло заявил, что учителей много, а он, мой наставник, единственный и неповторимый (кого-то мне это напомнило, да), и он, как был им, так и остался. Уезжал этот гад всегда очень недовольным: мол, я лодырь и бездельник, если так плохо учусь в его отсутствие, а мастер Морен потом с меня семь шкур драл.

Драть оные шкуры он повадился не только на замковой тренировочной площадке и близлежащих скалах, но и отвозил меня на полигоны, созданные для убийства нерадивых учеников. Взять хотя бы ущелье Голодных духов... нет, луч-

ше долину Лета, потому как там всё и случилось.

Небольшая высокогорная долина называлась так совсем не из-за растительности – ее там не было вовсе на каменной ячеистой поверхности, а из-за бьющих из-под земли разноцветных гейзеров всякой жидкой дряни, а то и ядовитого пара. Заляпаешься – сразу не отмыться, вдохнешь – можешь уснуть и не проснуться.

Подземные фонтаны начинали особенно активно бить на рассвете и в самых неожиданных местах. Не угадать, какая ячейка оживет. Моей задачей было в белых развевающихся одеждах пройти долину по ребрам ячеек, не свалиться и не испачкаться. Чем больше брызг попадет на одежду, тем хуже результат.

Эти танцы среди фееричных цветных струй до смерти не забуду, как и танцы с мечами в долине Огней – там то же самое, но бьющее из-под земли пламя можно погасить, срубив клинком, а атакующие огненные шары и пики – отбивать. Потом считать прожженные дырки на одежде.

Я решила облегчить себе задачу, понаблюдать за поведением гейзеров и огней и вычислить периодичность. Когда мастер Морен отлучился по каким-то делам белых вейриэнов, я неделю моталась на полигоны с Эльдером. А когда запомнила основные ритмы, хотя каждый раз вторгался какой-нибудь сюрприз, решила показать долину Лета Лилиане. Издали гейзеры смотрелись волшебным образом, ей понравится.

К Эльдеру она тоже привыкла, и ласх частенько катал нас вдвоем. Девушка обычно сидела позади – моя спина защищала фрейлину от бьющего в лицо ветра, но на этот раз я посадила ее перед собой, чтобы она еще издали увидела сад гейзеров, распускаясь дивными цветами.

Лететь было не близко, примерно час на восток от замка, и Лилиана замерзла, хотя прижималась ко мне, как к печке, и прятала лицо на груди. Я ощущала себя настоящим рыцарем, у которого ищут защиты слабые. Это льстило.

Эльдер сжался над дрожавшей фрейлиной и угостил «корнем солнца», и опять последствия оказались катастрофическими.

Когда ласх принес нас в долину и тут же слинял – находиться там было для него опасно – девушка неловко ступила и подвернула ногу. Пострадавшая конечность была тут же мной осмотрена. Красноты и припухлости не появилось, но идти Лилиана явно не могла – ойкала и страдальчески морщилась.

– Больно?

– Нет, – шепчет, а глаза жалобные, полные слез. – Вы так добры, ваше высочество.

– Ты меня с кем-то путаешь, – усмехаюсь. – Я злой принц. У меня мать – ведьма, отец – тиран, извращенец и убийца, а остальные родственники – голодные горные духи. С чего мне быть добрым?

Она рассмеялась и даже не пискнула, когда я, посадив ее

на валун, туго перетянула лодыжку полоской ткани, оторванной от моего белого тренировочного балахона. Но, когда, надев на девушку сапожок, я начала подниматься с колена, руки фрейлины обвились вокруг моей шеи, а ее губы прижались к моим.

Меня как громом оглушило. Кошмар какой! Я отпрянула, едва не грохнувшись, и впервые у меня получился рык, близкий к тому, каким гипнотизировал Сиарей – глубокий и вибрирующий:

– Никогда так не делай, фьеррина Лилиана. Никогда! Терпеть не могу, когда ко мне прикасаются без моего дозволения.

Ну, и где священный трепет? Девушка вспыхнула, покраснев, но глазки засверкали:

– Простите, ваше высочество. Я бы никогда не осмелилась. Не понимаю, что на меня нашло сейчас... Не могу я так больше. Не могу молчать. У меня внутри все горит, я умру, если не скажу. Я прекрасно осознаю, кто вы, и кто я, но... я люблю вас. Больше жизни люблю, всем сердцем. Прошу вас, не гневайтесь!

Она упала на колени и обняла мои ноги, а в памяти вспыхнуло видение, как Светлячок вот так же, с рабским обожанием и обреченностью обнимал ноги Роберта, и я совсем перепугалась и одновременно разъярилась.

– Встань, Лилиана! Немедленно прекрати, мы же друзья. Ты не должна так унижаться и... – почувствовав, что эта

взбесившаяся девчонка, глотнувшая горячительного «корня солнца», пытается поцеловать мне руку, я рванулась и заорала. – Не смей приставать ко мне, как дура!

Лиλιана всхлипнула, а позади раздался громкий хохот, и высокомерный, полный яда голос, который я узнала мгновенно, хотя столько лет прошло, произнес:

– Милая леди, действительно, поцелуйте лучше кого-нибудь из нас. Мы-то не будем сопротивляться.

Он совсем не изменился, словно пяти лет для него не прошло. Тот же двадцатилетний красавец с презрительной усмешкой тонких губ, надменным взглядом янтарных глаз хищника – Наэриль фьерр Раэн в черном костюме лорда с вышитым гербом рода и клана. Не парадный вариант, но тоже впечатляющ. Белоснежные волосы распущены, но на висках заплетены две тонкие косицы – знак главы дома. Прическа многое может сказать о горце. Разумеется, если он не бреется периодически налысо, как я.

Десяток фигур за спиной Наэриля выстроены в полукруг – такие же высокие, широкоплечие, стройные, в белых тренировочных одеяниях. На головах повязки, потому положение в кланах не видно – ученики равны перед учителем. Какой же из Наэриля учитель?

Хохот стих, пока мы с лордом сверлили друг друга взглядами. Ни он, ни я не поклонились. С чего бы мне-то?

– Что делает посторонний на школьном полигоне? – вздергивает бровь беловолосый, делая шаг ко мне.

– Целуется с девушками! – фыркает кто-то за его спиной.

– Если бы, – протягивает лорд, и гримаса становится брезгливой. – Мальчик от них отбивается. Как это не по-рыцарски. Впрочем, милая леди наверняка не знает, что этот хорошенький мальчик предпочитает не такие поцелуи и объятия. Король Роберт так любит принца Лэйрина, так любит... совсем как своих фаворитов. Говорят, он в спальне этого мальчика проводил больше времени, чем в собственной. И богомерзкая страсть короля к наследнику так велика, что Роберт даже поседел в разлуке.

Неожиданно на меня снизошло какое-то вселенское, несокрушимое спокойствие. Солнце нельзя оскорбить, оно выше любой грязи.

Я улыбаюсь в глаза мерзавцу и тоже делаю шаг вперед, сокращая дистанцию.

– Леди Лилиана, как многого ты не знаешь, – говорю. – Например, о том, что некоторые лорды предпочитают валяться в чуланах со старыми чужими служанками, такими же сплетницами, как эти лорды. И, говорят, позорная страсть этих горцев так велика, что бедные старушки умирают в их объятиях, и они их любят даже мертвых.

Ха-ха. Пусть теперь попробует отмыться. Прости, Сильвия. Но неужели эта белобрысая сволочь рассчитывала на благородство оскорбляемого или ждала опровержений?

Вжик. Наэриль в ярости выхватил меч из ножен:

– Дуэль, щенок!

Хрясь. Этой подлости он от меня никак не ожидал: удар ступней между ног, и лорд с воплем валится, держась за драгоценное раздавленное, надеюсь, достоинство. Его выпавший меч лязгает о камень.

– Это тебе за мою кормилицу, кобель! – рычу. – Рук пачкать не буду. Для дуэли со мной ты слишком низок.

Вжик-вжик – двое учеников из его сопровождения обнажают мечи.

– Стойте! – орет кто-то и выскакивает вперед, загораживая меня спиной. – Уберите оружие!

– Уберите, – поддакиваю. – Пока я его не вижу. Увижу – сочту за покушение на жизнь кронпринца. А папа меня очень любит, как утверждает вон та белобрысая сво... э-э... лорд. Кстати, может, он завидует папиным фаворитам, а? Такой красавчик пропадает! Так я могу слово замолвить, король обожает блондинчиков.

Ох, какое жутенькое рычание издал лорд:

– Порву, ублюдок!

Мой защитник отлетел в сторону: Наэриль, отшвырнув его, кинулся вперед, двигаясь на полусогнутых и без меча. Прелестно. Разворот, удар ступней в подбородок, а нога у меня в сапоге, если выше целить, по носу – убью, а пока нельзя, как ни жаль...

– А это за меня, красавчик, – говорю. – Поцелуй пока мой сапог. Даже жалко пачкать хорошую обувь о твой грязный язык.

Что-то хрустит. Мой враг валится ничком. На меня кидаются уже четверо, но тот же парень орет:

– Не смей! Назад! – И снова его спина передо мной, руки с двумя мечами разведены в стороны. – Драка недопустима! Не гневите горы, фьерры. Баэрри, Соил, Миранер – поднимите старшего. И придержите его. Принц Лэйрин, – короткий взгляд через плечо, – уведите леди.

Его попытались отодвинуть:

– Отойди, Дигеро! Он на лорда руку поднял.

– Не руку, а ногу, – прыскает кто-то, не охваченный общим безумием.

– Имел полное право. Наэриль первый начал, – еще один голос в мою защиту, и передо мной уже три спины. Внушительно смотрится, особенно на фоне разноцветных фонтанов, вспухающих в долине.

Позади потянуло ледяным сквозняком.

– Ваше воинственное высочество, я не опоздал к зрелищам?

– Похоже, нет, Эльдер, – говорю, не поворачиваясь. – Устраивайся поудобнее и Лилиану прикрой.

А ученики Наэриля замерли. Лица испуганные. Они что, снежных дьяволов не видели? А я разглядываю Дигеро – троица, видя, что никто не атакует, тоже оглянулась. Только глаза дружка своего детства и узнала – светло-карие, спокойные, теплые. Итак, это не совпадение имен, он тоже тут и все слышал. Про меня и короля.

А мне-то, собственно, что? Удавиться теперь?

Но горько невыносимо.

– Привет, Лэйрин, – улыбается уголками губ. – Я тебя едва узнал. По глазам.

Он все еще выше меня, но уже не на голову – ведь и я не маленькая. Из-под его повязки выбилась одна каштановая косичка – младший лорд. Плечи... мне бы такие плечи – широченные. Мускулы, вырисовывающиеся под белым обтягивающим одеянием – недостижимая мечта. И вообще. Нервно сглатываю, не понимая, с чего это я впала в такой ступор? Это же Диго!

– Привет, Дигеро. Рад тебя видеть.

За плечами учеников появилась фигура блондина. В янтарных глазах ненависть. Наэриль прижимает платок к подбородку, но челюсть на месте, а ведь хрустнуло так, что думала – надолго поломался красавчик.

И тут позади еще один сюрприз. Незнакомый властный голос вопрошает:

– Кто посмел поднять руку на лорда?

– Я посмел, – разворачиваюсь.

Ой-ё! Вот я влипла. Рядом с ласхом – еще трое. Седой горец в простом сером плаще, но с властным выражением породистого лица. Второй – помоложе, лет тридцати, но тоже весь из себя благородный и с царственной осанкой. А третий – глаза бы не видели! – вейриэн Рагар. Все суровые, как зима в горах.

Седой сразу мне понравился. Он сначала отправил покалеченного лорда на ласхе и лишь потом выслушал свидетелей происшествия. Дигеро, явный лидер в группе, рассказал очень дипломатично. Выслушав, седой решил, что случившееся – наше личное дело с Наэрилем, и кланы наказывать никого не будут, но новой дуэли не допустят. Впрочем, седой глянул вслед улетевшему белобрысому очень недобро.

– Мастер Рагар, – повернулся он к моему наставнику. – Насколько мне известно, сын леди Грахар – ваш ученик?

Наставник подтвердил с величайшим сожалением в голосе, а по его стылрой морде стало ясно, что мне лучше сдохнуть прямо сейчас, не дожидаясь его разборок.

– Представьте нас, – попросил седой.

Пожилой незнакомец оказался главой Совета кланов, лордом великого дома Гардамир, но имя у него было равнинное – Эстебан. Он же опекал и военную школу для знатных горцев.

А вот его молодой спутник, когда до него дошла очередь, оборвал Рагара на полуслове и представился сам, коротко и ясно:

– Рамасха, северянин.

При этом он рассматривал меня так откровенно с головы до ног, словно просвечивал насквозь, до того неуютно я себя почувствовала. Лорд Эстебан покосился на него с удивлением. Рагар усмехнулся и едва уловимо пожал плечами. «Как

хочешь, но это глупо», – означало это движение на языке жестов вейриэна. Большой палец левой руки Рамасхи словно случайно перекрестился с указательным: «Доверься мне, я знаю, что делаю».

Такие диалоги с помощью жестов мы с наставником частенько устраивали в королевском дворце, когда не было возможности говорить откровенно. Северянин знает тайный язык горных вейриэнов? Интересно.

И еще вопрос: он желал скрыть свое полное имя только от меня, раз все тут в курсе, или от всех учеников? Судя по удивлению лорда Эстебана, северянина представили бы иначе, не будь здесь меня. И с главой Совета на одном «драконе» кто попало летать не будет, и в тайные долины не каждого гостя повезут.

Ненавижу, когда от меня что-то скрывают, да еще так демонстративно.

– Мы несколько отвлеклись от цели нашего визита сюда, а время не ждет, – сказал лорд Эстебан. – Мастер Рагар, раз уж лорд Наэриль не в состоянии исполнить обязанности арбитра, не согласитесь ли вы заменить его?

– С удовольствием, лорд.

– Тогда приступаем, пока долина Лета цветет.

Я отошла к Лилиане, сидевшей на валуне с несчастным видом, сжавшись в комочек. Хотелось уйти немедленно, но у нее повреждена нога, а моего Эльдера нагло припахали, как какую-то лошадь.

– Нам придется подождать возвращения ласха. Лиль, не сердись на меня, – шепнула я, ободряюще сжав ее холодную ладошку.

– Как можно сердиться на вас, – всхлипнула она. И тут же улыбнулась. – Я восхищаюсь вами, ваше высочество!

Рамасха, следивший за нами, как удав за кроликом, обменялся парой слов с Рагаром и лордом Эстебаном и, сняв с руки тяжелый серебряный браслет, направился к нам.

– Не согласится ли прекрасная леди вручить победителю состязаний этот приз? – мягко улыбаясь, спросил он.

Ученики оживились, кто-то выкрикнул:

– Вместе с поцелуем от королевы турнира!

– Я? – пролепетала фрейлина, густо покраснев.

– Вы, прекрасная леди. Слышите, вас хотят видеть королевой турнира, – еще шире улыбнулся северянин, и его глаза, цвет которых я никак не могла определить, стали затягивающими, а в голосе отчетливо послышались глубокие вибрирующие нотки рокота Сиарея.

А ведь северяне применяют какую-то особую магию голоса, – пронзила меня догадка, – им не только нельзя смотреть в лицо, но и лучше заткнуть уши, когда они так говорят.

– Но как же... – девушка испуганно посмотрела на меня.

Я пожалала плечами и уже хотела пустить все на волю Бога, но поймала ухмылку Дигеро и неожиданно решила:

– Я позволю фьеррине Лилиане принять ваше предложение, только если и мне разрешат участвовать в состязаниях.

Северянин поклонился и отошел очень довольным, словно именно моего участия и добивался, а вот Рагар потемнел лицом, резко отказал, но под давлением главы кланов и всех остальных согласился допустить меня к турниру.

До меня долетела насмешливая реплика лорда Эстебана, видимо, специально повысившего голос:

– Мастер Рагар, вам не из-за чего переживать, не думаете же вы, что ваш необученный толком ученик может выиграть у лучших из наших юношей? Даже думать смешно о такой нелепости.

При жеребьевке мне выпал последний номер. Хоть тут повезло.

Лилиана как замороженная любовалась долиной, ахала и охала. Посмотреть было на что: рассветное солнце играло на разноцветных струях, распускавшихся дивными цветами и опадающими мириадами лепестков. Гейзеры взметались каскадами арок, под которыми скользили гибкие фигуры горцев. Иначе как танцем эти пируэты не назвать.

Но мне было не до них, хотя краем глаза и отмечала некоторые приемы: вот здесь надо прогнуться пониже, пропустив выплеск над корпусом, там – не прыгать в сторону, а удлинить прыжок, тогда успеть можно, пока фонтанчик набирает силу.

Рамасха, значит? – думала я. «Тень Рам на земле», в переводе с языка священных книг. А Рам – божок из давно забытого пантеона древних айров. Мифы Лилиана любила, мы

их все перечитали.

Рамасха, простой такой северянин, случайно забрел в горы с большой дороги. С древним рунным браслетом на руке. Ну-ну.

У титулованных северян правило имен другое, не как у равнинной знати, где имя отца следует за именем сына и так до пятого колена с включением званий доблести. На моем полном титуле можно язык вывихнуть.

У северян имя небесного покровителя может включить в родовое только императорская семья, где у каждого члена свой покровитель, обычно это имя опускается во всех документах, потому как считается тайным, но оно оглашается при ритуалах рождения и похорон. А уж сведения о правящих в мире династиях, тем более таких крупных, как империя Севера, кронпринц обязан знать наизусть.

Я улыбнулась: приятно познакомиться, ваше высочество Игинир Алье Дитан Рамасха вер Лартоэн. Это если кратенько.

И что делает наследный принц чужой страны на учебном полигоне горцев? Не военным ли союзом тут пахнет, и не потому ли гость хотел сохранить инкогнито? Никто же не ожидал, что меня сюда принесет.

Я оглянулась на северянина, по новому оценивая. Видимо, промелькнувшее озарение отразилось на моем лице и было замечено, так как Рамасха, перехватив взгляд, не сдержал досады и вдруг... заговорщически подмигнул.

Интересная личность. А ведь, если императору Севера триста лет, то сколько же его наследнику? Двести с большим таким гаком? А по виду и не скажешь. Выглядит немногим старше Рагара. Жесткое лицо правителя, привыкшего к власти, но завораживающе красивое.

«Лэйрин, – спохватилась я, – ты же бесполое существо, тебя зельями накачивают каждый день, какого демона!»

Тут из долины вышел Дигеро. Его одеяние слегка задело брызгами, но такая мелочь не в счет, а два небольших пятна, разукрасивших тунику не в области жизненно важных органов – самый лучший результат. Явный победитель.

Моя очередь.

Накинув белый балахон, я скользнула к ячеистой поверхности, ступила на ребро толщиной чуть шире моей стопы. Это сейчас преимущество – маленький размер, на который я еще жаловалась. И небольшой, по сравнению с юношами, рост, и легкость тела, и знание ритмов. Зря, что ли, я здесь каждый день пропадала? Главное – попасть в ритм и не дать себя сбить сюрпризам. Фонтаны – это музыка, струны водяной лютни.

И я начала танцевать, слушая долину, как биение своего сердца.

Прыжок, разворот, прогнуться, коснувшись ребер лопатками, взвиться пружиной. Покружиться с водяной змеей, нырнуть под арку...

Внутри вспыхнул огонь, и я ощущала издалека, как тя-

нутся к нему мягкие водяные пальцы, как плещут и смеются вокруг цветные сполохи, и не могут достать. Нам было радостно – мне, и долине Лета, мы любили друг друга в едином ритме, соприкасаясь дуновениями ветра – влажного и такого горячего, что даже брызги испарялись.

Я уже видела возбужденные лица ожидавших меня на краю долины горцев, восхищенную улыбку Лилианы, оцепенелую маску Рагара и темное золото глаз Дигеро, в азарте кричавшего что-то приветственное, подняв руки.

И вдруг – ледяной порыв в спину и удар под лопатку. Чем-то твердым и холодным. И еще. Меня сбило, я упала на самом краю, ободрав пальцы о каменное ребро, перекувырнулась.

Когда я поднялась, все молчали, фрейлина чуть не плакала, а принц Севера вперился в моего наставника, едва сдерживая гнев. Так я не одна догадалась, откуда лед в долине Лета?

Стянув балахон, протянула Рагару. Ни единого пятнышка. Впереди. А позади расплывались по белоснежной ткани два больших лиловых цветка.

– Смертельное ранение в бою, ученик, – равнодушно прокомментировал наставник.

Сосульками в спину, – могла бы я сказать. Но промолчала, пристально глядя ему в переносицу. Гад, какой же ты гад, Рагар. Зачем ты так подло со мной поступил?

Приз получил Дигеро.

Я не хотела смотреть, как Лилиана надевает на его руку браслет, и как мой друг целует мою подружку, но смотрела и держала лицо.

Это было нетрудно для мертвой. Именно в тот момент я в мыслях постарела на сотни лет, умерла и поняла всё о своей прожитой и ещё не прожитой жизни, совсем всё.

Потом мне было больно, и не раз, но уже не так, как тогда – в миг, когда раскрылась вечность и показала мою жизнь. Потом были слезы, но не такие сухие. Потом тоже рвалось сердце, но разве это было сердце? Его живую плоть словно подменила колдовская иллюзия, сотворенная моей матерью. Она билась точно так же, но уже не болела. Не так сильно.

Но тогда же пришло решение, что я сделаю, когда выполню навязанный мне долг. Долг? Я бы назвала это проклятием, но слишком противное слово. Горы забрали у меня так много, что я возьму за это плату. А не дадут – вырву. Или еще раз умру, уже плевать.

До меня доносился смех парней, окруживших победителя, когда он отпустил королеву турнира, и полный раскаяния щебет фрейлины. Я вставляла реплики в нужных местах, но слушала другое: ветер, бившийся о скалы, шорох осыпавшихся камушков, шум распускавшихся в долине гейзеров.

Тишину моего нового сердца.

Потом почему-то очень четко зазвучали голоса старших, стоявших довольно далеко от нас с Лилианой.

– Признаюсь, я потрясен вашим учеником, мастер Рагар, – говорил лорд Эстебан. – Не ожидал, совсем не ожидал. Считаю, ему необходимо обучаться в нашей школе, пока не поздно. Почему вы упорствуете?

– Нет, – отрезал наставник. – Не обсуждается.

– У меня тоже есть вопросы к вашему мастеру вейриэн, лорд, – процедил северянин. – Но я хотел бы задать их наедине.

Лорд Эстебан кивнул и направился к Дигеро, окруженному веселой толпой, а Рамасха отвел Рагара еще дальше, но эта перестановка не повлияла на качество подслушивания.

Я не понимала что происходит, как это возможно – слышать их, пока не поймала короткий взгляд оглянувшегося наставника. Ладони за его спиной сложились в невидимый его собеседнику знак «Оставайся на месте и слушай», и от сердца отлегло: опять какие-то хитрости вейриэнов. Но злиться на ледяного гада я не перестала.

– Почему ты не допустил победы Лэйрина? – зло спросил северянин. – От меня такое не скрыть, ты знаешь.

– Ты уже всё понял, Рамасха, зачем спрашивать? Потому не допустил, что победитель отправится с тобой. У меня другие планы на будущее моего ученика, и Север там не предусмотрен.

Это он так резко с наследником императора разговаривает? И на «ты»? Или я ошиблась в выводах, и Рамасха – не принц?

Северянин не сдавался:

– В нашем соглашении говорилось, что Белогорье позволит мне отобрать двух лучших из детей лордов! Я ведь могу счесть твой поступок за нарушение, Рагар.

– Не можешь. Лэйрин – гость гор, как и ты. У тебя соглашение с кланами, а не со мной, его наставником.

– Но он же горец!

– Ты не на севере, Рамасха, здесь другие законы. Мой ученик – совершеннолетний, но пока даже не младший лорд. Законы кланов для него не обязательны с тех пор, как ему исполнилось шестнадцать, и он вышел из-под опеки матери. Сейчас он находится тут как гость, под покровительством рода Грахар, но только наставник может распоряжаться его судьбой. И сразу скажу: не надейся, что мы с тобой договоримся.

Лукавит мастер, – усмехнулась я про себя. А как же мой официальный отец Роберт Сильный? По законам королевства мое совершеннолетие наступит в восемнадцать, но и тогда кронпринц не имеет решающего голоса и будет подчиняться королю, как вассал. Причем здесь наставник?

– Ты слишком много берешь на себя, Рагар... – сощурился Рамасха. – Для тебя будет лучше договориться со мной. Одно мое слово, и тебе не придется...

– Нет, – оборвал его вейриэн.

Северянин помолчал, видимо, давил в себе ярость. Успешно, потому как спокойно спросил:

– И до какого возраста сохраняется власть наставника?

– До тех пор, пока ученик не вырастет до своего мастера и не станет хотя бы равным ему, и тогда наставник может его отпустить, если захочет. Но мастер может и не захотеть. Я обязан отпустить ученика только в том случае, если он пре-
взойдет и победит меня.

Северянин взорвался, аж искры полетели:

– Победит тебя? Тебя?! В мире немного найдется та-
ких воинов, вынужден признать. Лэйрин никогда не сможет сравняться с тобой!

– Не сможет, – кивнул вейриэн. – Я удивлен твоей настой-
чивостью, Рамасха. Зачем тебе такой слабый воин? То, что
произошло сегодня – случайность.

– Случайность, говоришь? – зло прошипел северянин. –
Надеешься, что я ничего не понял, как эти напыщенные лор-
ды и их сынки? Нужно быть слепым, чтобы не видеть, на-
сколько отличалась его техника, и на что она была похожа, а
я не слеп. Откуда твой ученик знает искусство древних айр?

– О чем ты? Это невозможно! – искреннее удивление. –
Их искусство давно забыто, как и они сами. Тебе показалось.

– Рагар, не держи меня за дурака, – с рокочущими нот-
ками заговорил Рамасха. – Я узнал некоторые движения по
описанию в тайных свитках. И его одежда была абсолютно
сухой, я видел. «Огонь сквозь воду», вот как называется то,
что он сделал. Скажешь, не так? Не лги мне, это чревато.

Наставник почти смеялся:

– Неужели твой разум, о светоч Севера, угас за те годы, пока мы не виделись? Ты забыл, почему утеряно искусство древних. Для того, чтобы владеть им, нужно всего лишь... быть самым айром и жить в другом, давно несуществующем мире. Мелочь какая, правда?

– Теперь я понимаю, почему император так ненавидит тебя, Рагар. Что ж, я принял твой вызов. Ты тоже забыл, что есть еще способы забрать ученика... Например, у мертвого наставника.

– Рамасха, для северянина ты странно горяч. Остынь и вспомни, кто моя мать, и кем я стал. И подумай, долго ли я буду мертвым? Моя смерть ничего не изменит. Лучше займись тем, зачем ты сюда приехал – забирай победителей в свиту, ищи себе невесту, бери и уматывай.

И тут Рагар быстро расцепил сложенные за спиной ладони, и я уже ничего не слышала, но судя по мгновенно пронесшемуся смерчу, взвихрившему одежды Лилианы и волосы горцев, Рамасха крепко выругался.

На этом стихийном бедствии потрясения дня не закончились.

Едва морозный ветер стих, северянин громогласно заявил:

– Я доставлю тебе радость, вейриэн, и долго искать не буду. Я уже нашел невесту!

И нагло уставился на нас с Лилианой. Ошеломленные присутствующие тоже.

– Ты рехнулся? – Рагар озабоченно свел брови.

– Иди ты... в Темную страну, – рыкнул Рамасха, направляясь к нам быстрым шагом.

Фрейлина, охнув, юркнула мне за спину, и я оказалась с глазу на глаз с бешеным северным зверем, в эту минуту почему-то подозрительно похожим на снежного дьявола Сиарея.

Капюшон плаща слетел с его головы при движении, и волосы оказались такого же цвета – лунно-серебристого, отливавшего на солнце мягкими радугами. Потом мне довелось увидеть Северное сияние – вот оно и запуталось в длинных, ниже лопаток, волосах гостя, перехваченных тонким как луч обручем. Оно же сверкало в глазах Рамасхи. Красив до безумия. Страшен до обморока. Такой вот странный парадокс.

– Прекрасная леди, – голос северянина снова стал магическим, глубоким и вибрирующим, играющим на невидимых струнах души, настраивая их в лад со своими желаниями. – Не согласитесь ли вы стать женой кронпринца Севера Игнира Алье Дитан вер Лартоэна? Я буду счастлив, если вы отдадите мне руку и, надеюсь, сердце. Мое сердце уже принадлежит вам.

А вот и обморок. Лилиана беззвучно повалилась, я едва успела ее подхватить. Совсем слабые нервы у бедняжки. Похлопала ее по щекам – никакого эффекта.

– Леди подумает, – ответила я за нее.

– И сколько времени потребуется на размышления?

– Понятия не имею. Год... два...

– Я подожду.

Уступчивый какой. Правильно, торопиться ему некуда, еще лет двести впереди, успеется.

– До завтра, – ухмыльнувшись, уточнил Рамасха.

Я тоже усмехнулась ему в переносицу, стараясь не смотреть в глаза. В такие глянешь – согласишься с чем угодно, а единственную подружку я ему угробить не дам.

– Не получится. Требуется еще согласие опекуна, короля Роберта Сильного.

Принц опустил ресницы, вздохнул:

– И здесь этот чертов рыжий бык замешался, провались он в преисподнюю! Не отдаст – обойдусь и без его благословения.

– А если невеста не обойдется?

Ну скажи «тогда обойдусь без невесты», ну что тебе стоит, Северный?

Он хитро прищурился, улыбнулся, сверкнув белоснежными зубами:

– Тогда заставим Роберта благословить. У нас получится, уверен.

Все. Он меня покори́л. За Лилиану можно не волноваться – они подружатся. Ей просто некого было любить, вот на меня и кинулась. Пусть теперь мужа любит.

Ох, и наивная же я тогда была, смешно вспомнить. Заморочил меня все-таки принц Севера своими чудными очами.

Лучше бы я тогда язык проглотила, меньше бы потом проблем было.

Опомнилась я только от резкого окрика наставника:

– Ваше высочество принц Лэйрин! Вам пора! Ваш друг Эльдер вернулся и ждет вас.

– Принц? – расширились глаза Рамасхи.

Ах, да, ему же меня представили просто как сына леди Грахар, и в моем официальном титуле имени рода матери нет.

– Так ты и есть кронпринц Лэйрин Роберт Даниэль Астарг фьерр Ориэдра? – со странным выражением спросил северянин. – Тот самый, из-за кого император остался без невесты уже который раз? Тот, из-за кого весь Север год стоял на ушах, просеивая снег в тундре в поисках королевича, похищенного какими-то снежными дьяволами? Тот, кого я поклялся лично придушить при встрече?

– Тот самый, – криво улыбнулась я. – Попробуй, придуши.

– Правда, можно? – обрадовался Рамасха, раскинув руки, как для объятий.

Но между нами мгновенно оказался Рагар, только что стоявший шагах в пяти.

– Ваше сиятельное северное высочество, – закапал яд, – соблаговолите начать с меня или отойти на два шага от моего ученика.

Пока они молча измеряли друг друга взглядами, держа ладони на рукоятках мечей, я сама отошла, волоча Лилиану с

помощью Диго, и не на два шага, а к Эльдеру, грустно взиравшему на неприглядную сцену.

Лорд Эстебан приказал Дигеро помочь мне сопроводить избранницу принца Севера, и разнесчастному ласху пришлось тащить нас троих. Обиделся он тогда страшно и сожрал в отместку весь наш мед – Эльдер любил сладенькое, что медведь.

Лиλιана решительно отказалась стать второй дамой огромной Северной империи, ревмя ревела и обещала броситься в пропасть или отравиться, если ее принудят. Какие страсти.

Королева возилась с ней, как с малым дитем, а я сбежала в библиотеку и затребовала у духов свитки с описанием техники боя древних айров. Таковых не нашлось! Главный дух-хранитель собрания летописей – тонкое и длинное существо, подозрительно смахивавшее на гигантского книжного червя – совсем истончился от моего возмущения и тихо исчез.

Вскоре в библиотеку прокрался младший лорд фьерр Этьер. Оказалось, мы оба не выносим женских слез и уж тем более истерик.

– Но почему она отказывается, Дигеро? – я подперла щеку кулаком и мрачно оглядела расположение фигур на шахматной доске: поддаваться дальше было уже невозможно так, чтобы друг не заметил и не взбесился. – Он – принц, ничего

такой, вполне можно привыкнуть. Мечта моих средних сестер. Она – сирота с крохотным именем, если королевский управляющий его не разорил вконец. Не брак, а сказка!

– Мезальянс.

– Роберту ничего не стоит наградить Лилиану титулом попышнее, зато укрепятся связи с империей. К слову о блестящих партиях. Верни ладью на место, она ходит только по прямой, ты ее перепутал с офицером.

Диго послушно вернул ладью, но тут же поставил её под удар моего коня. Парень вообще был странно рассеян, никак не мог запомнить правила, и его ходы не поддавались никакой логике. Удивительно. Обычно он схватывал все на лету.

– Ты говоришь так, словно у тебя нет сердца, Лэйрин. Девушка влюблена в тебя, это же видно. Предложи ей стать императрицей – не согласится. А ты тоже принц. Забыл? – он улыбнулся моей любимой улыбкой – нежной и немного смущенной. – Кстати, почему твоя королева вырезана не из кости, как другие фигуры? Так и должно быть?

Вместо украденной Рагаром фигурки я собственноручно вырезала новую из редкого снежно-белого нефрита. Довольно примитивно получилось, так ведь и я не мастер гильдии резчиков.

– Настоящая потерялась, – я залюбовалась его задумчивым лицом, освещенным снопом солнечных лучей, падавших в окно и придававших золотистый оттенок белоснежной коже горца и особое мерцающее тепло карим глазам. –

А сердце у меня было, Диго.

Он почему-то сжал кулаки и резко отвернулся.

– Прости, я сказал, не подумав, – буркнул сквозь зубы.

– Ты вообще о чем думаешь? Такой рассеянный, что не узнаю тебя.

– Я сам себя не узнаю сегодня, – тихо сказал он. – Мой ход.

Подвинул пешку и опять поставил под удар.

– Тебе так понравилась Лилиана? – я сняла пешку так, что потеряла своего коня.

– Нет.

Поспешно, слишком поспешно.

– Диго, у нее просто блажь, ведь мы пять лет жили в одном доме, и никого не видели из сверстников. Если она не выйдет замуж за Рамасху, то немного настойчивости с твоей стороны, и...

– Неужели она совсем тебе безразлична?

– Ну сколько можно объяснять, – вздохнула я. – Лилиана – просто мой друг, как бы она ко мне ни относилась. У нас с ней ничего не может быть.

– Ничего не может быть... Лэйрин, ты меня не убьешь, если я спрошу?

– О чем?

Я подняла голову и... растаяла в золотистом свете его глаз. Разве могла я предположить, что он станет вот таким – родным, словно мы никогда не расставались, и моя душа давно лежала в его ладонях, и было ей тепло и уютно?

– Так о чем ты хотел спросить, Диго?

Он судорожно вздохнул и вперился в доску перед собой.

Потом все-таки спросил, и явно не о том, о чем намеревался:

– Это Рагар сбил тебя на выходе из долины Лета?

Я пожала плечами:

– Не уверен. Всегда жалел о том, что на затылке нет глаз.

Как было бы удобно в бою!

– А выглядело так, словно они у тебя там есть, на затылке, – снова улыбнулся он. – У тебя была необычная техника, мы все заметили. Только совсем непонятная. Кто тебя учил?

– Мастер Морен.

– Он тоже не мог научить такому. вейриэны так не умеют.

Такое чувство, что ты дышал иначе, двигался... Как сполох белого пламени. Это было так здорово, что мы все едва не сдохли от зависти.

– Дигеро, ты всегда был со мной честен. Ты ведь не это хотел узнать?

– Не это. Я хотел спросить, Лэйрин... Тебя огорчит, если я убью Роберта за то, что он сделал с тобой?

Нельзя же так, Дигеро. Нельзя так сильно сжимать кулак, если взял в ладонь душу. Хотелось заорать: «Уходи! Не желаю тебя видеть. Никогда!» или что-нибудь этакое из бабьего арсенала. Но я улыбнулась. Подошла к этому глупому благородному рыцарю и, пристально глядя в глаза, медленно провела кончиками пальцев по его красиво изогнутым губам, почти не дотрагиваясь, чтобы не обжечь – такое во мне бу-

шевало пламя.:

– Что сделал? За что убивать? Вот за это?

Он замер. А я наклонилась близко-близко, заглядывая в его ошеломленные глаза:

– А целовать нелюбимую девушку, как это сделал ты, – лучше и честней?

Он вскочил, опрокидывая столик с шахматами. Сплюнул:

– Тьфу, мерзость какая!

И его унесло из библиотеки, как не было.

Как я хохотала! По шкафу сползла от смеха, хребтом пересчитав полки – очень качественное матушкино волшебство, все по-настоящему, до заноз в спину.

Я сама сожгла все мосты, вот этими жаркими, словно с них струился невидимый огонь, руками. Не хочу ни перед кем-то оправдываться, даже если это ты, Диго. Ты, который держал мою душу и не почувял ее.

Ты никогда не узнаешь, светлый мой Дигеро, что стал моей честью и совестью. Мне, выросшей в невероятной лжи, не всегда их хватало, и тогда ты приходил в омраченную душу и обжигал горячим золотом укоризненных глаз. Это было единственным золотом, имевшим когда-либо для меня ценность. И разве я могла представить, что и оно может стать фальшивым?

Глава 7

Но вернемся к той наивной поре, когда я была пешкой в руках великих игроков и еще только постигала смысл происходящего.

В долине Лета игроки передвинули пешку на черную клетку и перевернули песочные часы, дозволив мне только слушать шелест падающих песчинок и ждать следующего хода, пока они снимали с доски другие фигуры: моего рыцаря Дигеро, спешно покинувшего замок, преданную Лилиану и верного сэра Лоргана. Рагар настоял на немедленном отъезде двух моих последних друзей, бывших слишком человеческими.

Я злилась на него за это, но лишь потом поняла его, если не правоту, то замысел. Мастер игры чужими фигурами устранял всех, кем могла воспользоваться моя матушка в своем безумном стремлении обыграть рыжего короля.

Странно, но до того дня у меня не было своих желаний, кроме сиюминутных. Нацеленная стрела не способна мечтать о свободном полете. И, когда эта мечта, эта моя первая страсть, появилась, она стала откровением, перевернувшим игровую доску.

Именно там, в библиотеке, под истерический хохот, треснула чуждая моей сущности оболочка.

Я вытерла проступившие слезы и спустилась в холл, бу-

дучи в душе уже другим человеком. Не тем, кого из меня делали шестнадцать лет, а той, кем рождена. Той, кем внезапно захотела стать вопреки всему и всем. Женщиной.

Великий Бог, стоит поверить в себя, как Ты начинаешь испытывать веру самыми изуверскими способами!

Королеву Хелину я нашла в ее покоях и сообщила ей о своем решении уехать к королю Роберту немедленно, пока еще открыты пути из Белогорья.

Мой план был прост: я заставляю передать мне этот несчастный дар и, выполнив волю гор, становлюсь свободной. И тогда... о, тогда я смогу любить и быть любимой. На семнадцатом году жизни в этом и заключается смысл существования для девичьего сердца.

Над планом я думала с того момента, как поняла, что в долине Лета великий мастер игры, когда выстраивал свои реплики в диалоге с принцем Севера, говорил одновременно и со мной. Рагар позволил мне узнать два ключевых момента. Один, касавшийся искусства древних айров, я тогда еще не могла осознать в полной мере, и его затмил второй: отныне я совершеннолетняя с точки зрения горных кланов, о чем умолчала Хелина.

Здесь, наверное, стоит заметить, что в Белогорье подчинение старшему в роде абсолютно. Люди равнин сочли бы это насилием над личностью, и в моем случае так и было, но они не знают главного: полнота посмертной жизни горцев зависит от их потомков, а сила магии наследников – от под-

держки духов рода. Мне, лишённой дара и находившейся, по сути, вне рода, можно было об этом не беспокоиться.

Матушка, выслушав неожиданное заявление об отъезде, засмеялась:

– Почему вы решили, ваше высочество, что король передаст дар, стоит вам явиться и попросить? Неужели вы так наивны, дитя мое?

Вместо ответа я подошла к тлеющей жаровне и, взяв горсть раскаленных углей, спокойно протянула их на ладони королеве.

– А как вы объясните вот это, ваше величество?

Глаза Хелины изумленно расширились, но тут же угрожающе сузились.

– И давно это с вами, ваше высочество?

– С весны.

– Почему же вы мне ничего не сказали?

Сложно сказать, почему я умолчала о такой способности. Может, просто разговора не заходило. Я ссыпала угольки в жаровню, отряхнула руки.

– А что это меняет? – спросила. – Власти над огнем у меня все равно еще нет.

– Что меняет? Ваша новая способность – знак мне в первую очередь. Роберт еще весной хотел показать, что готов на все, чтобы вернуть вас, и сделал решающий ход! – небесно-голубые глаза Хелины потемнели от гнева до густого фиалкового цвета. – Если бы вы не молчали, он был бы уже

мертв! Его дар вернулся бы в горы, и все было бы уже закончено! Мы обе были бы уже свободны, Лэйрин! Свободны!

Всхлипнув, она с трудом взяла себя в руки, прошлась по комнате, перебирая холщовые мешочки с травами, висевшие на стенах, достала с полки несколько плотно закупоренных склянок. Матушкины покои действительно напоминали классическое логово ведьмы, даже вороныи черепа, скелетики ящериц и высушенные жабыи шкурки имелись. Хелина достала ступку, высыпала из нескольких мешочков по щепоти сушеных трав и ягод, капнула зелья из разных склянок и принялась толочь.

– Я знала, что Роберт полюбит вас и не выдержит разлуки, и он сломался! – ее голос зазвенел от ликования. – Как жаль, что невозможно передать дар на расстоянии. Мы близко, Лэйрин, совсем близко от цели! Вы приняли верное решение, надо ехать немедленно. А привести вас в нужный вид поможет мое новое зелье и чары. Жаль, что уехала Лилиана, она бы помогла.

Сердце екнуло.

– Что значит «в нужный вид»?

– Дитя, вы же понимаете, что король ждет сына, а не дочь. Иллюзии, брошенной на ваше тело, уже недостаточно, если дело дойдет до... до определенных ритуалов при передаче дара. Я не знаю, в чем они заключаются, но нужно быть готовыми ко всему.

Ни за что не буду пить никакое зелье из ее рук, – твердо

решила я.

Матушка словно что-то почуяла: глянула с прищуром. Ох, не люблю, когда она так смотрит, страшно становится. Могучая она у меня волшебница. Не то что в мальчика – в жабу превратит, наверное, и шкурку высушит.

– Ваш вид уже сейчас может сорвать весь план, Лэйрин, – сказала она. – А я... мы с вами слишком многим заплатили, чтобы допустить провал за шаг до цели. Хватит с нас Рамасхи!

– А причем здесь он?

Взяв совок, королева высыпала в камин угли, бросила сверху хворост и повесила тигель на крюк над мгновенно вспыхнувшим огнем.

– Прочитайте его письмо, Лэйрин, оно лежит на столике. А позже мы продолжим беседу в другом помещении, – опасно прищурилась она на пламя.

Я уже привыкла к этим странностям: как и Рагар, королева не вела никаких важных разговоров при открытом огне, будь это даже безобидные свечи. Неужели король мог услышать нас через огненную стихию даже здесь, в Белогорье?

На столике лежал свиток с полупрозрачными печатями, показавшимися ледяными, когда я их коснулась пальчиком. Размотав сверкавшую радугами ленту, развернула бумагу – белоснежную, блестящую как корочка наста – и прочитала послание, написанное стремительным, но изящным почерком. Дважды. До того невозможным, ошеломляющим оказа-

лось содержание письма.

Рамасха в утонченных выражениях, которые мне не повторить с первого раза, писал моей матери, что навеки сражен красотой и изяществом – о, Боже! – ее седьмой дочери, принцессы Лэйрин – Боже, Боже! – и просил моей руки!

Описывая в нескольких словах нашу встречу, этот слишком проницательный северянин имел наглость сообщить королеве, что принцесса не отвергла его предложение и обещала подумать год, но он, принц Игинир, хотел бы безотлагательно провести обряд именованья, согласно законам древних айров, сохраненных и Севером, и Белыми горами. И если ему будет в этом отказано, то король Роберт может узнать о том, что у него нет и не было сына.

Я сдержалась от ругательств только под яростным взглядом матушки.

Дождавшись, когда зелье булькнет первым пузырьем, Хелина быстро сняла варево, разворошила угли, снова подвесила котелок – томиться до готовности – и отправилась к двери. Я поплелась за ней, как на казнь, так мне стало паршиво и страшно.

В холле нас ожидал Рагар с таким видом, словно он и не уезжал никогда – устроился на подлокотнике кресла и откровенно поигрывал игольчатым кинжалом-сельтом, вращая его между пальцами. Я обрадовалась мастеру, успокоилась и... снова встревожилась. Если мой наставник счел необхо-

димым приехать в замок раньше обычного зимнего визита, значит, мои дела обстоят хуже некуда.

Хелина протянула ему письмо, но мастер сказал, что уже знает о его содержимом от самого Рамасхи: принц обратился в первую очередь к нему, как моему наставнику.

– Что ж, раз вам все известно, незачем это хранить. Он еще пожалеет, что посмел мне угрожать! – королева тут же отвела душу, разорвав послание в мелкие клочки. Высыпав клочки на пол, волшебница щелчком пальцев превратила их в пыль и развеяла.

И я ее понимала: у самой появилось желание проделать то же самое с принцем Севера. Еще ничего о нем не зная, я записала его в смертные враги.

– Но как он узнал, Рагар? – интересовало меня в первую очередь.

– Рамасха – ласх-полукровка, Многоликий. Маг, способный создавать обличия, часто может еще и видеть скрытое под чужой иллюзией. Не знал, что наследник императора развил в себе такой талант, иначе бы не пустил его в Белогорье.

Я покосилась на наставника: неужели он обладает такой властью? Мне казалось, что главный тут, пока нет горной королевы, – Совет кланов и его глава, лорд Эстебан.

– И какое вы приняли решение, мастер? – вот что должно было меня интересовать, прикусила я губу. Слово наставника весомее остальных, если с этим даже Роберт смирился.

Вейриэн, убрал кинжал в ножны, сцепил руки на колене и внимательно, почти демонстративно, оглядел матушку, потом меня, и спросил:

– А вы сами, ученица, что скажете? Желаете ли вы принять предложение принца Севера?

Королева побледнела. Рагар впервые назвал меня «ученица»!

Как он понял, что произошло с моей взбунтовавшейся душой? Или... он просто пытается сыграть мной, подтолкнув к нужному ему решению?

– А что за обряд, о котором упоминал Рамасха? – я сделала вид, что задумалась.

А лицо матушки вдруг заострилось, как у леди Амель.

– Ваше высочество, вы же не собираетесь замуж? – последнее слово она произнесла с непередаваемо брезгливой гримасой. – Но я удовлетворю ваше любопытство. Этот обычай остался еще со времен распада мира древних айров: двое, решивших связать судьбы в одну, не меньше года живут под одной крышей, не вступая в брачные отношения. Только через это время они могут пожениться или расстаться, сохранив чистоту. Если кто-то раньше срока принудит другого к еще запретной связи, то будет убит, как преступивший закон гор, и его семья не имеет права на месть.

– Даже если они нарушат закон по обоюдному согласию? – заинтересовалась я.

– В этом случае блудников побивают камнями, – с леденя-

щим спокойствием заявил Рагар. – Я жду вашего решения, ваше высочество. Обряд поименования – еще не брак, и может никогда не стать браком, но жить вы будете под одной крышей либо здесь, либо во дворце императора.

– Нет! – отрезала я. – Это дико даже представить! И потом, если я не выйду за принца замуж, король узнает об обмане. А если выйду – тоже узнает. Разница только в том, что во втором случае этот наглый северный шантажист получит, что требует!

– Если вы согласитесь на обряд, этот год Рамасха будет молчать.

Я хлопнула ресницами.

– Вы хотите, учитель, чтобы я... согласилась?

Хелина, едва сдерживавшая гнев, судя по румянцу, вспыхнувшему на бледных щеках, вмешалась:

– Мастер вейриэн, разве вы не слышали? Лэйрин уже принял... приняла решение! И он... она едет к Роберту, завтра. Да, завтра же. Вы не можете нам помешать!

– Я не собираюсь мешать судьбоносным решениям, если они во благо Белым горам и моей ученице, – с легкой улыбкой ответил Рагар. – Я хочу, чтобы принцесса не совершала никаких поспешных ходов, располагая только полуправдой, следовательно, полуложью – они всегда будут ошибочными.

– Это бессмысленный разговор! – взорвалась королева. – Вам не понравилось, что я согласилась на брак Виолы и императора Севера в обход Белых гор, и сейчас вы просто хо-

тите взять реванш, да еще и воспользоваться защитой северян и заплатить им еще одним моим ребенком!

– Виолу выдают замуж? – встряла я.

Так выяснилась цель пребывания принца Игинира в Белогорье. Никаких военных союзов за спиной короля пока не наблюдалось, зря я заподозрила лордов гор в измене моей будущей короне. Оказалось, что Роберт дал-таки согласие на брак Виолы с северным владыкой, но по договору между королем и матушкой требовалось и ее согласие, следовательно, благословение гор. Рамасха приехал утрясти с Советом кланов и Хелиной детали церемонии и отобрать двух юношей в свадебный эскорт.

– Хватит с Севера одной моей дочери! – ярилась матушка. – Мы с Лэйрин поднимем насмех Рамасху с его нелепыми угрозами! Ему не на что рассчитывать в любом случае! Вы прекрасно осведомлены, что Лэйрин просватана еще до рожде...

Она осеклась, кровь отхлынула от лица, а Рагар... удовлетворенно улыбнулся. Это была невероятная эмоция. Я держала ледяную маску, и моей выдержкой наставник тоже был доволен.

– За кого я просватана, мама? – тихо спросила я.

– До исполнения обязательств дело никогда не дойдет. Потому забудьте об этой ерунде, ваше высочество.

– То есть, мой жених тоже думает, что родился мальчик, и договор недействителен?

Она кивнула, вскинула ресницы на Рагара и ядовито улыбнулась:

– Вы же это знали, вейриэн. Говорить о Рамасхе просто смешно. Мою седьмую дочь потребовал Темный владыка в жены одному из своих князей, и договор заключен. Если темные узнают, что их обманули, они найдут Лэйрин всюду, кроме Белогорья. Ее спасение только в мужском облике. Даже если бы не было необходимости забрать огненный дар у Роберта, ей пришлось бы играть эту роль.

В первый миг мне показалось сказанное шуткой. Темная страна! Самый что ни на есть кошмар нашего мира. Не было в истории случая, чтобы монарх отказался отдать даже единственную дочь, если владыка темных потребует ее в качестве откупа.

– Рагар, это правда? – воззрилась я на наставника. Уж он-то не станет лгать мне в глаза, никогда не лгал. Умалчивал о правде, но не лгал, как матушка.

– К сожалению, правда, ваше высочество.

Воин, облокотившись о колени, свел скрещенные ладони у мраморного лица, опустив на них подбородок. Черные волосы свесились на полуприкрытые глаза. Обычно он в такой позе обдумывал сложную шахматную партию на все ходы вперед.

– Напишите ответ принцу Игиниру, миледи, – сказал он, наконец. – Я, пожалуй, вручу его лично, иначе северный сполох сам придет сюда. А здесь он пока нежелательное лицо,

вы согласны?

Матушка провела ладонью над столешницей, и на мраморной поверхности забрезжили контуры листа бумаги с гербами равнинного королевства. Вытащив из вазы цветок хризантемы, Хелина тряхнула им в воздухе, превратив кончик стебля в перо. Писала она очень быстро, размашисто, твердым мужским почерком.

– Развеется в полночь, – предупредила она, вручив Рагару незапечатанное послание. – Успеете?

Вейриэн бросил взгляд на окно, за которым стремительно, как всегда в горах, сгущалась ночь.

– Вполне. Если вы позволите совет, миледи...

– Не позволю, – процедила Хелина. – Мне не нужны ваши советы. Это мой дом, мой долг, мой ребенок. Если бы я не ошиблась столько лет назад в выборе наставника, вы бы не посмели...

Рагар чуть усмехнулся:

– Посмел бы в любом случае. Даже не надейтесь, Хелина фьерр Грахар, переиграть меня.

Приоткрывшиеся внезапно истинные отношения между Хелиной и Рагаром добили меня, и без того испытавшей много душевных потрясений в этот день.

Когда вошла наша новенькая служанка из дальегов, взятая Хелиной в помощь по хозяйству вместо уехавшей Лилианы, и протянула мне поднос с бокалом, я забыла об обещании ничего не пить в этом доме, кроме воды, и взяла бокал

с густой ароматной жидкостью, похожей на вино. Но успела сделать только глоток. Порыв ледяного ветра выбил поднос из рук служанки так ловко, что его край разбил стекло в моей руке, и жидкость пролилась.

От неожиданности я не сразу заметила, что осколки рассекли ладонь, закапала кровь. И не до того было. Рагар держал клинок у горла побледневшей королевы, а глаза его ... о, великие боги! Глаза из угольных стали белыми и светились безумно яркими звездами!

– Рагар! – пискнула я. Горло перехватил спазм, и не только от ужасного зрелища – тот единственный глоток зелья, который я успела сделать, расползался по внутренностям, словно клубок змей, такое было ощущение. – Мама!

– Идите к воротам, ученица, там встретят вас Сиарей и Эльдер, – скомандовал вейриэн. – Вас уже нельзя оставлять в этом доме.

– Почему? Вы... Мама!

– Идите, Лэйрин, – через силу улыбнулась королева, хотя ее губы дрожали то ли от страха, то ли от сдерживаемого смеха. – Он ничего мне не сделает. Иначе, когда придет время, некому будет раскрыть ваш дар, запертый моей волей. Ты все неправильно понял, Рагар. Это было всего лишь укрепляющее средство.

– Я всё понял правильно, миледи. Я догадался, кого и как вам понадобилось укрепить. Но я не дам вам убить светлую леди в этом ребенке. Это было последнее предупреждение,

Хелина фьерр Грахар.

Она чуть качнула головой, презрительно изогнув губы, и Рагар вовремя отвел клинок, но все-таки маленькая царапинка появилась на шее Хелины и набухла кровью.

– Напрасно ты не веришь мне, вейриэн. Я никогда не причиню зла моей Лэйрин.

Поняв, что никуда я не уйду, Рагар подхватил меня, вынес самолично и усадил на Эльдера.

Дальше я помню смутно. Мы куда-то летели, потом я обнаружила, что мы сидим в какой-то пещере со светящимися сталактитами, в лицо мне плещет ледяная вода, Сиарей растирает мои руки снегом, а Эльдер уговаривает выпить каплю «корня солнца». Я глотнула, и сразу стало легче – клубок змей внутри сжался и затаился, позволив мне дышать.

И тут в устье пещеры появился северный принц.

– Я получил последнее доказательство, Рамасха, – сказал ему Рагар. – Ты оказался прав, что удивительно. Хелина заторопилась и потеряла осторожность.

– Значит, и высший мастер вейриэн не всезнающ, – довольно улыбнулся принц. – Наконец-то я хоть в чем-то утер тебе нос, Рагар, да еще на твоей территории! А ты говорил, что мне показалось в долине Лета...

– Все-таки она великая волшебница, – вздохнул наставник. – Такое скрыть! Вот ее ответ, чуть не забыл.

Он протянул ему письмо Хелины, но северянин не успел

развернуть. Вырвавшись от двух заботливых ласхов, я полетела к наглецу, даже наставник не успел остановить. Выпала:

– Вы... вы подлый шантажист, принц!

Глаза Рамасхи погрузнели.

– Это не я, прекрасная леди. Это он – подлый шантажист, – северянин показал на Рагара. – Я писал королеве под его диктовку. Но мое предложение руки и сердца было искренним, ваше высочество, – спохватился он и опустился на колено. – Я буду ждать вашего решения без всяких условий.

Я растерялась. Потом разозлилась на всех, поняв, что опять стала пешкой в чужой игре, и... боги, как отвратительно быть принцессой!

– Я вам сразу скажу. Нет, принц Игинир, – отвернувшись, я отправилась к Эльдеру выпрашивать еще глоточек «корня солнца».

– Оставь эти глупости, Рамасха, – вмешался Рагар. – У короля еще есть дочери, их сыновьям тоже может перепасть дар огненной крови. Империи ведь это нужно, не так ли? И без разницы, через кого.

Северный сполох вспыхнул, а мои уши плотно заткнуло чем-то ватным. Отпустило только через четверть часа, когда от Игинира уже не сыпались искры, и он перестал размахивать руками и хвататься за меч перед скучающим вейриэном.

– Моя ученица уже просватана за темного, – выдвинул наставник последний аргумент. – Надо сначала с этим разо-

браться. А всех темных князей не устранить, как бы мне этого не хотелось.

– Тут я твой союзник, вне зависимости от решения принцессы и ее отношения ко мне, – успокоился северянин, устав бесполезно сверкать глазами, и уселся на обломок сталагмита, как на трон. Похоже, он совсем не обескуражен отказом. – Займемся этим сразу после того, как я отвезу императору его невесту.

Под тихий и, вопреки ожиданиям, вполне дружеский разговор северянина и вейриэна я уснула, устроившись под удивительно теплым и уютным крылом Эльдера.

Мне даже приснилось, что северный сполох назвал Рагара братом и просил простить отца, этот бред смело видение огромного чудовища, тянувшего ко мне когтистые лапы, из его клыкастой пасти вырывались клубы черного смрадного дыма вместе с шипением: «От меня не спрячешься, моя невеста! Моя!», а потом все поглотил привычный огненный ад.

– Я должна ехать в столицу немедленно, – сказала я утром, едва продрав глаза и не заметив в приютившей нас пещере чужих северных ушей. Чувствовала я себя прескверно, но не из-за ночлега на голых холодных камнях – к таким неудобствам меня давно приучили. Причиной был вчерашний глоток дряни, расплзшейся за ночь по всему телу тонкими нитями. А если бы я выпила все? Вспомнив, спросила: – Рагар, а почему вы угрожали...

Вейриэн понял с полуслова:

– То, что попыталась сделать с вами королева с помощью зелья – запрещенное волшебство, Лэйрин. Вы же не хотите стать мужчиной на самом деле?

– Нет, конечно, нет! – ужаснулась я. – А зачем северянам огненный дар? Они же растают!

– В их землях не только ласхи живут, но и люди, – улыбнулся воин. – Прежде в Империи, особенно на южных ее территориях, было не так холодно, и люди успевали вырастить урожай. Но после того, как Темная страна отхватила кусок на западном побережье, изменился климат, и с каждым годом становится холоднее. Ласхам для житья хватит льдов океана, а люди хотят согреть свою землю с помощью огненного дара, и Роберт дипломатично не лишает их надежды. Иначе северяне, спасаясь от холода, обойдут Белогорье и хлынут в равнины. Но рыжий король и не обещает ничего, отговариваясь, что, пока не увидит внуков, решения не примет.

– То есть, это запасной вариант для Белогорья?

– Разумеется, мы не можем положиться только на план Хелины с подменой наследника. Но это не отменяет вашего пути, Лэйрин. Я буду сопровождать вас, это моя обязанность.

Наставник предложил подождать Рамасху и ехать вместе, раз уж нам по пути, но я даже слышать не хотела о задержке. Ни дня больше. Ни минуты.

Меня лихорадило, рвало на части, и не глоток чудовищно-

го зелья горной ведьмы был тому виной. Меня тащила вперед иная сумасшедшая сила. Я еще не знала тогда, что так звучит голос Рока. Или волчий вой особо крупных неприятностей. Иными словами, когда ломается жизнь.

Глава 8

Основное преимущество путешествия с ласхами – скорость. Не успеешь замерзнуть, как под крыльями пролетела четверть пути.

Дорога до столицы заняла у нас всего четверо суток, и то лишь потому, что я все-таки не ласх и не вейриэн, а почти человек, и мне требовались горячая еда, туалет, омовение и поспать не в сугробе, а в теплой постели. Меня сопровождали, согласно договору, те же пятеро вейриэнов и Рагар, а негласно – еще Сиарей и его отряд, истинной численности которого мне не докладывали.

Мы трижды останавливались на ночлег в крупных городах, но, прежде чем въехать в городские ворота и найти постоялый двор, опускались где-нибудь в глухом лесу. Обычных коней, понятное дело, мы с собой взять не могли, но и пешком до городских стен идти не пришлось. Многоликие северные существа выручали, превращаясь в дивных скакунов, причем, уже с серебряной сбруей, с расшитыми попонами и с удобными седлами. Их командир не забывал ни одной детали, даже подковы на копытах имелись.

После этого превращения в отряде оказывалось семеро всадников на таких роскошных белоснежных конях с искристыми гривами и загадочными глазами, что посмотреть на них сбегалось все городское население, способное двигаться.

Оно было на удивление немногочисленным, это население. Облик горожан и внешний вид их жилищ повергали в ужас: даже пять лет назад они выглядели лучше. Сейчас же почти половина зданий зияла пустыми окнами, многие двери были забиты крест-накрест досками или совсем отсутствовали. Дома напоминали скелеты.

И от самих жителей остались кожа и кости, словно они пережили многодневную изнурительную осаду. Нищих стало еще больше. В подстывшей от заморозков дорожной грязи лежали кошачьи, а то и человеческие трупы, и никто их не убирал, не боясь какого-нибудь мора.

А ведь сейчас – не весна, когда голод особенно лют. Сбор урожая только минул, и народ должен быть сыт. Что же будет зимой? Как Роберт Сильный мог допустить такой упадок?

Что-то плохое происходило в равнинном королевстве, как будто дыхание Темной страны прошло по его земле.

Но, удивительное дело, никаких бунтовских настроений не ощущалось. В трактирах по-прежнему весело пьянствовали, а проклинали только королевских фаворитов и колдуна-наследника, заставившего страдать короля и иссушившего его сердце, и продолжали славить любимого государя. Лютнисты с фанатичным блеском в глазах распевали баллады о его подвигах и деяниях во благо страны.

Во благо!

Впрочем, за столами мы не сидели, поднимаясь сразу в комнаты, где и получали ужин, и звуки пиршеств доносились

до меня уже сквозь сон. Зато Рагар, казалось, совсем не спал, как и ласхи, и наутро они обменивались впечатлениями.

– Как может сохраниться такая всенародная любовь к чудовищу, разорившему землю? – недоумевал Сиарей.

– Это его «огненная кровь», друг мой, – мрачно цедил наставник. – Власть над огнем, а любовь – сродни огню. Люди будут целовать королю руки, даже если он лично начнет пытаться каждого.

Когда оставался последний переход, я отказалась от ночлега: в груди уже жгло невыносимо, я рвалась вперед.

За избавлением, как мне тогда казалось.

Мы летели всю ночь на крыльях снежных драконов, к утру на горизонте показались башни и шпили столицы, но при въезде в Найреос пришлось задержаться: надо было сменить наших восхитительных ласхов на нормальных коней во избежание обвинений в колдовстве. Рагар отправился за лошадьми к таинственным столичным друзьям, оставив нас ждать в гостинице, и пришел лишь под вечер, когда моя взвинченность дошла до пика и я, устав мерить шагами крохотную комнатку, уже собралась идти во дворец пешком и без охраны.

Возвращения наследного принца не ждали, разумеется, но нас никто не посмел остановить, когда на закате я и шестеро вейриэнов въехали в ворота и, отдав поводья наших вороных конюхам, вошли во дворец.

Слуги узнали нас сразу. Не меня, так Рагара и белых дьяволов. Бедный дворецкий едва заикой не стал, схватился одной рукой за сердце, а второй почему-то за бородавку на щеке, как за величайшую драгоценность.

– В-ваше в-высочество? Слава богу, вы вернулись! Слава богу!

И такая неподдельная радость была на лице старика, что я растерялась, и стало еще тревожнее. Что должно было произойти в мире, чтобы мне оказали такую честь? Меня же здесь все ненавидели и презирали, как я помню.

Король, как оказалось, был на охоте, и вся придворная свора с ним.

Дворец пустовал.

Слуги, воспользовавшись передышкой, уже спали. Стража засуетилась при нашем появлении, камердинер побежал готовить комнаты, но Рагар сказал, что вейриэны сами все приготовят, и мы сразу отправились в «детское» крыло, где находились покои принцесс и мои. Роберт Сильный писал, что отведенные мне помещения всегда ждут его наследника, вот и проверим.

Дойти с первого раза не получилось.

Мы поднялись по лестницам на второй этаж, когда сверху послышался приглушенный женский крик. Кричавшую мы увидели, взлетев на пролет выше: девушку в разодранной до пояса кружевной сорочке поймал бородастый полуголый мужчина и тащил вверх, пытаясь зажать ей рот, а стражни-

ки, стоявшие на этаже, отвернулись и делали вид, что их тут нет. Девушка хрипела и вырывалась. Длинные белокурые локоны, синие, как у моей матери, полные ужаса глаза...

Заметив нас, мужчина выпустил жертву – она упала и покатилась по ступенькам, а негодяй, оглянувшись, рванул наверх, но тут же опрокинулся. Крикнуть он не успел: кинжалы я умела бросать, и лезвие до упора вошло в глазницу. Скорость, меткость и ловкость, да, матушка? Еще ум, но где ж его взять при такой-то наследственности...

Вейриэны уже поднимали упавшую принцессу. Из ее рассеченной брови капала кровь.

– Там Виола, – из последних сил прошептала она, теряя сознание. – Они... Помогите!

Планировка дворца была изучена мной по чертежам, добытым наставником еще в предыдущий визит, и я хорошо ее помнила. Сестры с фрейлинами занимали два верхних этажа, но раньше я туда не совалась, даже общей лестницей предпочитала не пользоваться, и это счастье, что на этот раз мы поднимались именно по ней.

Виола и Виолетта жили на третьем, но Рагар почему-то помчался на четвертый, к принцессам А.. Нас попытались остановить те стражники. Это было последним зрелищем в их жизни – «снежные дьяволы», сносившие все на своем пути.

Но перед дверями в покои принцессы Агнесс наставник, устранив еще двоих бросившихся на нас мечников, остано-

вился.

– Я не имею права без приказа, – зло выдохнул он.

– Ломайте!

Рагар одним ураганным порывом вышиб двери и разметал находившихся за ними людей. Фрейлин, судя по кружевному тряпью. Никто не успел пикнуть.

Мы пробежали анфиладу залов, положив еще три трупа охранников, и ворвались в будуар с багровыми задрапированными стенами. Я на миг замерла – настолько ужасающая картина предстала в тусклом свете свечей. Сила, тащившая меня в эти дни, мгновенно ушла, разодрав напоследок душу: мы опоздали, безнадежно опоздали.

Они были так увлечены, что не заметили ворвавшихся, не почувствовали ледяного ветра, разогнавшего клубы тяжело-го дурманного дыма, поднимавшиеся от курительных палочек. Две полуголые блондинки целовались, стоя на коленях и одновременно удерживая за руки и волосы третью белокурую девушку, лежавшую на ковре под голым, ритмично двигавшимся мужчиной. Пока до моего сознания доходило, что тут происходит, Рагар сместился в сторону, метнул полупрозрачный и тонкий как шило сельт, вонзившийся под левую лопатку насильника, и сразу ставший невидимым. Вытянутые руки мужчины подломились, и он придавил лежавшую всем весом.

– Наконец-то! – хохотнула одна из старших принцесс, отпуская жертву. – Наша сестричка хотела носить император-

скую корону...

– А будет носить ублюдка. Ах, Агнесс, это так возбуждает... – вторая тоже разжала руки, и сестры продолжили богопротивный поцелуй.

Они даже не заметили, как вейриэны стащили насильника с тела Виолы, лежавшей без сознания в окровавленных лохмотьях разодранной одежды. Опомнились и завизжали лишь тогда, когда Рагар, отшвырнув их, поднял на руки истерзанную младшую принцессу.

Мне надо было вспомнить слова короля: «Гадюк надо давать», и убить их еще в тот вечер. Но я не смогла поднять руку на сестер.

Король со свитой примчался на следующий день и не пожелал видеть наследника.

Явившийся к нам от его имени мой бывший паж Шаэт передал, что Роберт запретил мне покидать покои.

Я едва узнала Шаэта, и то лишь по раскосым травянистым глазам, на самом дне которых таилась ненависть. Удивительно. Когда я научилась замечать такие вещи? Степной дворянин и пять лет назад не блистал красотой, а за эти годы почти облысел и растолстел так, что едва протиснулся в дверь. Золота и драгоценностей на нем уместилось невероятное количество. Несколько толстых цепей с бриллиантовыми звездами висели на груди, на каждом пальце не по одному кольцу с алмазами, бесчисленные браслеты и по три серьги в ушах.

Кланяться Шаэт не способен был в принципе, но даже попытки не сделал.

Он и сообщил, что Адель и Агнесс отправили гонца к королю с ужасающим известием: наследный принц Лэйрин ворвался во дворец и обесчестил невесту императора, свою собственную сестру.

Им поверили все.

Следы погрома и трупы не убирали, чтобы продемонстрировать королю. Тела обоих любовников старших принцесс оказались одетыми и при оружии: убитые героически пытались остановить меня. Нашлось и множество свидетелей – все спавшие тогда слуги, вся уцелевшая стража, даже старик-дворецкий. Фрейлин пострадавших принцесс сестры А. уже запугали или подкупили – показания девушек не отличались ни одной деталью. Поразительно, как столько свидетелей поместилось в маленький будуар.

Младшие принцессы не приходили в сознание.

Над ними хлопотали придворные лекари, удостоверившие, что Виолетта не пострадала в известном смысле, из чего Роберт сделал вывод, что наследник явился, чтобы сорвать брачный договор и спровоцировать войну с северной империей. Зачем только, непонятно.

– Вы должны находиться под домашним арестом до окончания расследования, мой принц, – бегающие глазки Шаэта остановились на ледяном сельте в руках вейриэна, и толстяк побледнел.

– Баронет, я не собираюсь бежать, – пожалала я плечами. Хотя это было легко: достаточно открыть окно и призвать Эльдера.

– Ваше высочество, вы не изволили заметить, но я граф, а не баронет! – надменно вскинул голову мой бывший паж, дотронувшись до вещественного доказательства, висевшего на его шее – усыпанного бриллиантами герба на цепи. – И еще... по приказу короля я обязан находиться здесь, при вас.

– Да сколько угодно, – позволил себе реплику Рагар, как глава моей охраны. – Но только в качестве трупа.

Шаэт с удивительнейшим для толстяка проворством вылетел за дверь.

Большую часть его рассказа мы уже знали. Сиарей, невидимо витавший в покоях младших принцесс, несмотря на обилие стоявших там жаровен, с тревогой докладывал нам, что обеих девушек опаивают снотворным, но уже дважды в чашках оказывался яд, и наш незаменимый ласх его нейтрализовал.

– Рагар, а давай их похитим, – предложила я.

– Лучше подменить.

Сиарей призвал двух своих ласхов, и они отрепетировали перед нашими глазами предстоящую подмену, пока Рагар полностью не одобрил. Все-таки многоликие – удивительные существа. Если уж они умудрились изобразить из себя теплокровных коней со сбруей, то притвориться холодными девичьими трупами им не составило никакого труда. А незна-

чительные отличия во внешности можно было списать на трупное окоченение.

Через час после захода солнца мы открыли окна, впустив два снежных вихря с прекрасной, но пока бесчувственной ношей. Я предложила спрятать сестер в купальне, распотрошив мою роскошную постель: кучу подушек, одеял и оба матраца. Всегда можно сказать, что принц привык спать в горной пещере на голых камнях.

Рагар выгнал меня из купальни, и в неплотно прикрытую дверь просочился жемчужный свет. Но, когда сполохи погасли, и я осторожно сунулась с проверкой, сестер в помещении уже не было.

Наставник на мое недоумение покачал головой:

– Я отправил их в более надежное место. Роберт не дурак, с его даром легко отличить фальшивый труп с тлеющей искрой жизни от настоящего, и в первую очередь он прикажет обыскать ваши покои.

Так и случилось.

С известием о пропаже принцесс и обыском король отправил к нам барона Анира фьерр Гирта по прозвищу Светлячок.

За эти годы светловолосый рыцарь возмужал, но потерял прежний лоск и выглядел весьма подавленным. Вошел он с десятком стражников и на удивление вежливо попросил показать ему купальню, куда и был препровожден вейриэнами под мое ехидное замечание:

– Соскучился по моей ванне, Светлячок? Я еще помню, как ты в ней отмокал. Как думаешь, за пять лет та зараза выветрилась?

Барон покраснел, но огрызаться не стал. Добросовестно проверил все комнаты, заглянул даже под кровать. Уже направившись к выходу, остановился и вдруг поклонился куда ниже, чем в начале визита:

– Хорошо, что вы вернулись, ваше высочество. Может быть, еще не поздно... И... я не верю клевете на вас, мой принц.

Это было потрясением.

– Что здесь происходит, барон?

– Король болен, – совсем тихо сказал Анир, поправив упавшие на лицо светлые пряди. – Мы все... я, мои друзья... его любим, но он... это все с Шаэта началось, потом появился мерзавец Дирх, и стало совсем плохо. Король совсем обезумел. Вы, может, и не поверите, но мы все молились, чтобы вы поскорее вернулись, ваше высочество. И наши молитвы были услышаны, – барон широко улыбнулся. – Да еще как услышаны! Вы его убили, этого паскуду Дирха, в первый же вечер!

– Это тот черноволосый молодой парень? – уточнил Рагар.

– Да, его труп нашли в спальне Агнесс, – подтвердил Анир. – Он с ними давно грязные делишки проворачивает, полкоролевства уже прибрали вместе с Шаэтом. Пять дней назад Дирх будто бы заболел, а лекарь сказал – только сердце

черного веоря поднимет его на ноги, вот Роберт и отправился на охоту. А паскуда вон что затеял вместе с ведьмами. Это ведь он? Наши ребята все на него думают.

Я кивнула.

– Только мои сестры – не ведьмы. Не кощунствуй против дара, которого у них нет.

– Натуральные ведьмы, ваше высочество! – возразил Светлячок. – Черные мессы в часовне служат, Азархарту поклоняются. Но Бог воздаст им, как и Дирху. Жаль, что от негодя даже трупа не осталось – исчез. Королю и оплакать некого, и люует он жутко, вас проклиняет. Говорит, отречется от вас, наследства лишит и короны.

Труп исчез? Покосившись на Рагара, я встретила совершенно невинный взгляд. Ну и наставник у меня! Пожала плечами:

– Что ж, Анир, жил я без короны принца и еще поживу.

Он вздохнул:

– Сутки еще, может, и поживете. Казнить он вас хочет, мой принц. Его Шаэт науськивает, мерзавец. Силен он стал, сын степного шамана, и сам шаман, тоже дьявольщиной занимается... Ваше высочество, бежать вам надо. Мы вам поможем, спрячем. А Роберт перебесится и одумается. Клянусь всеми святыми, мы преданы вам, как самому королю, и наша помощь – от сердца, – Светлячок опустил на колено, прижав кулак к груди, и десяток стражников следом за ним.

Мир перевернулся, если фавориты Роберта приносят мне

клятву верности. Я положила ладонь на его плечо, искренне поблагодарив:

– Спасибо, Анир. Но не затем я вернулся, чтобы спастись бегством от первой же угрозы. Ты знаешь, что я не виновен, узнает и король.

– Дирха он вам не простит, – вздохнул он, уходя.

Рагар на мои подозрения о причастности вейриэнов к исчезновению трупа королевского фаворита сердито сощурился, снова вытащив из ножен полупрозрачный сельт, играючи крутанул, зажав лезвие между пальцев:

– Я надеялся, Лэйрин, что вы сами вспомните об особенностях этого оружия белых воинов. Сельт парализует жертву, но не убивает. И вы могли бы вспомнить о том, что ваши телохранители не имеют права устранять тех, кто не угрожает вашей жизни и чести. А Дирх в тот момент не угрожал.

Ну да, мерзавцу было некогда. Значит, Рагар спрятал и этого свидетеля. Неплохо. Но до какого логического конца наставник решил довести спектакль с моим обвинением? Когда меня казнят, будет поздно предъявлять свидетелей защиты.

Причина, по которой Рагар не торопился, выяснилась на второй день.

Я сидела на широком каменном подоконнике, подтянув колени и обняв их руками, и глазела в окно: заточение уютно даже в золотой клетке. Правда, ночью Эльдер стас-

кал меня за городской вал на неизменную тренировку с мастером Рагаром, потому я дико не выспалась и отчаянно зевала. Зевок застрял в глотке: в ворота въезжала дивная кавалькада на тонконогих белоснежных конях с искрящимися гривами.

Волшебная красота скакунов, морозные узоры попон, диковинная серебряная упряжь и полупрозрачные, словно ледяные, седла не оставляли сомнений: пожаловал северный принц. Вот кому не надо стесняться великолепных снежных ласхов и бояться обвинений в колдовстве. А ведь, если бы не наша возня с заменой средств передвижения, мы бы успели спасти несчастную Виолу.

Сердце нехорошо заныло, когда среди всадников мелькнуло улыбающееся лицо Дигеро. Зачем он здесь, среди всей этой грязи, зачем?

Сиарей докладывал нам потом о встрече Игинира и Роберта. Гость был так потрясен случившимся и именем виновника, что едва на ногах устоял:

– Кто? Принц Лэйрин? Простите, не могу поверить. Он же... совсем мальчишка, совсем. Я имел честь видеть его в Белогорье. Примите мои соболезнования, ваше величество. Император поймет ваше горе, уверен. А могу я увидеть обвиняемого?

Принцу было отказано, но препятствий для северного сполоха не существовало. Не пустили в дверь – войдет в окно, что он и сделал поздним вечером, и был на диво мрачен.

Я же порадовалась, что он пришел один. Я боялась тогда смотреть тебе в глаза, Дигеро. Боялась, что ты поверил в очередную ложь обо мне.

Выслушав рассказ Рагара о том, как обстоят дела на самом деле, Рамасха вздохнул:

– Это какой-то злой рок.

– Тщательно продуманный рок, – заметил белый воин.

– Рад, что девушки живы. Вы спасли и мою голову: отец приказал без невесты не возвращаться. Мне надо поговорить с обеими. Как ни жаль Виолу, но император очень щепетилен в вопросах чести, и я не могу везти ее на верную смерть. Но я не понимаю, Рагар, почему ты медлишь с защитой Лэйрин? А если дело дойдет до казни?

– Видишь ли, тут слишком много странностей, Рамасха. Роберт бурно изображает гнев, но он до сих пор не встретился с долгожданным наследником, даже не допросил. Он не поднял шум, когда мы подменили принцесс и выкрали Дирха. Что бы это значило? Подозреваю, руки у короля связаны, и он хочет развязать их, не вызывая чьих-то подозрений раньше времени. А тут главное – внезапность. Сейчас мы с ним вынуждены играть на одной стороне, но вслепую. И если я раскрою карты преждевременно, мы можем проиграть.

Принц Игинир лишь покачал головой, и по его волосам метнулось северное сияние, озарив комнату. Мы сидели, как всегда, при звездах и луне, свечи погашены, жаровни вынесены, и лишний источник света пришелся кстати.

– Мне надо было пристальнее следить за равнинным королевством, – с досадой сказал Рагар. – Причина случившегося не в ревности старших принцесс, на ней просто сыграли. Смотри, что получается. Хелина рождает шестерых девочек. Адель и Агнесс бездетны, это уже ясно с их образом жизни. Средних сестер удалили, лишив возможности замужества. Теперь под удар попали младшие.

– Кто-то пытается поссорить короля и императора?

– Это мелочи. Неизбежная пена на волне. А сама волна...

– Рагар вытащил из кармана мою белую королеву, украденную пять лет назад из этой же комнаты, задумался, подержав на ладони, и убрал обратно. – Кому-то очень нужно, чтобы «огненная кровь» умерла вместе с королем. Ты видел Роберта. Тебе не показалось, что он не доживет до рождения внуков? Уже два года он и речи не вел о приезде сына, но усиливал охранные чары: через сновидения, через любой контакт с огнем. И посмотри, какой силы эти чары. Никакой холод не берет.

Оба посмотрели.

Я слушала их, устроившись на диванчике у стены и стараясь, чтобы о моем существовании и не вспомнили: вдруг какие тайны ненароком приоткроются. Морда любопытного Эльдера тихонько пристроилась рядом, и тоже не отсвечивала. Под пристальными взглядами мы попытались спрятаться друг за друга, но диванчик, оказывается, так заледенел, что хрустнул от нашей возни, а со стены посыпался серебристый

иней. Еще бы: окна нараспашку, ласхи сквозняками гуляют, сугробы в каждом углу моргают драконьими глазами...

– Восхитительные чары. Мне бы такую пылкую жену! – Рамасха мечтательно закатил глаза, плеснувшие радужным смехом.

– Не до сказок пока, мечтатель, – осадил его Рагар. – Вернемся к нашей проблеме. Приезд наследника может спровоцировать убийц, они попытаются устранить либо принца, либо, что вероятнее, короля, как только он проявит интерес к сыну. Они сделают всё, чтобы не допустить передачи дара. Будет неплохо, если ты возьмешь на себя ненавязчивую охрану Роберта: наших сил здесь слишком мало.

– Сделаю, – снова прокатилось сияние по длинным волосам склонившего голову принца. А в ночном небе за окном мелькнул подозрительный отсвет, словно там висело невидимое зеркало. Через пару мгновений блик повторился. Рамасха, покосившись на окно, улыбнулся: – Уже приступили. Но, если охота идет на носителя «огненной крови», то непонятно, почему равнинный король до сих пор жив?

– Во-первых, прежде, чем убить, его нужно погасить до последней искры, иначе бесполезно – восстанет даже из пепла. Роберт был очень силен. Во-вторых, вокруг его дара схлестнулись интересы нескольких враждебных друг другу сил. Кое-кто хочет, чтобы наследником волшебной крови стал только принц Лэйрин.

– Только? Я тебя правильно понял, Рагар? – вскинул бровь

Рамасха.

– Не знаю, что ты понял, но это не Белогорье. Нам нужна защита от подземного пламени, это понятно. Для гор, чем больше носителей «огненной крови», тем безопасней. Я имел в виду Темную страну.

На лице северянина отразилось полнейшее недоумение:

– Но разве не в интересах Азархарта уничтожить носителя опасного дара и лишит Белогорье надежды?

А мой учитель опять оказался самым умным:

– На первый взгляд – да. Но если копнуть, то им куда интереснее получить власть над огнем. За полтора столетия он не предпринял ни одной попытки уничтожить династию огненных королей равнин. Не странно ли? Зато у темных есть договор на седьмую дочь Хелины. Они, конечно, причастны к плачевной судьбе шестерых девочек, но ждут седьмую, и пока заинтересованы в жизни монарха. Полагаю, именно с целью охраны они и приставили к нему темного вейриэна Дирха два года назад.

– Понял. Если не темные с их извечной мечтой уничтожить Белые горы, то на черно-белой доске появилась третья сила, Рагар? Сила, играющая на противостоянии всех магических сил мира?

– Возможно. Только я поздно начал это осознавать. Мне бы задуматься, когда я вернулся в Белогорье после... – Рагар споткнулся, бросив на меня быстрый взгляд и проглотил фразу. – Но я тоже думал, что это интрига владыки темных.

И сейчас у меня даже предположений нет – кто, если не он.

– У тебя? Позволь не поверить.

– Позволяю. Мне нужно понять силу, стоящую за Шаэтом.

Пять лет назад я его недооценил. Возможно, он служит степным или даже пустынным шаунам – они мечтают вернуть отвоеванные у них Робертом и его отцом территории. Но и для них я не вижу особого смысла в охоте за «огненной кровью».

И тем более – в полном уничтожении дара.

Глава 9

Я проснулась утром на своем ложе, облаченная в ночную сорочку, но так и не вспомнила, когда ушла в спальню, и как сумела переодеться и заползти под одеяло. Последнее, что помнилось – подсунутое под щеку мягкое и прохладное крыло Эльдера и драконье шипение, когда я задремала, провалившись в огненный ад.

После скромного завтрака, проверенного Рагаром на наличие ядов (обнаружился в подливке рябчика, пришлось довольствоваться сыром и хлебом), Роберт прислал за мной полсотни стражников, а я опять зверски не выспалась и зевала в кулак, демонстрируя свите полнейший цинизм закоренного насильника и убийцы (такие осуждающие взгляды на меня бросали суровые солдаты).

Оружие мне взять не разрешили, но обыскивать не рискнули, вейриэнов тоже вежливо попросили обезоружиться самим. Рагар проигнорировал просьбу, и незнакомый сержант не осмелился настаивать.

Такой нестройной толпой – окружившая меня шестерка телохранителей внутри плотного кольца стражи с обнаженными мечами – мы прошествовали в тронный зал.

Это угрюмое продолговатое помещение мне никогда не нравилось. Толстенные колонны крали пространство, в узкие окна-бойницы проникало мало света и воздуха, и от че-

ловеческого пота и чада факелов здесь всегда было душно.

Между колоннами уже толпились придворные с очень неприязненными лицами. На галерее, опоясавшей зал по периметру, рассредоточились с полсотни лучников. Под их прицелом нас подвели к трехъярусному возвышению с пустовавшим тронем, еще одним поменьше для отсутствовавшей королевы и креслом для наследника по правую руку от трона.

Адель и Агнесс в окружении фрейлин уже ждали на возвышении слева от трона. Обе – дьявольски красивые, в алых платьях, усыпанных драгоценностями, словно принцессы собрались на бал, с уложенными в высокие прически белокурыми локонами, с кроваво-красными, искусно подчеркнутыми губами, скривившимися в злой ухмылке при виде унижения опального кронпринца.

Рамасха тоже пожелал присутствовать, как лицо заинтересованное и требующее справедливого возмездия, и ему не посмели отказать. На Дигеро, стоявшего в свите северянина, я старалась не смотреть, но заметила и сурово сжатые губы, и неровный румянец на его щеках, какой всегда появлялся, когда горец давил в себе гнев.

Король появился в сопровождении первых лиц государства.

Он шел медленно, опустив обильно поседевшую голову и старчески сутулился. Ни следа от былой стати и мощи. Кажется, он действительно смертельно болен. Но мне ли его

жалеть после того, как я видела, что стало с королевой, изгнанной его волей? Я не испытывала злорадства, но и жалости тоже. И почему-то вспомнила, как стояла у его шатра, сжав кулаки и шептала: «Никто не смеет безнаказанно обижать мою матушку».

На полшага позади гордо несли себя Шаэт и не менее толстый кардинал. Узнала я и смуглого горбоносого судью в мантии и в парике с буклями, и казначея – костлявого, несмотря на должность, желтолицего, с юркими глазками и неприятной слащавой улыбкой.

Роберт сел на трон, по-прежнему не поднимая на меня глаз, опер локти о подлокотники и опустил лоб в скрещенные пальцы, не заметив поклонов. Шаэт занял место первого советника за спинкой трона.

– Огласи приговор, судья Даинер, – глухо сказал король.

Судья откашлялся, развернул свиток.

Смысл его речи, сопровождавшейся беглым взглядом в свиток, сводился к тому, что королевское расследование подтвердило вину кронпринца Лэйрина во вменяемом ему преступлении против младшей принцессы Виолы (следовало бесконечное перечисление имен свидетелей обвинения). Кроме того, оное преступление является изменой короне, за что полагается казнь через лишение головы. Но, так как пролить королевскую кровь невозможно, а статус преступника слишком высок для казни через повешенье, принц Лэйрин приговаривается к сожжению, и приговор следует привести

в исполнение незамедлительно.

Рагар превратился в ледяную статую, но я заметила движение его пальцев, означавшее «вот и отлично (слава богам, лучше не бывает)». Я не разделяла его оптимизма: одно дело – угольки в руке подержать, а другое – костер. Выдержит ли защита, данная мне королем? И... если он дал мне ее, то ведь может и забрать в любой момент.

Принц Севера изобразил удовлетворение справедливым судом, а вот Дигеро побледнел, и его ладонь легла на пустую перевязь – гостям не положено являться к королю с оружием, но сам жест многое мне сказал. Я вздохнула с облегчением: мой друг не поверил в клевету.

Этот вздох был уловлен наблюдателями, интерпретирован по-своему, и едва не стал последним.

Третий советник, герцог Виннибор внезапно вмешался в судебный процесс, что стало потрясением для всего двора: этот блеклый сероволосый мужчина лет сорока считался безмолвной королевской тенью. Говорили, что, будучи еще оруженосцем, он был совращен совсем юным Робертом и стал его первым любовником, что удивительно при такой невыразительной внешности Виннибора. Советник занимал свою должность не по способностям, кои по общему мнению отсутствовали напрочь, а из королевской милости к преданному бывшему оруженосцу, во всем соглашавшимся с монархом и ни разу не подававшим голоса на совещаниях. Если с кем-то он и вел беседы, то исключительно междометиями.

Теперь вдруг обнаружилось, что герцог умеет говорить и обладает приятным тенором:

– Прошу твоего милостивого позволения, мой государь, слово сказать...

Король кивнул, спрятав изумление за ладонью.

– Разве принц – богомерзкий колдун, чтобы быть подвергнутым такому отвратительному виду казни, как сожжение, которое применяется токмо к дьявольским отродьям? – громко спросил Виннибор. – Все мы помним, как его святейшество кардинал Трамас испытывал наследника пять лет назад, и никакой колдовской силы в мальчике не обнаружил. Кто-то, может, и попеняет, что времени с тех пор прошло многовато, но я уверен, что душа его высочества не омрачена адской силой, так зачем нам самим бросать тень на корону? Ведь ты, мой милосердный король, не отказался от сына, и он будет казнен как твой, увы, преступный, к нашему горю, но – кронпринц. Не позор ли это? Не станет ли это поводом бесстыжим врагам для глумления? Нижайше прошу ваше королевское величество о снисхождении к его высочеству и коленопреклоненно умоляю заменить вид казни на менее постыдный.

Блистательная речь взбудоражила присутствовавших: как муха укусила королевскую тень, если она обрела вполне индивидуальное лицо и осмелилась восстать против хозяина?

– А не провести ли нам еще одно испытание на колдов-

скую силу? – оживился кардинал, не переносивший долгих стояний в виду чрезвычайной тучности тела.

Герцог Винибор стушевался, закивал с обычной своей тишайшей, на все согласной улыбкой:

– Да-да, конечно... во имя истины и Бога... но не лучше ли избежать... ради чести государевой... какая уж сейчас разница... лучше бы повесили.

Мнение придворных разделилось: сестрам А. очень хотелось посмотреть, как я буду корчиться на костре, остальные не определились, выжидая королевского слова. Но Роберт молчал, не поднимая головы, словно внезапно потерял сознание. Наконец, он пошевелился, вяло кивнул кардиналу:

– Испытай, не помешает.

Процедура, которой меня в детстве подвергли на каменном мосту, повторилась и опять сильно разочаровала кардинала. Даров у меня опять не обнаружилось.

Зато вновь вдохновился третий советник, герцог Виннибор:

– Раз доказано, что его высочество – не колдун, то костер не обязателен, и ваш покорный слуга снова взывает к милосердию, мой государь. Яд в чаше – куда более благородная смерть!

Все шло к тому, что смошенничать королю не удастся, и Рагар, наконец, выложил козырь.

– От имени и по праву Белых гор! – прокатился рокот его голоса, и в душном зале внезапно повеяло грозовой свежее-

стью. Все замолчали, недоуменно таращась на моего скромного телохранителя, ставшего неожиданно грозным. – Считаю приговор преждевременным, король равнин. Я не услышал здесь имени еще одного важного свидетеля. Не опрошен некий Дирх.

Скрещенные пальцы, заслонявшие лицо короля, дрогнули.

– Он мертв! – взвизгнул Шаэт.

– Есть способы допросить и мертвеца, – вмешался Рамасха. – От имени императора Севера я требую, чтобы этот свидетель был допрошен.

– Протестую! – колыхнулся кардинал. – Дьявольщина, колдовство!

– Труп исчез, – злорадное замечание Агнесс.

– Уже найден, – усмехнулся вейриэн.

– Несите! – приказал король, заткнув кардинала яростным взглядом.

Хладного свидетеля внесли.

Невозможно передать, что я пережила, когда рассмотрела «труп», поднявшийся после того, как Рагар вынул у него из-под лопатки ставший невидимым сельт.

Не скажу, что негодяй был похож на меня, как отражение в зеркале – его черты были более грубыми и мужественными, но несомненное сходство имелось. Последний фаворит короля Дирх обладал прямыми черными волосами, торчавшими ежиком – немислимая прическа для придворного, ко-

торой не стеснялась лишь я. На его бледном лице с широким лбом и узким подбородком вызывающе сверкали зеленые глаза, а губы, чуть тоньше моих, надменно кривились. И стремительные движения, когда он подошел к трону и встал на колени, и резкий, какой-то птичий, поворот головы – были моими.

Меня ударило это сходство по сердцу. Захотелось выпить яд немедленно, потому что ты, чистый мой Дигеро, смотрел на это и так же, как я, все понял о любовной страсти короля к наследнику. На это смотрел Рамасха – будущий император и серьезный политический соперник или союзник. И это видели и знали мои будущие подданные.

Невозможно было нанести упреждающий удар по моей будущей короне искуснее, чем нанесен этот. В памяти людей наши лица неизбежно сольются – наследника и любовника. Уже слились, если вспомнить гнилые слова белобрысого лорда Наэриля. А значит, и беды королевства, и проклятия будут приписаны мне.

Пока все замороженно пялились на ожившего, но еще ничего не понимающего Дирха, которого начал допрашивать судья, я с презрением глянула на Роберта и вздрогнула: король пристально смотрел на меня, и столько вины было в этом взгляде, и мольбы о прощении и еще что-то такое пронзительное, от чего в груди стало еще больше.

Дирх, осознав, наконец, что находится уже не в будуаре, а на королевском суде, во всем признался. Назвал и участни-

ков заговора: и обеих старших принцесс, и первого советника, ныне графа Шаэта, и еще пару имен. Его наглость была изумительна.

– Да, я потерял голову от любви, мой обожаемый государь... от любви ко всему, что исходит от тебя, – с усмешкой шурился Дирх. – И я же не отказываюсь жениться на твоей дочери, заметь. Если нужно, то ради тебя я пойду и на этот подвиг.

– Он лжет! Выгораживает принца! – прошипел Шаэт. – Какая вера может быть посмертным показаниям трупа, чья жизнь сосредоточена сейчас в руках вейриэна – в сельте, вынудом из его сердца? Он скажет то, что захочет «снежный дьявол»!

– Принца?! – совсем не похожий на труп зеленоглазый фаворит, вытянув шею, заозирался по сторонам, увидел Рагара.

А потом узрел меня.

Наши взгляды встретились, и он вдруг покачнулся, как от удара, и переменялся в лице. Разительно. Его сходство со мной мгновенно уменьшилось, словно подул ветер, стирая рисунок на песке.

Забыв и о короле, и о допросе, и о глазевших придворных, Дирх рухнул на колени и пополз в мою сторону, и в его голосе звучал отчаянный, неподдельный страх:

– Ваше высочество! Простите меня, мой принц. Я... это чудовищная дерзость, понимаю... Но я же не знал! Ваш отец ничего не сказал мне! Никто не сказал! Я готов искупить,

клянусь... Я бы никогда не осмелился, никогда. Я же не знал, кто...

Рагар тихо ругнулся на языке айров, щелкнув ногтем по лезвию сельта в руке, и Дирх замертво рухнул лицом в каменную плиту.

А я ничего тогда не понимала. Я же тоже не знала, светлый мой Дигеро, взиравший на происходящее с брезгливым отвращением, я еще ничего не знала ни о себе, ни о той пучине, в которую меня еще до рождения погрузила моя странная судьба.

Это был один из самых страшных дней в моей жизни, сравнимый только с тем днем, когда впервые разрушились иллюзии моего детства – когда в горах перед взором предстали руины нашего замка, принявшего истинный облик, и когда бабушка и дедушка взлетели в небо на серебристых крыльях, а я узнала, что мне всегда лгали.

Не потому страшный, что сейчас мне грозила казнь – ложность обвинений в насилии легко доказать, просто раздевшись. Нет, не поэтому. А потому, что приоткрылась еще одна бездна.

Темный вейриэн, слуга Тьмы, полз ко мне и непритворно трепетал передо мной.

Почему? – спрашивала я себя, цепенея от ужаса. Не потому ли, что его владыке стала известна моя суть, а Дирх прекрасно знает моего жениха? Какого-то темного князя. А значит, меня совсем скоро ждут Темная страна и куда более

страшная смерть, чем чаша с ядом.

Король, привставший, оперев руки о подлокотники, чтобы ничего не пропустить из дичайшего бреда фаворита, опустился на сиденье и расхохотался.

– Дирх! Вот оно что, оказывается... Вот это подарок!

Фаворит, из которого, казалось, жизнь ушла в очередной раз, вдруг приподнялся и, повернув голову к государю, брезгливо процедил:

– Не подавись дарами, Роберт Сильный. Ты жив до сих пор только благодаря мне, и даже не представляешь, сколько раз я дарил тебе жизнь.

– Взять его под стражу, – махнул рукой король.

– Ты видишь, мой государь, слова этого свихнувшегося мертвеца ничего не стоят! – торжествуяще заключил Шаэт.

– Ты прав, советник, ровным счетом ничего не стоят, – согласился Роберт, задумчиво прищурившись на меня.

– Не допрошен еще один свидетель, – спокойно сказал Рагар. – Принцесса Виолетта.

После короткого, но выразительного рассказа принцессы под стражей едва не оказались обе старших сестры А. и Шаэт. Но поднаторевший в дворцовых интригах новоявленный граф и первый советник заявил, что Виолетта – тоже труп, находящийся под властью вейриэна.

Принцесса хладнокровно уколола себе пальчик, продемонстрировав живую горячую кровь. Тогда потомственный степной шаман начал утверждать, что девушка околдована

горным демоном Рагаром, и ее показаниям верить нельзя.

– В таком случае, следует выслушать саму пострадавшую, принцессу Виолу, – пожал плечами мой наставник.

И я вспомнила ее лицо в том проклятом будуаре, и представила, как все эти жадные глаза сплетников и ничтожеств будут разглядывать опозоренную девушку, как эти отвратительные придворные рожи будут сочувственно или скабрёзно улыбаться, как грязные лапы начнут рыться в ее измученной душе и смаковать подробности, а Шаэт обвинит ее во лжи. И мне стало мучительно, невыносимо мерзко.

Невозможно было допустить еще и это ее унижение.

– Довольно! – громко сказала я, сделав шаг вперед. – Я признаю свою вину.

– Ваше высочество! – стремительно повернулся наставник, но я на него не смотрела. Избави Боже.

– Ваше высочество! – взвился Рамасха, и тоже не был удостоен взгляда.

Фаворит Дирх не отличился оригинальностью, но, издав тот же возглас, заорал, что только он во всем виноват. Такие вот страсти.

Во время этой перепалки Виола все-таки вошла в зал.

Я говорила уже, что мои белокурые и синеглазые сестры ангельски прекрасны. Но, если Адель и Агнесс превратились в порочных фурий, а их красота стала бесстыжей и хищной, если Виолетта по-прежнему выглядела глупой куколкой, то сегодня Виола потрясла даже меня. Она надела строгое, по-

чти траурное, темно-синее платье, убрала локоны под темную кружевную накидку, от чего углубились тени на осунувшемся личике, напоминавшем тончайший и хрупкий фарфор.

Красота Виолы стала пронзительной, переворачивающей душу. И под скорбным взглядом ее потемневших фиалковых глаз придворные наглецы почтительно склонились, и даже стервы Адель и Агнесс побледнели и отвернулись.

– Я виновен, – повторила я, глядя в посеревшее лицо Роберта.

Хотя бы в том, что не спасла сестру. Опоздала.

Щека у него задергалась, он откинулся на спинку трона, помолчал, закрыв глаза и пережидая шум. Затем поднялся – огромный, властный – и положил конец безобразно затянувшемуся судилищу:

– Достаточно свидетелей, вейриэн Рагар. Показания моей несчастной дочери ничего не изменят. Виола, ты можешь уйти, – подождав, когда пострадавшая безмолвным призраком покинет зал, король объявил решение. – Раз признавшихся двое, вверяю их высшему суду. Пусть Безымянный бог рассудит, кто из них истинный виновник. Внял я и твоему совету, друг мой Виннибор. Ты прав, чаша с ядом будет милосерднее, хотя преступник не заслуживает снисхождения. Приготовь два кубка с вином, но пусть яд будет в одном.

Герцог со счастливейшей улыбкой удалился исполнять приказ.

Рагар положил мне ледяные пальцы на плечо, и обратился к королю:

– Ваше величество, принц Лейрин – мой ученик, и за все прегрешения отвечать должен наставник, не исполнивший своей обязанности.

– Законы Белых гор не имеют силы за их пределами, – отрезал Роберт.

Тут выступил вперед Светлячок, закончив советоваться с друзьями:

– Мой возлюбленный государь, а ведь и у нас в королевстве есть закон, по которому за осужденного может ответить любой человек, если они не родственники. И я вот... это... прошу о такой чести.

Король повернул голову к судье, вопросительно поднял бровь. Тот, почесав лысину под париком, прогнусавил:

– Есть такой закон, триста лет назад был принят еще при прежних королях. С тех пор никто его не отменял, но и не применял в судебной практике, поелику к замене на Божьем Суде не допускаются родственники, опекуны или учителя, слуги или рабы, а также больные, старые, юродивые и лица, осужденные за другие прегрешения. Кроме того, берущий на себя искупление чужой вины должен быть одного сословия с представшим на Божий Суд и, к тому же, девственно чист, о чем, впрочем, достаточно клятвы на священной книге.

– А последнее-то на кой дьявол? – возмутился Светлячок такой несправедливостью.

– Дабы Господь пощадил его невинную душу, – назидательно молвил кардинал.

На лицах сестер А. нарисовались премерзкие ухмылки, и барон Анир тяжело вздохнул, отступая. Рагар за это время шепотом сообщил мне на древнем языке айров все, что думает о моих умственных способностях, и я узнала много диковинных и не очень приличных слов.

Мне было все равно, что он думает. С истинными виновниками преступления мой учитель и без меня разберется, а «огненную кровь» без меня вернет через северян, они же союзники. А мне все надоело. На душе царило божественное спокойствие. Я не могла не заметить, какими восторженным светом озарились глаза Дигеро, когда он увидел прекрасную страдальицу Виолу. Она насмерть поразила его безнадежно романтическое сердце. А моё сердце... оно умерло еще в долине Лета.

Скорей бы это все закончилось. Навсегда.

Если, конечно, мне повезет выбрать правильную чашу.

Герцог Виннибор самолично внес поднос с кубками, накрытыми платками, слуги поставили на первом ярусе возвышения столик, на который и водружены были инструменты правосудия. Единственное, чего я боялась – что Рагар затеет бой: его пальцы совсем побелели, сжавшись на рукояти меча, а ноздри гневно раздулись.

И, великие боги, лучше бы грянула драка, чем прозвучавший внезапно громкий и чистый голос:

– Ваше величество, я, младший лорд Дигеро фьерр Этьер, подхожу по всем условиям и прошу о чести выступить на Божьем Суде вместо его высочества принца Лэйрина.

Виннибор, пропустивший самое интересное, ошеломленно замер.

– Нет, Дигеро, не смей! Я сам за себя отвечу! – кричала я, но меня никто не послушал, а пальцы Рагара мертвой хваткой впились в плечо. – Какой же это Божий суд, если отвечать будет ни в чем неповинный?!

Диго, мой слишком благородный для этого мира Диго... Я уже готова была на последнее доказательство, только бы не подвергать тебя риску быть убитым вместо меня. Моя рука потянулась к крючкам на камзоле.

– Я запрещаю, – едва слышно выдохнул наставник. – Не двигайся, ученик, и ни слова больше.

Не знаю, что он сделал, может быть, использовал сельт, хотя укола не почувствовалось, и я продолжала стоять не падая. Но тело онемело, словно превратилось в каменную статую, язык не шевелился, и мое признание не прозвучало. Разоблачение не свершилось.

Сквозь злые слезы, срывавшиеся с ресниц, и в полном отчаянии я наблюдала, как Дигеро тянул жребий.

Право выбора выпало Дирху.

Королевский фаворит, недолго думая, схватил первый попавшийся кубок, поднял, как для тоста, и улыбнулся мне в глаза:

– Я буду счастлив умереть за моего великого господина и его наследника! – и почему-то мне подумалось, что вовсе не короля Роберта он имел в виду. Возможно ли, чтобы Дирх знал истину? Но спросить было уже не у кого. Сорвав салфетку, он опрокинул в горло содержимое кубка и тут же захрипел, упал, корчась в судорогах. Из почерневшего рта вытекла серая пена, землистые щеки пробороздили черные слезы, и фаворит потерял последнее сходство со мной.

Его окончательную смерть засвидетельствовал и лекарь, и сам король, потрясенный этой смертью так, что лицо его стало белее мела, а губы дрожали, пока он наблюдал, как вейриэны вытаскивают покрывшееся пятнами и ненормально, стремительно разлагающееся тело из зала.

Дигеро протянул руку к оставшемуся кубку, но был остановлен Робертом:

– Уже лишнее. Божий Суд свершился, истинный виновник наказан. Пусть это вино выпьет за мое здоровье тот, кто подал нам столь блестящий совет, позволивший совершить возмездие – Герцог Виннибор!

Третий советник растерянно моргнул, отступив от столика.

– Что же ты, друг мой? – Роберт подался вперед, черты его хищно обострились. – Ты отказываешься выпить за здоровье своего короля? Или во второй чаше – тоже яд? Уж не замыслил ли ты под видом суда убийство наследника короны Лэйрина? Стража, взять его!

Виннибор метнулся к выходу.

Ему загородили путь стражники, но третий советник, несмотря на тщедушность тела, проявил нечеловеческую гибкость и ловко миновал препятствия.

Король махнул рукой, лучники на галерее спустили тетиву, унизав герцога стрелами. Но тот лишь пошатнулся и тут же встряхнулся, на миг став клочком тумана. Стрелы осыпались, а Виннибор гигантским прыжком подлетел, уходя от удара двух мечников, взбежал по колонне и, вытянувшись огромной белесой тварью, похожей на личинку ручейника, заскользил по потолку к бойнице. Его темно-серые одежды упали вниз, словно использованный кокон.

– Инсей! Он – инсей! – завопил кто-то.

Чудовищное существо оказалось не одиноко. Несколько придворных и стражников обратились в таких же склизких водянистых полужемей и накиннулись на лучников, тщетно пытавшихся пристрелить Виннибора. Началась потасовка.

И тут я впервые увидела во всей красе, что такое дар «огненной крови».

Роберт полыхнул.

В его глазах плеснул жаркий расплавленный металл, волосы вздыбились бело-рыжим пламенем, объявшим все тело. Он весь стал, как костер с человеческими очертаниями – желтые, красные и голубовато-белые сполохи клубились вместо рук и ног, лица и одежды; от огненного тела с гулом и треском выстреливали длинные языки, складываясь в по-

добие крыльев.

Придворные с воплями шарахнулись. «Огненный дракон», – вспомнила я слова Дигеро.

С вытянутых рук этого пылающего ужаса срывались языки пламени, слизывая с потолка, стен и колонн разбежавшихся белесых тварей. Они визжали и лопались, испаряясь. Но то, что недавно было герцогом Виннибором, юрко уворачиваясь от атак, успело проскользнуть в бойницу.

Удивительное дело: никто из людей не пострадал. Даже их одежда не задымилась, хотя тронный зал какое-то время напоминал бушующую геенну.

Кардинал Трамас, воздев святой знак, тянул молитву, называя при этом Роберта то посланником Божиим, то огненной карающей десницей, то Священным Пламенем с самых больших букв. Трясущийся зад Шаэта выглядывал из-за спинки трона. Дамы лежали без сознания.

Когда зал очистился от белесых гигантских червей, Роберт, вернув себе человеческий облик, устало рухнул на сиденье и поправил съехавшую на бок корону и совершенно невредимые одежды.

– Лэйрин... твой приезд... опять стал потрясением... – он задыхался, пальцы, лежавшие на подлокотниках, слегка подрагивали, а со лба стекал пот. – Ты снова... лишил меня любимейших из моих рыцарей. Правда, на самом деле они оказались... не моими подданными... – Роберт прикрыл ставшие пепельными глаза. И добавил зычным, уверенным голо-

сом: – Невиновность кронпринца доказана.

Шаэт вылез из-за трона, возразил:

– Не доказана, мой король. Если в обеих чашах был яд, то о Божьем суде не может быть и речи.

– Суд состоялся при жеребьевке, советник. Виновный умер первым. И ты догадываешься, что это значит, Шаэт? Это значит, что ты уже не первый советник. Дирх назвал и твое имя. Стража!

Я надеялась, что потрясения на сегодняшний день закончились. Всегда так хочется верить в лучшее...

Шаэт кривенько улыбнулся, дернул головой, положив пухлые ладони на одну из цепей, висевших на его шее. Я успела заметить, как Рагар и Рамасха обменялись встревоженными взглядами, а по волосам северного принца метнулся радужный блик.

Миг – и цепи на шее степного шамана ожили, метнулись вперед, раззявив змеиные пасти у самого лица короля. Роберт захрипел, схватившись за горло: на его груди тоже висела массивная цепь, и она с шипением обвилась вокруг шеи.

– Ты умрешь, глупый король, и даже пальцем не успеешь пошевелить, – ощерился степной шаман. – И все здесь умрут, стоит мне пожелать. Твой дар иссяк, да и бесполезен он. Расплавленное золото прожжет тебе грудь и укусит в самое сердце.

Змеиные шипение и свист, человеческие вопли и хрипы зазвучали по всему залу и, похоже, за его пределами. Не бы-

ло ни одного знатного лица во дворце, не носившего золотых украшений, не имевшего в кошельке хотя бы одной золотой монеты, и они расползались сейчас змеями и скорпионами по телам владельцев. Всегда подозревала, что золото губительно для человека.

Фрейлины опять лежали в обмороке. Сестры А. визжали, отмахиваясь веерами от ядовитых шершней, в которых превратились их серьги и кольца. Только Виолетта, не надевшая ни одной безделушки, кусала губы и дрожала, цепляясь за охранявшего ее Сиарея.

Но, если бы Шаэт оглянулся, он заметил бы невредимого Рамасху со свитой и Рагара с вейриэнами. На Дигеро и втором юном горце в свите принца тоже не шелохнулось ни одно из украшений из горного серебра и платины. Да и не все лучники на галерее побросали луки, и не все стражники опустили мечи, плюнув на ползающих по ним гигантских термитов. И еще казначей сердито поблескивал глазками. При чем, его золото почему-то оказалось не фальшивым.

– Тихо! – гаркнул Шаэт, и визги перешли в сдавленные рыдания. – Теперь слушай меня, король. Ты передашь мне свой дурацкий дар немедленно, иначе я буду убивать твоих подданных по одному.

Полузадушенный Роберт ничего не мог ответить. Зато голос Рагара прогремел:

– Ну, рискни, шаман.

Шаэт нервно оглянулся, змеи с его движением отдерну-

лись от побагровевшего короля, и этим воспользовались ласхи.

Столь прекрасного зрелища мне не доводилось видеть. Все пространство озарилось тысячами разноцветных сияний, заиграло радугами, соткавшими сказочное полотно, облачившее каждого, кто находился в зале. От его прикосновений ожившие чудовища осыпались на пол, распавшись в пыль и труху, а ледяной вихрь вымел останки в бойницы. Неблагодарные придворные тут же зарыдали, сочтя себя разоренными.

Степной шаман не стал исключением, разом лишившись всего арсенала, но возразить уже не мог: под его левой лопаткой торчал сельт, стремительно таявший, становясь невидимым. Казначея не миновала та же участь. И еще несколько человек, чье притворство ласхи вычислили мгновенно, оказались обездвиженными.

– Не успел сбежать наш шаун, совсем разленился, нюх потерял, – удовлетворенно сказал Рагар, осматривая тело казначея. Перевернул. Нашим глазам предстал ядовито-желтый гребень, прорезавший ткань камзола на спине парализованного.

Роберт уже отдышался.

– Вейриэн, я обязан тебе жизнью, – прохрипел.

– Не только мне, но и принцу Игиниру, – наставник чуть поклонился Рамасхе. Обвел взглядом еще не пришедших в себя придворных. – А тебе не кажется странным, ваше пла-

менное величество, что из шести магических сил нашего мира пять находились в этом прекрасном дворце и даже в твоём ближайшем окружении? Вейриэны и ласхи, инсеи и шауны, даже темный Дирх. Теперь мне хотелось бы знать, где шестая. Мне самому поискать, или признается кто?

Рагар остановил пристальный взгляд на группе молодых рыцарей, окруживших барона Анира фьерр Гирта, поднял угольную бровь. Светлячок тяжело вздохнул, отстегнул перевязь с мечом и, опустившись на колени перед тронном, положил оружие к ногам монарха.

– Ну, я это... Я – аринт. Но я был предан тебе, мой король, и любовь моя от сердца шла. Аринты не умеют лгать и изворачиваться, как инсеи и шауны. Мы воины, а не лизоблюды какие. А дар твой... ну, не получилось, и бог с ним. Попытка не пытка. Защиту свою ты дал нам, и одно это – уже великий дар.

– Анир... – плечи Роберта опустились, словно из него вынули стержень. – Скажи, Рыжик был... тоже ваш?

– Тоже, государь, – Светлячок понурил голову. – Велишь меня казнить, так я лучше сам себя порешу, а не дамся. Но позволь мне в бою за тебя голову честно сложить. Все одно возвращаться мне нельзя: позор ляжет на весь мой род до скончания веков.

Король прикрыл глаза, устало повел ладонью:

– Потом разберись, что с тобой делать, Анир. Отправляйся пока к Рагару под охрану.

Наставник от неожиданности поперхнулся, а Роберт поднял набрякшие веки и усмехнулся:

– А разве ты формально не мой подданный, вейриэн, в конце-то концов? Все знают, что присягу мне никто из горцев не давал, но, дьявол тебя задери, не до глупых формальностей сейчас. Видишь, мне пока и свечку не зажечь, не то, что с чужой магией справиться. И в бездну договор с Хелиной. Призови сюда столько своих дьяволов, сколько нужно, – при этом король взглядом заткнул вякнувшего кардинала. – Обеспечь охрану. Да ты сам все знаешь. А теперь я вас покину. Принц Игинир, моя благодарность... – он, сгорбившись еще сильнее, направился к выходу, но остановился у оцепеневших старших принцесс. – А этих двух моих гадюк – в каземат. Завтра допрошу.

Агнесс и Адель взвизгнули, и король, морщась, ускорил шаг.

Глава 10

Потом говорили, что принц Лэйрин, налетев, как тайфун, за один день погубил равнинное королевство. Что горный колдун, пленив короля, уничтожил высших лиц государства и, главное, разорил казну. Менестрели сочиняли, что я, аки дракон, питаюсь только золотом и девственницами и прочие глупости.

Болезнь государя тоже приписали мне.

Силы Роберта уже были изрядно подточены вившимися вокруг многоликими охотниками за его даром (грустно осознавать себя в их числе), а прозрел он так внезапно, что это его едва не убило.

Он слег. Заперся у себя, выгнав всех фаворитов, слуг и лекарей, и допускал только ненавистного прежде Рагара, заявив, что больше никому не может доверять. Стражу у его опочивальни несли вейриэны, потому слухи о пленении не могли не родиться, можно понять несведущих людей.

Между тем, истинные масштабы катастрофы еще только начали вскрываться.

Рагар допросил Светлячка на следующий же день после памятного суда, охаянного потом менестрелями и выданного летописцами за попытку «дворцового переворота».

– Зачем аринтам понадобилась «огненная кровь»? – это интересовало его в первую очередь – Затеяли масштабную

войну? Или переселение? Слышал, вы даже степь начали теснить к пустыням.

Барон покраснел до корней волос.

– Не для войн. Тут мы сами как-нибудь. А вот пожары... Знаешь ведь, что нас и наших людей кормит лес. В последние годы тайга горит столь часто, что молодняк не успевает вырасти, зверь уходит, а земля оголяется. Нет защиты леса – и реки мелеют, и ураганы гуляют. Все рушится. И с каждым годом становится все хуже, вот лесные люди и снимаются с мест.

– Значит, и Восток пошатнулся... – Рагар потер покрасневшие от недосыпания веки.

– Не то слово. Гибнем мы, белый воин. Поганая вещь – бессилие, – барон стиснул внушительные кулаки. – Лесные люди к аринтам-хранителям идут за помощью. А что мы можем? Только кровь пускать, но этой жидкостью пожаров не потушить. Инсеи отказали в помощи, мы же с ними враги извечные. Магия северян дорого обходится, нам уже нечем платить. Один из лесных царей даже в жены дочь Роберта взял, чтобы через внуков получить дар «огненной крови», но недолго прожил после этого. Такое ощущение, что Темная страна скоро придет к нам.

– А ты знаешь, Анир, что и на Севере дела столь же плохи?

– Им-то чего бояться? Темные уже насосались за пятьсот лет от их земли, вот-вот отпадут. А куда Азархарт ринется, как не к нам?

– А как тебе понравится, что шауны тоже ждут скорого прихода темных?

– Но Темная страна уже была на их территории в предыдущий раз, – удивился Светлячок. – Мертвое море Слез теперь на том месте.

– Темные есть темные, – пожал плечами Рагар. – Никакой упорядоченности в их перемещении нет, и куда они придут, тоже никто не знает, даже они сами.

Рагар взял меня на допрос казначея и моего бывшего пажы Шаэта: мне было интересно, как выглядят шауны. Мерзейшее зрелище, хотя наставник утверждал, что каждый желтый маг индивидуален, и попадаются более приятные глазу экземпляры.

Шаэт лебезил изо всех сил, называя себя «жалким жрецом», во всем покорным воле господина-шауна, с него, мол, за все и спрашивайте, а шаман – ни при чем, принужден был под страхом смерти всего рода, а он у степняка многочисленный. Он оказался полукровкой и метаморфозами не владел, а вот его «божественный господин», известный нам как главный казначей, представлял из себя нечто среднее между ящером и скорпионом.

Как только Рагар вынул сельт, преобразование щуплого казначея завершилось, и перед нами предстало змеиное тело в серо-желтых разводах с острым игольчатым гребнем, загнутый кверху хвост с ядовитым жалом и капающая ядом морда с жвалами и фасеточными глазами, как у стрекозы. Когда

шаун горько плакался о тяжелой доле степняков и пустынников, его слезы прожигали каменные плиты подземелья.

Суть его жалоб сводилась к тому, что в пустынных землях отчего-то пересыхали колодцы и увядали оазисы, а в степях чернела трава, пастбища гибли, кони дохли и люди, поклонявшиеся шаунам, вымирали. И, само собой, противостоять жару небес могла только «огненная кровь». Или реки золота, потекшие к шаунам из равнинного королевства, а от них – к инсеям за драгоценную воду. Впору было пожалеть несчастных.

Несмотря на то, что плакался казначей весьма охотно, сообщников он не сдал. И я подозревала – лишь потому, что Рагар не стал знакомить меня с особыми методами допроса, ибо потом арестов последовало много: вся верхушка казначейства, главы торговых гильдий и все ближайшее окружение герцога Виннибора, не успевшее сбежать.

Не только королевская казна внезапно опустела, когда исчезло фальшивое золото.

Самое страшное выяснилось после обыска в казначействе, где была пресечена попытка поджога архивов: оказались пусты закрома.

Еще летом был вдвойне поднят налог и взят продовольствием, но весь урожай с королевских земель продан на юг и запад за гроши, даже от стратегического запаса продовольствия в военных гарнизонах осталась лишь половина. Надо ли говорить, что расплатились шауны тоже фальшивым зо-

лотом, а инсеи и того еще не отдали?

В шести герцогствах, кроме Винниборского, и в церковном хозяйстве дела обстояли не столь плачевно, но даже мне стало ясно: к весне равнинное королевство перестанет существовать – вымрет от голода. Куда смотрел король, можно было не спрашивать. В зеленые глаза фаворита Дирха.

Вечером Рагар собрал в моих покоях вейриэнов и Сиарей с ласхами.

– Белым горам не удастся остаться в стороне, – сказал высший мастер. – Катастрофа всеобщая, и королевство – лишь часть общей картины. Но что стало причиной, мне еще непонятно. На первый взгляд – инсеи. Они греют руки на шаунах – продают им воду. Греют руки и на аринтах через посредников-северян, о чем сами красные маги еще не знают, эту тайну мне Рамасха сдал.

– Непримирым врагам? – округлил глаза Сиарей. – Каким образом?

– Северяне гасят их пожары ледяными щитами, а на самом деле с помощью водной магии инсеев. Сам понимаешь, подойти к бушующему пламени ласха не заставит никакая сила. Получается, что инсеям выгоднее всего уничтожить «огненную кровь», чтобы без них уже не могли обойтись. Эти болотные пиявки, если вопьются, не отпустят. Жаль, Виннибора не допросить. Самая незаметная фигура была, а оказалось – ключевая, и он рядом с Робертом уже давно, лет

двадцать. Мы установили, что и на Хелину было наложено заклятие инсеями, потому и рожала она только девочек.

– А не нанести ли к ним ответный визит?

– Как только король встанет на ноги и принц Игинир уедет, придется проведать их логова. Сиарей, нашли еще кого-нибудь?

– А как же, – расцвела улыбка ласха. – Наше счастье, что инсеи трусливы. На многих ключевых постах либо они сидели, либо шауны. Бегут со вчерашнего дня, но границы мы уже перекрыли.

– Список передай начальнику стражи. Роберт подпишет указы об аресте. Вот и поговорим при встрече с Западом на том языке, какой они наверняка поймут. Виннибора выследили?

– Еще нет, как в воду канул.

– Не удивительно для инсея. Итак, что у нас получается? Север становится холоднее, юг – жарче. Красных магов Востока клюет красный петух.

Один из вейриэнов – длинный и худой воин по имени Зольтар – внес лепту в разговор:

– Запад под вопросом. Надо узнать, происходит ли у них что-нибудь необычное. Я бы по контрасту предположил наводнения, но это для них скорее благо, чем зло.

– С наводнениями ты угадал, – кивнул Рамасха. – Наша разведка доносила о том, что ливни даже водным магам наделали. Разрушений много. Овраги размывает, озера-детин-

цы из берегов выходят, в горных местностях – сель за селю. Инсеи запросили у нас две сотни ледяных магов. Целое войско!

– Не удивлен, – нахмурился Рагар. – И какой следует вывод, Лэйрин?

Вопрос был неожиданным и, мягко говоря, не по адресу, но попробуй сказать об этом наставнику вместо ответа. Я вспомнила легенду о наследниках айров. Одно племя – одно магическое пламя. Желтое солнце. Красный огонь. Синий холод...

– Цвета становятся насыщеннее? – предположила я.

– Отлично, ученица! – Рагар расцвел улыбкой. Невероятная эмоция. А уж похвала в его устах... – Возможно, происходит такая концентрация, что магия обращается уже против своих носителей.

– А Белые горы как же?

– Мы довели законы до абсурда и ослепли, Лэйрин. Духи уже не разбирают древних дорог, и даже стражи Белогорья всё чаще отходят от истины Пути, не при северном принце будь сказано, – покосился он на печального Рамасху, но тот лишь вяло махнул рукой, мол, ничего нового для наследника иностранной державы не сказано.

– У нас еще хуже, – пожаловался северянин. – Мы вырождаемся. А у отца, между нами говоря, вместо мозгов уже сплошная сосулька. Лютует так, что скоро только снег и останется вместо подданных. Люди бегут на юг. Ласхи – еще се-

вернее, в вечные льды океана и дичают. Дети рождаются всё реже.

– И риэны слабеют, – задумчиво признался Рагар. – В большинстве кланов теперь один-два рода, а в таких, как род Раэн – один человек, без хранительницы. А лорды делают вид, что ничего не происходит. И падение началось с того, что полтора века назад погибла королева, и горный дар «огненной крови» спустился в равнины. Возможно, именно тогда было нарушено равновесие пяти стабильных сил мира.

– А разве не Темная страна его нарушает? – спросила я.

– Нет. Блуждающая шестая сила играет волчью роль – находит слабые места системы, оставленной нам древними айрами. И когда Белые горы ослабеют настолько, что Темная страна придет к нам... Не дай нам Бог дожить до той ночи, когда Белогорье станет Черногорьем.

– Вот именно! – воскликнул мастер Морен. – Мы должны как можно быстрее вернуться. Чем мы тут занимаемся? Мы воины, а не дознаватели! Зачем нам разбирать, что тут натворил этот рыжий бык? Какое дело горам до равнин?

Рагар усмехнулся:

– Смотри на мир шире, вейриэн. Куда падает тень от гор – там тоже наша земля. Как ни испорчена кровь Роберта, но он – потомок горных лордов.

– Нас не так и много, чтобы расплыться, – упорствовал Морен. – Смотри, оголишь защиту Белогорья, бросишь наши силы в эту дыру, как бы хуже не вышло. Может, наши враги

того и ждут!

– Два десятка воинов возьму, не больше, – успокоил его мой наставник. – Плюс Сиарей со своими. Да еще Рамасха обещал присоединиться, как только выполнит долг перед императором. Что еще тебя беспокоит, Морен?

– Всё. Мое мнение – забрать горный дар у короля и вернуться, и больше нас ничего не должно здесь интересовать. Царства гибнут, горы стоят вечно. Но я подчиняюсь высшему мастеру, – поклонился Морен, умудрившись оставить за собой последнее слово.

До отъезда северян было еще далеко. Из-за болезни государя церемонию передачи невесты императору – теперь уже не принцессы Виолы, а ее сестры-близняшки Виолетты – пришлось задержать к немалой радости Рамасхи.

Мой наставник пропадал с утра до поздней ночи то у короля, то на допросах, то в разъездах. Принц Игинир на правах без пяти минут родственника с азартом совал нос во все дела разоренного королевства, и часто они с Рагаром пропадали вдвоем.

Но, увы, куда чаще Рамасха околачивался в моих личных, прошу заметить, покоях, прикидываясь сопровождением невесты императора.

Младшие близняшки прочно взяли меня в осаду. Сначала Виолетта приставала с благодарностью, потом с расспросами

о матушке и Белогорье, дальше под тем предлогом, что только рядом с братом девушки чувствуют себя в полной безопасности.

Мне было и смешно, и грустно: я-то прекрасно знала себе цену, близкую к нулю. И только идиот не понял бы, что сестрички караулят, когда заглянет Рагар или северный принц с Дигеро – они интересовали принцесс куда больше, чем угрюмый братец.

Впрочем, по Виоле трудно было сказать, что ее интересует на самом деле и интересует ли вообще. Она в своем подчеркнуто строгом, почти вдовьем, темном платье без украшений тихо садилась в сторонку и молчала, не поднимая глаз, с застывшей вежливой полуулыбкой на бледных губах, и составляла резкий контраст с жизнерадостной неугомонной сестрой. А при появлении принца Севера и двух младших горных лордов несчастная Виола и вовсе мечтала куда-нибудь провалиться, судя по стыдливому румянцу, вспыхивавшему на ее фарфоровых щеках.

Ее подавленное состояние очень меня беспокоило, но на откровенность она не шла, отговариваясь шепотом:

– Со мной все хорошо, милый брат. Не обращайтесь на меня внимания, умоляю вас.

Для нее был мучителен любой интерес к ее особе, любой пристальный взгляд, и я понимала, что приходила она только по настойчивым просьбам Виолетты, пытавшейся растормошить сестру.

Был в нашей милой компании еще один субъект, пытавшийся слиться с каменной стеной – Дигеро.

На него я была так зла за пережитое на суде и свои слезы, замеченные всеми, что демонстративно не обращала внимания, как на пустое место. Если он ждал благодарности за спасение принца от казни – пусть обращается к Рагару, а я не просила соваться всяких слишком благородных рыцарей.

После пары безуспешных попыток объясниться, Дигеро замкнулся и, если Рамасха брал его с собой к нам, вел себя как тень, молчаливая и пустая.

Светлячок с тремя друзьями-аринтами тоже повадился засиживаться, заявив, что король приказал их охранять, как зеницу ока, и находиться под охраной они предпочитают именно здесь, ибо надежнее покоев наследника в королевстве ничего нет. Как были наглыми эти фавориты, так и остались. Рагар отвел им две комнаты на моем этаже, приказал никуда не высовываться без спросу и тем ограничился.

Опальные фавориты расплачивались со мной сагами об аринтах, но категорически отказались продемонстрировать магический облик, и на подначивания – а не врёт ли Светлячок, может, никакие они и не красные маги? – не велись. Все-таки я сильно ошиблась, когда наклеила на барона ярлык глупца. Он оказался существом, к которому не применимы человеческие мерки.

– Ваше высочество, ты пойми, стоит нам войти в настоящий боевой транс, бескровно уже не выйдем, – смущенно

пояснял Светлячок, оказавшийся на самом деле миролюбивым и весьма общительным симпатягой. – И крови потребуется очень много. Представь, мой принц, как велика наша жажда, если мы лет десять, пока живем в Гардарунте, не принимали истинный облик и ни разу по-настоящему не утолили голод! Так, слегка отводим душу в войнах Роберта, но без перевоплощения, и этого хватает только на то, чтобы нас совсем не переклинило.

– Как же вы умудрялись за столько лет ни разу не сорваться? – удивилась я.

– Высочайшее мастерство красного мага – в способности сдерживать жажду. Только так можно подчинить силу и сохранить разум, ведь не мы существуем для магии, а она – для нас.

Жаль, что матушка не слышала эти слова. Иначе бы не обрела меня на жизнь ради магии. Причем, чужой. Огненной.

– Ты только подумай, мой принц, – продолжал Светлячок, – что случится, если аринты дадут волю силе и впадут в воинское безумие? Глуп тот, кто назвал его священным. Мой учитель за двести лет не обнажил боевого клинка и не пролил ни капли человеческой крови, и он считается величайшим из живущих мастеров. Его мощь и искусство так возросли, что он способен взглядом выпустить кровь из врага, не нанеся ни одной раны железом.

– Откуда же ты знаешь его способности, если не он пролил ни капли крови?

– Так я же говорил о человеческой, – расплылся в улыбке барон. – А наши враги – не люди.

Именно из-за частого присутствия королевских любимцев в моих комнатах, из-за наших бесед, длившихся далеко за полночь, и укрепились при дворе слухи о дурных наклонностях наследника. Яблочко от яблони, мол...

Каких только пороков мне тогда не приписали злые языки: и соращение сестер, и любовь к отцовским фаворитам, и распутство с северным принцем. Со всеми сразу и по отдельности.

Теперь ты знаешь, Дигеро, что все это гнусная ложь.

Я в своем горном гнезде росла в одиночестве и не привыкла к такому столпотворению вокруг, да и возрастал риск разоблачения, если за тобой непрерывно наблюдает десяток пар глаз, пусть вполне дружеских, а развязные фавориты норовят посетить туалетную комнату как раз в тот момент, когда и тебе приспичило.

Замечала я и стиснутые кулаки Дигеро, и его брезгливо искривленные губы, когда Светлячок в отсутствие моего наставника начинал зарываться, подсаживаясь ближе и якобы случайно касаясь плеча, или торопился подать мне кубок с питьем, непременно дотрагиваясь до моих пальцев. Делать ледяную морду я уже научилась, но фаворитов ничего не смущало.

– Привыкайте к светской жизни, ваше высочество, учитесь сами ставить на место тех, кто зарвался, на ваш взгляд, –

уклонялся Рагар от моих просьб перевести якобы охраняемых им аринтов куда-нибудь подальше, и я заподозрила, что на самом деле мой наставник включил Светлячка в число моей охраны.

В конце концов, от их присутствия была и польза: аринты, во-первых, спасали меня от Рамасхи, а, во-вторых, стали ценным источником сведений о дворцовых интригах и жизни королевства.

Всю компанию мог выгнать только высший мастер вейриэн одним движением брови или жестокий мороз, напущенный командиром ласхов, волшебным Сиареем, изнемогшим от споров королевских фаворитов и хихиканья фрейлин. Принц Игинир, увы, холода не боялся и, пользуясь тем, что мы после морозной атаки оставались наедине, если не считать ласхов и вейриэнов, доставал меня до чертиков, то есть, до явления Рагара.

– Ты все еще здесь, Рамасха, – устало констатировал наставник, явившись далеко за полночь.

– Видишь ли, у нас сложная партия, а я хочу выиграть, – принц уже полчаса делал вид, что думает над своим ходом в шахматной партии, а на самом деле жаловался на жестокосердных девушек, и я сочувственно кивала, совсем-совсем не понимая, кого он имеет в виду. – Лэйрин великолепно играет. Во всех смыслах. Как там Роберт?

– Как только очнулся, предложил мне герцогство Виннибор и пост первого советника, – дрогнули в улыбке губы вей-

риэна.

Северянин, двигавший в это время коня в атаку, замер с фигурой в руке и вдруг расхохотался:

– Белый вейриэн – равнинный герцог? Какая неслыханная честь!

– И в жены любую из его дочерей, кроме Виолетты, – невозмутимо дополнил Рагар. – Я сказал, что подумаю.

– Что?! Ты! Не имеешь! Права! – неожиданно взорвался принц, опустив коня на первую попавшуюся клетку. Я сразу же съела его офицером, заодно устранила вражескую ладью, пока никто не видит, и поставила мат. Игинир, впрочем, не заметил.

Рагар сложил руки на груди.

– Ваше бурное северное высочество, я давно уже сам решаю, на что имею или не имею право.

– Позволь усомниться. Решаешь не ты, а твои драгоценные горы, и прав у тебя ровно столько, сколько дадут обожаемые твои горы, чтоб их... А все равно ты – счастливый, за меня вот все отец решает, а ты знаешь, какой он, – вздохнул Рамасха, успокаиваясь. И в изумлении уставился на шахматную доску. – А когда я успел проиграть?! Лэйрин, вот именно за такие победы дамы награждают побежденных поцелуем. Но, так как нам известно, что вы – принц, я требую всего лишь реванша. Завтра же... Рагар, скажи, что ты пошутил.

– Разумеется. Но заняться здешней клоакой придется. Состояние королевства таково, что сюда в любой момент мо-

жет явиться Темная страна. Так близко к Белогорью они еще не подбирались, и если это случится, наша прямая схватка с Азархартом неизбежна.

– Рагар, ты меня удивляешь. С каких пор Белые горы опасаются схватки с темными?

– У лордов нет королевы, и ты прекрасно осведомлен, какая это беда. Для белых вейриэнов тоже, если будет война. Долго нам не выстоять.

– Я должен был сам об этом вспомнить, – с досадой поморщился принц. – И что Роберт обещал за помощь? Вернуть дар в горы?

– Он отказался пойти в Белогорье сам, но готов к отречению от трона и обещал передать дар наследнику вместе с короной.

Рамасха потускнел.

– Ты не оставляешь мне никаких шансов. А каково будет Лэйрин, тебя не волнует?

Рагар промолчал.

А принц, уже откланявшись, сверкнул напоследок:

– Ничего, Лэйрин, я подожду, когда ты освободишься от этой дурацкой короны, если возьмешь ее. Я умею ждать. Не смейся, Рагар, я не с тобой разговариваю. И вообще, принцесса, предлагаю тебе сейчас же бежать со мной от этого кошмара. Приставать не буду, даю слово чести. Беги, пока не поздно.

Наставник так глянул на меня угольными глазами, что я не

рискнула принять заманчивое предложение, хотя внезапно очень захотелось бежать, и немедленно.

После исчезновения северного сполоха Рагар, подойдя к столику с шахматами, снял мою черную королеву (я играла на этот раз черными фигурами) и опустил в карман!

– Рагар! – заорала я. – Отдайте!

– Я уже говорил вам, ученица, – прищурился он, – прежде, чем браться за чужие фигуры, научитесь виртуозно играть своими. Ложная победа всегда влечет за собой двойную расплату.

Намеки я научилась понимать. Вздохнула:

– Что я должна сделать?

– Подумать и задать правильный вопрос, учитывая все, что вам сейчас известно: расстановку фигур и ближайшие ходы игроков.

Ох, как я не любила эти его задачки! Почему нельзя сказать прямо? Положить на блюдечко? Закусив губу, я размотала в памяти клубок разговора с Рамасхой. Что ж, ближайшим ходом Роберта станет отречение и передача дара. А правильный вопрос, если учесть намек о ложной победе...

– Рагар, вы говорили, что дар нужно очищать, прежде чем принимать, но как можно очистить ложью, забрать обманом?

Улыбнувшись, он сел рядом, взял мои руки в свои, и его ладони оказались совсем не ледяными – теплыми и бережными.

– Правильный вопрос, ученица. Вот мы и подошли к са-

мому главному. Вы хотели раскрыться, чтобы спасти жизнь Дигеро, и не думали о последствиях. Представьте, сколько врагов узнало бы вашу тайну. Но сейчас я вас останавливать не буду. Вам надо открыться Роберту. Он должен понять, что у него нет иного выхода, кроме как самому отдать дар в горы, добровольно. Это самый быстрый путь к его очищению. Кроме того, я бы не хотел, чтобы именно вы приняли «огненную кровь» и стали подобием чудовища. Вы рождены с другим даром, он тоже ценен.

– Но матушка заперла его. Зачем тогда... – задохнулась я от понимания, тщетно пытаясь вырвать ладони. – Зачем тогда это мое уродство? Зачем столько лет, с рождения, вы меня заставляли притворяться?

– Разве я, Лэйрин? – ледяная маска треснула, и горькие складки легли у его губ. – Я едва успел вернуться в горы до вашей первой встречи с королем. Меня долго не было, почти десять лет. Что я мог исправить? Лишь вмешаться и не допустить еще большего зла.

– Куда уж больше?

Он отпустил мои ладони и вытер слезу с моей щеки.

– Когда вы узнаете о себе всё, ученица, то поймете, что могло быть и большее. А сейчас – спать.

– А если Роберт согласится пойти на смерть в горы, что будет с королевством, раз нет наследника?

– А вас это волнует? – его взгляд стал пронизывающим.

– Да, очень. Люди же ни в чем не виноваты. И вы сами

говорили, что сюда может придти Темная страна, а это более чем нежелательное соседство.

– Мастер Морен прав. Белогорью нужен дар «огненной крови», и ничего больше. Самое лучшее для вас – уехать сразу. У короля есть еще дочери, и помощь гор распространится на детей Хелины. Как вариант, будет править кто-то из его дочерей с консортом. Сейчас трон стоит над бездной, и все последствия правления Роберта лягут на плечи наследницы. Кто бы это ни был, подданные ее проклянут, ее имя станет символом зла среди людей. Думаю, это будет либо Адель, либо Агнесс...

– Что? – взвилась я. – Эти твари? Не допущу!

– Вы предлагаете междоусобную войну для полного счастья народа? – одарил он меня усмешкой. – Вас с детства приучили считать себя наследником, будущим королем, и вам трудно отказаться от этой мысли вот так сразу. Но, Лэйрин, какой из вас король? Ваше правление будет сопровождаться непрерывной враждой с аристократией равнин. Они вас не примут. Даже полуграмотные принцессы более приспособлены к придворной жизни, а для управления государством у них будут советники.

До чего же горькая эта ваша правда.

– Да, я понимаю. Моя роль – пешка, – криво улыбнулась я. – Скоро вы сыграете мной последний ход, и я, наконец, смогу жить нормальной человеческой жизнью. Я счастлива, учитель.

– Нормальной человеческой... странно слышать такие слова от горной леди, рожденной риэнной.

Умел он подрезать крылышки одной фразой.

Едва он ушел, и я, пройдя в спальню, уже сняла камзол и начала развязывать ворот рубашки, как меня посетила еще куча неотложных вопросов. А если Роберт разъярится за такой обман с наследником и откажется пойти в горы, и вообще передать дар кому бы то ни было? Почему Рагар так уверен, что все получится?

И что мне делать потом (если король не прибьет меня после признания) – прятаться всю жизнь в Белогорье от темного жениха? И откроет ли Хелина мой запертый дар?

Но, когда я выбежала из опочивальни, Рагара уже след простыл: умчался куда-то, до утра оставив мастера Морена за главу моей охраны. Когда наставник спит, интересно?

Ко мне тоже не шел сон. Я ворочалась, считала в окне яркие, низко висевшие звезды. Скоро все закончится, – уговаривала я себя порадоваться, но почему-то стало еще тревожнее.

Встала, натянула штаны и рубашку и, прошлепав к окну босиком, шепнула:

– Эльдер.

Ехидная снежная морда нарисовалась мгновенно.

– Спеть вам колыбельную, ваше бессонное высочество?

– Чтобы твой вой перебудил весь дворец?

– Тоже мне дворец! – фыркнул ласх. – Тюрьма и то краше. Не видели вы настоящих дворцов у нас на Севере. Вот где красота. Даже ваши горные замки – вороны гнезда по сравнению с ними. А уж здесь, в столице, совсем смотреть не на что.

– А как же главный собор, жемчужина равнинной архитектуры?

– Жемчужина? Булыжник! – взревел дракон и получил по носу. – А драться зачем?

– Не шуми, принцесс разбудишь.

– Было бы кого будить. Они девичник устроили, еще не угомонились – сплошное хихиканье и любовные песни под лютню и арфу. Рамасха в отместку мальчишник объявил: сказал, что, как доверенное лицо императора, имеет право проститься за отца с его беззаботной юностью.

А меня, конечно, ни туда, ни сюда не позвали. Мне стало еще горше. Кто я? Правы мои правдивые старшие сестрички – урод.

– Эльдер, подними меня в небо.

И брось, как все бросили. Нет, этого я не стала говорить. Так, помечтала.

– Нельзя.

– Почему? Разве я тут пленник?

Уговорила я его. Ну кто нам может угрожать в небе? И как это – без охраны, а Эльдер на что? Вот он и есть охрана, и никакого приказа моего тюремщика, то есть, наставника, мы

не нарушим. Подумаешь, пару кругов сделаем над городом. Ночью и не увидит никто.

Парой кругов мы, конечно, не ограничились.

Главный город королевства раскинулся на холмах по обе стороны реки, и был довольно велик, но очень мрачен. В темноте тускло светились костры у городских ворот: охрана грелась. Последний месяц осени выдался на диво холодным. Еще бы, с такими северными гостями короля. Горели костры и на свалках: там ночевали нищие. Кое-где тускло мелькали пятнышки фонарей с сальными свечами, отмечая расположение трактиров и гостиниц. Движущиеся цепочки факелов – это, в основном, городская стража. Темными громадами возвышались соборы.

На центральной башне главного храма белела огромная шапка снега. Она и привлекла наше внимание: кто-то из ласхов почтил присутствием святое место. А на шпиле, увенчанном священным символом, мелькала какая-то крохотная искорка, но очень яркая. Трудно не заметить во тьме.

Эльдер спустился ниже и едва не грохнулся, забыв шевелить крыльями от изумления: какой-то идиот кощунственно залез на шпиль, обнял одной рукой перекладину священного знака и, размахивая той самой искоркой во второй руке, изображал из себя маяк и очень громко, нараспев, как пустынный шаман, декламировал... любовные гимны древних айров.

А это та еще поэзия. Весьма двусмысленная. Ведь айры не различали полов, являясь презренными гермафродитами, обретавшими мужскую или женскую суть исключительно по своей воле и желанию возлюбленных. Они ненавидели в чем-то себя ограничивать, тем более, в любви.

За что и поплатились, в конце концов.

Смысл декламации импровизированного «маяка» сводился к подробному описанию страданий от неразделенной любви дерзнувшего влюбиться в недостижимое и равнодушное божество запретной любовью. Последний эпитет являлся позднейшей вставкой моралиста, ибо запретной любви у айров не бывало, это все равно, что запретить солнцу светить, а зеркалу отражать. А вот неразделенная случалась, но и здесь существа, способные становиться чем угодно, находили способы взаимности.

Они умели дарить себя друг другу.

«Если ты хочешь быть цветком, я стану росой на твоих лепестках, чтобы твоя красота блистала еще ярче. Если ты хочешь быть пчелой, я стану розой, чтобы дать тебе отдохновение и сладость нектара. Если ты хочешь лететь, я стану небом для твоих крыльев. Лети, мое чудо, мне больше ничего не нужно. Если ты станешь ночью, я обернусь звездами, чтобы твои глаза блистали еще волшебней...».

И так далее. Волшебный свиток только с одним гимном, исписанный убористым почерком, разворачивался на версту.

Уж не Рамасха ли развлекается? – заподозрила я.

Но охрипший голос декламатора, искаженный неумело воспроизводимыми дифтонгами древней речи, явно не принадлежал принцу, виртуозно владевшему языком айров.

Эльдер завис совсем близко, но со спины. Обвинивший крышу ласх из свиты принца приоткрыл на нас глаз, зевнул и пожаловался на языке северян:

– Достал он меня. Веришь, Эльдер? Уже три часа гимны поет, да еще с таким отвратительным акцентом. А я тут карауль его, чтоб не свалился.

– Верю. Сколько «корня солнца» он уже принял?

– Третий пошел. От первого, веришь, ни в одном глазу. Со второго – сюда полез. С божеством говорить.

– Боже, я омерзителен сам себе! – шмыгнул носом «маяк» и повернулся к нам в профиль, поднося ко рту светившуюся искорку – бутылочку с «корнем солнца».

Тут я узнала его и едва не свалилась: младший лорд Дигеро фьерр Этьер собственной, ничего не соображающей, вдребезги пьяной персоной.

Мы еле его отцепили, погрузили на Эльдера, в полете я обхватила парня, чтобы не свалился, а Дигеро все бормотал с закрытыми глазами гимны недостижимому божеству.

– Как ангел, сошедший на землю, не знающий страсти, идешь ты по сердцу... Лед крыльев твоих взрезает мне вены... наполняя печалью... простерта душа под твоими ногами замерзшей равниной...

Это что-то уже из поэзии ласхов. Чистейший бред. Самый коварный яд на свете – «корень солнца», разжигающий малейшую искру в сердце до вселенского пожара.

Возможно, этот кипящий солнцем в крови яд действовал и на расстоянии, от одного только взгляда на лихорадочные глаза отравленных, иначе я не понимаю охватившего меня безумия, последствия которого оказались так разрушительны для нас с тобой, Дигеро.

Эльдер, обозвав меня «удручающе безрассудным высочеством» и ворча что-то вроде «вот вернется Рагар, всем нам снимет головы за ненадобностью», помог занести бесчувственного младшего лорда в мою спальню и, пока я перетаскивала жаровни из купальни и расставляла поближе к ложу, сунул его под одеяла.

Охранявшие меня вейриэны ворвались на шум, но я на них впервые в жизни нарычала:

– Не смей входить, пока не позову!

Мастер Морен окинул меня пронизывающим взглядом (у Рагара научился), пожал плечами и... остался в комнате.

– Вот одолеете меня в схватке, ученик Лэйрин, тогда и будете командовать учителями.

– Мастер Морен, должен напомнить вам, что мы не в горах и не на учебном полигоне, и здесь я пока еще кронпринц, – вскинула я подбородок. – Моей безопасности ничего не угрожает, а моя честь не должна вас волновать, но, к вашему спокойствию, здесь останется Эльдер. И я, так и

быть, не скажу Рагару, что вы, мастер, прозевали мою ночную прогулку.

– Как вам будет угодно, ваше высочество, – кивнул он и вышел за дверь.

Вот так-то.

Эльдера я тоже выдворила за окно, и ставни прикрыла, чтобы не подглядывал.

Я была счастлива, Диго, заполучив тебя в плен. Ты спал в моей постели, а я просидела рядом в кресле остаток ночи, любуясь твоим лицом в алом сумеречном свете от жаровен, грея твои ладони кончиками пальцев. Я гладила твои красиво изогнутые губы, закрытые веки с длинными, как у девочки, ресницами и шелковистые каштановые волосы.

За окном романтически вздыхал Эльдер, прикидываясь ранней вьюгой.

Ало мерцали тысячеглазые угли, не думая угасать, и как-то слишком нервно потрескивали, словно костяшки пальцев. Над ними причудливо танцевали легкие бабочки голубоватых язычков пламени.

Но под утро сон меня сморил и, удивительное дело, огненный ад так и не пришел, а снились нежные сполохи радуг, трепетавшие крыльями у самых губ. Или это была твоя улыбка, Дигеро?

Я проснулась от прикосновения твоих пальцев к моей щеке и хриплого шепота:

– Лэйрин? Нет, я еще сплю! О, боги! Что я тут делаю?! –

отпрянув, Диго схватился за голову. И такой ужас прозвучал в хриплом стане, что меня зазнобило. – Что я наделал!

Он вскочил, нашарил просохшую рубашку, запутался в завязках.

– Давай помогу, – предложила я.

– Нет! – Диго шарахнулся, едва не сшиб жаровню. – Не знаю, как я тут оказался... ничего не помню... но это... это... Я тебе не Светлячок! Я не такой!

Раздался треск: рукава камзола не выдержали яростной атаки рук Дигеро. Он чуть не взвыл, просунув пальцы в дыру на рукаве. Бросил испорченную одежду на пол, сел на ложе, нашаривая сапоги. Натянув их, подобрал рваный камзол и все-таки надел. Повернул ко мне побелевшее лицо:

– Лэйрин, что между нами было? Нет, не рассказывай, – спохватился он. – Что бы ни было, это неправильно. Я не мог, не должен был...

– Ничего не было, Диго, успокойся. Ты пел любовные гимны айров, когда мы тебя нашли и привезли сюда, потом ты сразу уснул, вот и все.

– Гимны? – отчаянно покраснел Дигеро, но зло сощурил глаза. – И ты принял их на свой счет, раз вмешался? Да еще и затащил меня к себе в постель!

Я пожала плечами:

– На меня куда большее впечатление произвело твое самопожертвование в тронном зале. Считай эту ночь моей мстью за мои переживания. Я тоже не просил тебя вмешивать-

ся.

– Местью! У тебя злые шутки, Лэйрин. Я не мог не вмешаться, это было бы предательством. Мы же друзья, мы с тобой клялись стоять друг за друга до смерти, помнишь? Я отдам за тебя жизнь, как за родного брата, буду драться за твою честь, но не думай, что я так же порочен, как ты!

Я дернулась, словно меня ударили по лицу, и Диго тут же раскаялся:

– Прости, Лэйрин. Сам не понимаю, что говорю. В голове все перепуталось. И в душе... – его голос упал до мученического шепота, он, оперев локти о колени, опустил голову в ладони, вцепившись пальцами в каштановые локоны. Косичка младшего лорда у правого уха совсем растрепалась. – Мне и без твоей заботы жить тошно. Умереть за тебя – это было тогда самым лучшим.

– С каких пор ты считаешь бесчестную смерть от яда – лучшей участью для горного лорда? Почему?

– Потому что я увидел Виолу. Она как ангел, недостижимый и прекрасный.

Он душераздирающе вздохнул, а мне стало невыносимо стыдно.

– Ты влюбился в нее?

– Не знаю. Наверное. Это не имеет значения. Лэйрин, мою честь ты не имел права... пачкать.

Я постаралась, чтобы мой голос не дрожал:

– Если тебя только это беспокоит, Дигеро, то можешь не

волноваться за свою репутацию. Вейриэны никому не скажут, они не вмешиваются в дела лордов. Тебя никто не видел из посторонних, и не увидит, если ты выйдешь не в дверь, а в окно. Эльдер доставит тебя, куда нужно. Прими мои извинения за случившееся. Я просто не мог допустить, чтобы тебя кто-то увидел и узнал в том состоянии, в каком ты был.

Этот эпизод закончился тем, что Диго так же пылко благодарил меня за спасение от позора, как только что проклинал, и мы опять поклялись в вечной дружбе.

Дружбе... На что я могла рассчитывать, глупая девочка в маске мальчика?

Напоследок Диго одарил меня задумчивым взглядом и прыгнул в окно. Надеюсь, его никто не заметил в старательной поднятой Эльдером вьюге.

Я долго смотрела в серую предрассветную мглу, лелея свою грусть и горькое сожаление, что ничто не остается неизменным. Именно в то утро я отчетливо осознала, что Дигеро навсегда для меня потерян. Он остался где-то в Белых горах, мой рыцарь с солнечными глазами и чистым сердцем.

Его никогда не было.

Он был моей выдумкой. Он был грёзой о счастье одинокой, спрятанной от всего мира девочки. Я влюбилась в него от безысходности, как Лилиана влюбилась в несуществующего принца Лэйрина, потому что ей больше некого было любить.

– Ваше высочество! – заставил меня вздрогнуть громкий

голос Морена и стук в дверь. – Вас требует король.

Пора бы уже, – первое, что подумалось.

Со дня памятного судилища прошла уже неделя, во дворце не прекращались слухи об опале принца, несмотря на то, что Роберт сослал моих старших сестер А. в дальние монастыри. Но столь ранний час, выбранный для аудиенции, удивил и встревожил.

Глава 11

Как назло, Рагар и Сиарей опаздывали, хотя мастер Морен утверждал, что мой наставник должен был вернуться до рассвета. Проигнорировать желание короля невозможно, и я отправилась к нему с пятью вейриэнами.

Роберт принял меня в зале, примыкавшем к королевским покоем. Обычно здесь проводились советы. В центре квадратной комнаты стоял длинный овальный стол на резных львиных лапах, заваленный картами вперемешку с пустыми кубками, листами бумаги, закапанными воском от стоявших на них канделябров со свечами. Вокруг стола расставлены крепкие дубовые стулья с мягкими сиденьями из алой, вышитой золотом ткани и вырезанными на спинках оскаленными львиными мордами. Два каменных льва охраняли огромный, высотой в человеческий рост, камин с тлеющей грудой углей.

Король ждал, сидя в кресле с высокой спинкой, придвинутом к камину. У его ног лежала рыжая гончая, наблюдавшая за нами с молчаливой угрозой.

Изменения во внешности Роберта впечатляли, хотя не настолько, как при встрече в тронном зале, когда он показался мне смертельно больным. Пепельный оттенок еще не ушел с его резко постаревшего лица, белых прядей в рыжей шевелюре прибавилось, лоб прорезала глубокая морщина, но его

могучие плечи развернулись, а следивший за моим приближением пристальный взгляд серых глаз показался голодным, как у хищника в засаде.

Взмахом руки государь отправил стражу за двери. Я приветствовала его по традиции: встав на колени и прикоснувшись губами к перстню на его руке. И опять не успела отдернуться – губы ожгло прикосновение королевского перста. Я с шипением отпрянула.

Король криво улыбнулся:

– В этом ты совсем не изменился, дьяволенок.

Он перевел взгляд на мастера Морена:

– У меня для вас плохие новости, вейриэны. Насколько я смог проследить, герцог Виннибор... бывший герцог... которого преследовали ваши дьяволы, призвал владыку темных. Теперь окончательно ясно, что инсеи и Азархарт действуют в союзе. Рагар с Сиареем попали в ловушку.

Я думала, белой коже горцев дальше бледнеть некуда. Ошибалась. Лицо Морена стало как ледник. Даже глаза словно выцвели. У меня сердце тоже пропустило удар. Рагар? Не может быть!

– Где? – выдохнул вейриэн. – Мы почувствовали что с нашим высшим мастером случилась беда, сир, но не смогли разобраться, где нанесен удар. Знаем только общее направление, этого мало для поиска.

– Подойди, – Роберт подвинул карту, ткнул пальцем в точку к западу от столицы. – Примерно здесь. Низина, болоти-

стая местность. Там Виннибор и отсиживался, силы копил для прорыва. Я поймал через огонь обрывок разговора случайных свидетелей – какие-то разбойники докладывали вожаку об увиденной ими ночью схватке. Еще дочь болотной ведьмы там собирала разную дрянь для зелий и чудом уцелела. Сиарей сейчас у той ведьмы, и он без сознания. Рамасха еще не знает, он с ласхами по ложному следу шел. Если бы они с Рагаром не разделились... мне пришлось бы объясняться с императором, почему кронпринц Севера полез в дела моего королевства.

– Рагар жив? – не выдержала я.

– Не знаю. Вейриэны не любят жечь костры, инсеи тем более. А подслушанные разговоры посторонних не дают даже примерной картины.

Подслушанные. На расстоянии в десятки верст. Хорошая демонстрация силы.

Морен сообщил:

– Мы отправимся туда немедленно.

– С четверкой вейриэнов и парой ласхов? – Роберт скептически изогнул губы. – Лучше подождать возвращения Рамасхи. Моих людей давать тебе бессмысленно: неделю будут добираться до тех болот. А я больше одного пока провести не смогу через огонь, силы восстановить надо. Мне пришлось всю ночь слушать огонь... в разных местах.

Король кинул на меня косой взгляд и снова усмехнулся. Я догадывалась, что жаровни в моей опочивальне не просто

так потрескивали, но все равно смутилась и покраснела.

– Мы не можем ждать, сир, – нервно сказал Морен.

– Тогда иди, – кивнул король, подвинул еще один испи-
санный лист. – Здесь услышанные мной названия и имена, по
ним можно найти свидетелей и допросить. Карту тоже возь-
ми. И я требую, чтобы горящая свеча или уголек у вас постои-
тельно с собой были. Как только найдете точное место схват-
ки или след Рагара – запали костер побольше и позови меня,
я приду. И отряд все-таки отправлю. Там поблизости мона-
стырский орден есть, в двух днях пути.

Мастер Морен даже не глянул на вейриэнов, видимо ис-
пользовал тайные знаки: взяв карту, четверка моих телохра-
нителей молча поклонилась и скрылась за дверями.

– Я останусь с принцем, сир, – Морен исподлобья сверлил
взглядом короля.

Роберт поморщился:

– Дело твое, но для охраны моего сына хватит и моих лю-
дей. Сейчас чужих во дворце не осталось. От кого его охра-
нять?

– У меня приказ высшего мастера, – вейриэн сложил руки
на груди.

Государь поднялся из кресла, опираясь на ножны меча, и
я сразу почувствовала себя ничтожной букашкой: все-таки
он огромен, моя макушка едва доставала ему до подбородка,
а рост у меня тоже не маленький.

– Не забывайся, вейриэн. Здесь только мои приказы име-

ют силу, – глаза короля сверкнули сталью, пока еще холодной. – Лэйрин, подай мне письмо императора Севера. Вот то, с ледяной печатью.

Я стояла между столом и королевским креслом, потому просьба не удивила, но, когда подошла и протянула свиток, крепкие пальцы Роберта Сильного сжали мое запястье. Он дернул меня к себе, оторвал от пола, перехватив подмышками, и прыгнул в камин, прямо в тлеющие угли.

В тот же миг с яростным гулом взвилась стена пламени, но я успела заметить, как метнулся к нам мастер Морен, а рыжая гончая, раззявив пасть, огненным сполохом бросилась ему на грудь.

Ад, являвшийся мне во снах каждую ночь, пришел наяву. Жара не чувствовалось. Воздуха тоже. Закричав, я вдохнула огонь, мгновенно проникший во все жилы. Моя одежда вспыхнула и распалась искрами.

Через миг безумного испуга ко мне вернулась способность мыслить, и я ощутила в ладони рукоять сельта. Когда я успела его вытащить из потайных ножен, уже не помнилось: сработали рефлексы самозащиты, так долго вбиваемые в меня Рагаром и Мореном. Пальцы сжимали рукоять, а вот лезвие...

Руки Роберта, клещами впившиеся в мои ребра, разжались, и мы оба вывалились из пламени и покатались по мягкому ворсу ковра.

... а лезвие вошло в бедро короля – куда уж сумела достать. Для сельта не так важно место ранения, лишь бы парализующий яд попал в кровь.

Я приподнялась на локтях, ожидая, что псина, вцепившаяся в горло мастера Морена, бросится на меня. Но было тихо, если не считать хрипевшего Роберта, – ни собаки, ни вейриэна не наблюдалось.

И комната уже другая.

Глаза слепили сотни длинных, с локоть, свечей, горевших всюду – в нишах и в прикрученных к стенам подсвечниках, в свисавшей со свода люстре. Кроме них в круглом помещении имелась огромная кровать под пурпурным с золотом покрывалом, – любимые цвета Роберта, – софа у стены с наброшенной на нее одеждой, низкий столик. И это все, если не считать камина. Ни дверей, ни окон. Какой ужас.

И как сюда приходят слуги? Не сам же король занимается уборкой. Или это привилегия его фаворитов? И попадают они сюда тоже через камин, или есть потайная дверь? Как отсюда выбираться?

Роберт лежал на спине, тараща глаза в высокий свод. Одежда на нем, между прочим, совсем не пострадала.

Ползком, не решаясь демонстрировать голое тело, я добралась до софы, стянула накидку и завернулась, затянув узлы на груди и бедрах, а после с трудом оттащила парализованного короля, прислонив его к софе. Присела на корточки, скорчив виноватейшую физиономию.

– Простите, сир, у меня и в мыслях не было покушаться на вашу жизнь и здоровье, это я от страха, непроизвольно. Но, согласитесь, у меня есть право защищать мою жизнь и, похоже, честь, потому что место, куда вы меня притащили, весьма недвусмысленно говорит мне о ваших намерениях.

В горле короля что-то заклокотало, но говорить он, разумеется, не мог.

Сочтя, что извинений достаточно, я поднялась, осмотрела грубые камни стен. Ни намек на потайную дверь. Осторожно заглянула в камин. Огонь мне пока не страшен, а вот дым... Дымовой ход был достаточно широк, пролезть можно. Но что делать с королем? Если достать сельт, мне с разъяренным быком не справиться, нечего и надеяться.

В тлеющей грудке углей лежал меч, выпавший из руки Роберта. Очень удачно. Я как раз задумалась, не перетащить ли в огромный зев камина тот столик, иначе при такой высоте мне не забраться в дымоход, но столик был слишком низким, по колено, а вот меч – полуторный. Лезвие уже накалилось до багрового цвета. Подняв раскаленный меч, я пристроила его к задней стенке, потренировалась, сумею ли использовать столь шаткую и острую опору.

С первой попытки я грохнулась в угли с хрустом, взвев облако искр, но от упавшего меча увернулась, лишь слегка икру поцарапала. Накидка затлела, пришлось срочно, выйдя из пределов видимости, переодеться в сложенные на софе штаны и рубашку. Размер подошел, и я заподозрила, что

одежда была приготовлена для меня. Значит, это было не спонтанное похищение, и король воспользовался отсутствием моего наставника. Рагар бы не допустил, чтобы его так легко обвели вокруг пальца.

Вторая попытка была более удачной. Уцепиться внутри огромного камина не за что, но если с разбега ступить на клинок, повернутый плашмя, успеть оттолкнуться в прыжке, и сразу руки и ноги в распорку, то вполне можно добраться до выступавшего в дымоходе камня, подтянуться, а там уже проще.

Так. Путь к отступлению почти готов. Может, связать короля остатками накидки? Такие путы ему ничего не стоит сжечь так же, как мою одежду, но пара мгновений у меня будет – добежать до камина. А если учесть, что парализованный не сразу начинает шевелиться после удаления сельта, то, может, и вылезу до того, как меня прибьют. Одно дело – безрассудная самооборона, и совсем другое – сознательное покушение на свободу государя, тут и статус кронпринца не спасет.

Кстати, о статусах... Я вспомнила просьбу Рагара.

– Ваше величество, я сожалею о случившемся. Вы наверняка попытаетесь меня убить сразу, как я достану обездвижившее вас оружие, потому мне придется связать вас, – разорвав накидку, я скрутила два жгута, присела на корточки, заглядывая в немигающие глаза Роберта. – Но прежде, чем мы расстанемся, как я надеюсь, навсегда, я должен признаться

вам, сир... должна признаться, что я не мальчик. У вас нет наследника, и никогда не было. Я понимаю, что бессмысленно просить вас о прощении за обман, но все-таки прошу и за себя, и за маму, вашу супругу. Простите нас.

Я потянулась к его руке... И тут Роберт моргнул!

Забыв о жгутах, я метнулась к камину. Там уже ревел пламя. Плевать. Прыжок на меч. И пронзительная боль: клинок сместился, повернулся, и лезвие рассекло ступню. Но я уже дотянулась до выступа.

И свалилась: что-то обвило ногу плотной петлей и рвануло вниз с такой силой, словно меня схватила ладонь великана.

Через миг я уже лежала на ковре, со связанными моим же жгутом руками, а внезапно оживший благороднейший наш король Роберт Сильный перебинтовывал мне остатками накидки рассеченную ступню и рычал:

– Дура! – Остальные слова в потоке яростной брани были еще менее благородны, и я не решаюсь их повторить, но закончилась эта речь признанием: – И я тоже дурак... мог бы учесть твою привычку сразу хвататься за кинжал!

Закончив перевязку, король поднял меня и швырнул на ложе.

Я тут же перекатилась и, свалившись на пол, поднялась на колени. Роберт цапнул меня за шкуру, но я все же попыталась встать. Раздался треск рвущейся ткани и мой вопль, когда ступила на поврежденную ногу. Но сознание я не потеряла и еще побарахталась, снова оказавшись на ложе, даже

пару раз ощутило цапнула короля зубами за руку, пока он спеленывал мое отчаянно сопротивлявшееся тело покрывалом.

– Ты не дьяволенок, ты бешеная бесовка! – связав меня, он сел на край ложа, вытер пот со лба. И пресек мою попытку тихонько укатиться за его спиной. – Куда? Лежать! Вот шельма! – И расхохотался, но тут же погрустнел. – Как жаль все-таки, что ты не мальчик, Лэйрин. Я восхищен твоими действиями, должен это признать. Но Рагар плохо тебя учил. Почему он не сказал тебе, что в моей крови сгорит любой яд? В результате ты не воспользовалась тем временем, какое мне было необходимо для обеззараживания. Ты совершила две непростительные ошибки: не убила противника и не бежала сразу. Заигралась в глупое благородство и слишком доверилась оружию вейриэнов, девочка.

С ума сойти, он меня еще и отчитывал! И почему слово «девочка» звучит в его исполнении, как неприличное ругательство?

– Я и не хотела вас убивать, ваше величество, – пробормотала я, отворачиваясь от стального прищура. И сделала вид, что это вовсе не я проверяю пути на прочность.

– Хотела и мечтала, как и твоя мать! – процедил он. – Но не могла. Потому что всем вам нужен мой дар.

– Не мне. Мне он отвратителен, как и вы сами, сир. Я не хочу становиться огненным чудовищем. Ваш дар нужен Белогорью. Но вы трус, вы сами никогда не осмелитесь вернуть

краденое.

– Не повторяй чужих глупостей. У тебя и своей достаточно, девочка. Кстати, твое признание меня насмешило, я едва себя не выдал раньше времени. Много ли стоит такая откровенность после того, как я тебя раздел сегодня и обнял всю, от макушки до пяток? Я давно понял, кто ты, еще когда увидел тебя там, на мосту, шесть лет назад.

– Вы поняли? Но как?! – от шока я перестала дрыгаться.

– У женщины и мужчины разный огонь, Лэйрин, а я все знаю об огне. К тому времени ты уже достаточно подросла, чтобы он стал заметен. Было забавно, когда вы с Халиной решили, что можете обмануть меня. Я был взбешен. И заинтригован. Ты слишком не походила на старших дочерей Хелины.

Давняя встреча на мосту вспыхнула перед глазами, вспомнились слова короля: «Что-то я не вижу моего сына среди этих дьявольских порождений... Где же он?» Я была единственным ребенком в нашем отряде. Король не мог меня не заметить, и смотрел он мне прямо в глаза. И говорил с издевкой: «Неужели вот этого худосочного зеленоглазого дьяволенка вы пытаетесь выдать за моего сына? Кто в это поверит?»

Он в тот день дал понять, что не обманут. Почему Хелина не осознала этого? Не может быть, матушка слишком умна. Или поняла прекрасно и расчет был на что-то другое? Не на отцовские чувства, совсем нет. Она... продавала меня?

Только одна лихорадочная мысль металась в опустевшей голове: живой не дамся.

– Но почему вы подыграли ей, сир, и признали меня наследником, если всё знали?

– По нескольким причинам, и первой стало желание переиграть Хелину и наказать за попытку обмана. Ты – единственное, что у нее оставалось, и я захотел отобрать. Вторая причина – мне было плевать, есть у меня наследник или нет, зато успокоились мои подданные.

Я обомлела. Разве может государь заявлять подобное? Ему было плевать на судьбу страны, как какому-то... безродному бродяге!

– Но почему?

Кривая усмешка обезобразила его лицо. Оставив вопрос без ответа, он поднялся, прошел к столику, трясущимися руками налил из кувшина вина в кубок и выпил залпом. За это время я все-таки укатилась с ложа и грохнулась на пол, почти выпутавшись из покрывала. Хотела шею свернуть – не получилось. Трудно это, когда всю жизнь учат не сворачивать себе шею при падениях.

Встала, стараясь не опираться на порезанную ступню. Еще бы руки как-то развязать. Жгут – не веревка, им плотно не свяжешь, и узел уже ослаб.

– Лэйрин, прекрати, – Роберт наполнил оба кубка. – Если тебя до сих пор не убил, то тебе уже не надо бояться за свою жизнь.

– А я и не боюсь... за жизнь... – прошипела я, пытаюсь выдернуть руки из пут. Запястья саднило: кожа содралась. На раненую ногу все-таки ступила, шарахнувшись, когда король подошел вплотную, и от боли в голове помутилось. Упала неудачно: перед глазами оказался матрац. Тоже львами в коронах заткан, как и покрывало.

Роберт перевернул меня, приподнял мне голову и поднес к губам кубок, отвратительно пахнувший вином.

– Пей.

Я набрала жидкость в рот, борясь с тошнотой, и выплюнула ему в лицо. Заработала оплеуху. Кажется, я нашла отличный способ свернуть себе шею.

Роберт, гневно сверкнув глазами, тут же смягчился и приложил ладонь к моей горевшей болью щеке, и, странное дело, боль словно втекла в нее, а щеке стало прохладно.

– Не делай так больше, Лэйрин. Я все-таки король.

Он заставил меня отпить из кубка, я закашлялась, из глаз, наконец-то, брызнули слезы, и силы разом кончились. Стало все безразлично. А Рагар так и не пришел и не спас меня. Несколько насильно влитых в меня глотков вина кружили голову.

– Успокоилась? – король, допив вино из моего кубка, поставил его на пол, усадил меня, прислонив к спинке ложа и натолкав под спину подушек. Сел рядом так, чтобы видеть мое лицо. – Тогда послушай. Самой важной стала третья причина, по которой я согласился подыграть Хелине. Это

ты. Когда я тебя увидел на мосту... у тебя были жуткие глаза, Лэйрин. Таких глаз я не видел даже у больных волков в зверинце. Бездна без единого просвета. Застарелая тоска, какой не может быть у ребенка десяти лет. Изуродованная душа. И ради чего? Я решил спасти тебя от твоей матери. Если бы ты не убила тогда моего коня, то выросла бы нормальной девушкой.

– Такой же нормальной, как стервы Адель и Агнесс? – не выдержала я. – Или такой же, как глупенькая Виолетта? Они хотя бы грамотны? Или, может, у них было счастливое детство рядом с таким заботливым папочкой? Который тискал при них мальчиков!

Король, сжав кулаки, прикрыл полыхнувшие жаром глаза. Сказал хрипло:

– Ты же ничего не знаешь обо мне, Лэйрин. И никогда не хотела знать. Сначала были девушки. Меня женили в шестнадцать. Я даже влюбился в свою первую жену, она была похожа на... неважно. Она утонула на третьем месяце беременности. Три месяца траура, потом новая жена, уже нелюбимая, по обязанности. Мои любовницы дохли как мухи. Несчастные случаи, отравления. Через полгода и вторая супруга опрокинулась в карете: понесли лошади. Был выкидыш, горячка. Снова три месяца траура. Они мне до сих пор снятся, мои девочки. При дворе началась паника среди дам. Боялись на меня глаза поднять – вдруг умрут от одного моего взгляда. Тогда Виннибор... впрочем, это уже не для тво-

их ушей. Мои мальчики хотя бы не умирают так часто, – Роберт резко поднялся и, перетащив к ложу весь столик с подносом, осушил еще один кубок. – Выпьешь? Нет? Зря. Надо выпить, тогда тебе будет не так больно. Потому что сейчас мы займемся...

– Вы мой отец, сир! – я в ужасе дернулась, сползая с подушек к краю ложа, но тут же была водворена на место.

– Нет, Лэйрин, ты не моя дочь, – он усмехнулся, медленно провел пальцем по моим губам, и я вскрикнула от ожегшего меня жара и омерзения. – Хелина и здесь обманула. К счастью для нас, у тебя другой отец, и я догадываюсь, кто.

– Кто? – екнуло сердце. Наконец-то узнаю правду.

– Могу подсказать. Ты очень чувствительна к моим чарам. Я знаю лишь одного, кто реагировал так же. Моего Дирха корчило в судорогах, когда я так к нему прикасался. Он тоже кричал, что я жгусь, – король наклонился близко-близко, к самому лицу, а его глаза стали походить на чаши с расплавленным металлом.

Сердце у меня ухнуло в пятки. Я почувствовала себя вытасченной из воды, еще живой рыбой, чье брюшко взрезает нож рыбака. Сглотнув подступивший к горлу тошнотворный комок, я опустила голову, не понимая, что со мной происходит. Почему так страшно?

Но ведь я всегда чувствовала, что Хелина лжет мне об отце. И Рагар отмалчивался на прямой вопрос. Ох, я и влипла. Ладно, порадуемся тому, что договор на седьмую дочь

Роберта не имеет ко мне никакого отношения. Вот только... Дирх – темный!

В горле пересохло. Внимательно наблюдавший Роберт протянул мне кубок. Я отпила большой глоток. В голове опять зашумело, а во рту появился неприятный кислый привкус. Вино отравлено? Король демонстративно пил из того же кувшина и сосуда, но его кровь способна нейтрализовать любой яд.

– Мой отец – темный слуга? – попыталась я собраться с мыслями.

– Не слуга, – сказал он. – Перед ребенком какого-то слуги Дирх не пресмыкался бы, а ты помнишь, как он перепугался, когда увидел тебя в тронном зале. Он почуял твою кровь. Тогда я и понял окончательно, кто твой отец. Вспомнил происшествие с Хелиной за год до твоего рождения. Ее нашли голой и без сознания в Черной часовне, и все говорило о том, что был проведен темный ритуал. Я не прикасался к ней три месяца, но что стоит ведьме скрыть последствия той ночи и растянуть беременность? Меня больше удивляло другое. Как возможно, чтобы у темного родилась дочь? Такого не было никогда, они испокон веков берут обычных женщин, и от них рождаются только мальчишки – темные воины. Потому я сомневался в личности твоего отца до тех пор, пока Дирх не признал в тебе темную кровь.

– И что теперь? – язык заплетался, меня неудержимо клонило в сон.

– Жить дальше, Лэйрин, – вдруг улыбнулся Роберт. – Потому теперь мы займемся... Не дергайся, займемся лечением твоей раны. А ты о чем подумала, испорченное дитя? Не успел твой наставник отвернуться, как ты тут же притащила в постель какого-то пьяного прыщавого юнца! Так о чем ты подумала?

– А что я еще должна думать, когда вы приволокли меня в такое место, да еще и раздели? – огрызнулась я, покраснев. – И он не прыщавый! И... это не ваше дело, сир! Вы мне никто, как выяснилось.

– Я твой король, – напомнил Роберт. – И для всех остальных ты пока останешься моим наследником, принцем Лэйрином. У тебя неплохо получается, если даже аринты ничего не заподозрили. Но запомни: я не потерплю никаких посторонних людей или нелюдей в твоей спальне. Если хочешь, чтобы с Дигеро ничего не случилось... – он вскинул на меня глаза, и я содрогнулась. – Я рад, что ты понимаешь с полуслова. Тогда еще подумай над тем, что ты с ним делаешь. Он видит в тебе мальчика, друга детства, а ты ломаешь его и приучаешь к неестественным с его точки зрения ласкам. Кончится тем, что он окажется не в твоей, а в моей постели.

– Вы... не сделаете этого! – выпалила я, с ужасом понимая, что Роберт прав.

– Только потому, что этот хорошенький лордик нужен мне в другом качестве. Придется спасти дурака. Ты будешь жить здесь, пока не найдут Рагара, если он еще жив. Он хотя бы

умеет тебя охранять, в отличие от этого лупоглазого Морена.

– Здесь? Тут даже дышать нечем от этих свечей! Я тут умру!

– Возможно, – кивнул король, ловко высвободив из покрывала мою раненую ногу и разматывая обильно пропитавшуюся кровью ткань. – А свечи – иллюзия. Я не хотел сразу тебя пугать. На самом деле это защита, и выглядит она так, – он щелкнул пальцами.

Свечи поплыли, растаяли в огненных сполохах без единого просвета. Вокруг меня снова горел ад из моих снов.

– Не надо, – прошептала я, зажмуриваясь, и тут же закричала от жуткой боли. Казалось, кость расплавилась до колена. Распахнула глаза. Король целовал рану на ступне, словно окунал в жгучий костер. Я дернулась, пытаюсь высвободиться, пнула его второй ногой. Он перехватил ее, прижал коленом и снова лизнул рану огнем. Теперь расплавились все кости. Я заорала: – Отпусти! Ааааа! Рагар, спаси меня!

Через миг сознание рассыпалось огненной вспышкой и легким дымком поднялось в жемчужное небо.

Небо вздохнуло влажной прохладой: «Не могу. Прости, я не выполнил свой долг».

И смертная тоска, и чувство невероятной вины едва не разорвали мне сердце.

А потом я камнем ухнула вниз, перед глазами мелькнула приближавшаяся земля, островки на болоте, верхушки чахлах тощих деревьев. Чавкнула коричневая трясина. К моим

ногам были привязаны железные гири, мгновенно утянувшие вниз, и я захлебнулась болотной тиной.

Я очнулась от собственного кашля. И испуганного голоса Роберта:

– Пей, Лэйрин. Это вода, просто вода.

Зубы стукнулись о металл, в горло пролилась жидкость, я снова закашлялась, оттолкнула его руку с кубком, прохрипев:

– Они утопили его!

Оттолкнула? Мои руки были развязаны, а на запястьях – ни царапины. И боли не ощущалось.

– Очнулась! – Роберт опустил мою голову на подушку. – Как ты меня напугала, девочка.

Я тут же села, вцепилась ему в мокрый рукав.

– Они привязали к нему груз и утопили в болоте!

– Кого утопили? – король обтер мне лицо влажным полотенцем. Выглядел он действительно обеспокоенным.

– Рагара. Как раз на рассвете, когда... Я увидела... – я осеклась: глаза короля сверкнули бешеной радостью, но он тут же опустил веки.

Сказал сухо:

– Это был бред, Лэйрин. Слишком много переживаний для тебя за одно утро. К тому же, ты уже сутки не спишь. Отдохни пока. Здесь еда, – он показал на появившееся откуда-то блюдо с закрытой крышкой. – До вечера тебе хватит. Там кладовая, умывальня и гардероб, – он махнул на стену

напротив камина. – Посередине между софой и камином – вход в кабинет и библиотеку. Защита стоит везде. Если что-то понадобится, просто скажи вслух, я услышу. А пока я тебя оставлю. Рамасха уже во дворце, и у вейриэнов есть новости. Вернусь, расскажу.

Он направился к камину, не обращая внимания на мое возмущение.

– Если будет, кому рассказывать! – прошипела я, с трудом ковыляя к нему.

– Бежать лучше не думай, – нахмурился он, обернувшись. – Здесь вокруг глухой лес, и у него очень дурная слава. Ты даже не представляешь, как далеко от столицы находится это мое убежище. Таких у меня несколько. За первую же попытку бегства запру на необитаемом острове. Через дымоход ты бы не выбралась, для магического огня дымоход не нужен, и выше он перекрыт. Но можешь потренироваться, если станет скучно. Только ступню береги, она еще не зажила.

Король, не спуская с меня серых глаз, отступил в камин и исчез в языках пламени, оставив груды тлеющих углей. Меч он тоже когда-то успел забрать. Я злобно попинала угли здоровой ногой. Как жаль, что настоящие колдуны не горят!

Глава 12

Ни в одном из помещений не было ни окон, ни дверей, словно убежище находилось под землей. Не нашлось ни песочных или водяных часов, и я потеряла счет времени.

Чувства голода я не испытывала, только жажду, но вода в кувшинах странно горчила. Снотворное? Возможно, иначе при таком ярком свете от сотен иллюзорных свечей я бы не могла спать, а в сон клонило поминутно.

Какое уж тут бегство.

Я очнулась, лежа щекой на чем-то твердом и неудобном. Яркие стены были пригашены и напоминали осточертевшие тлеющие угли, но не угрожающе багровые, а мягкие, с завораживающе плавными зеленоватыми и голубыми переходами.

Через миг осознала, что под головой – мощное королевское плечо, а на мне – тонкая сорочка, задравшаяся выше колен. Я не помнила, чтобы переодевалась, да еще в такую пикантную видимость одежды. Впрочем, на истерику сил не было. Да и толку... кончится тем, что меня опять свяжут, как помешанную.

Роберт был одет в рубашку и панталоны, на осунувшихся щеках пробилась рыжеватая щетина, а его немигающий взгляд устремлен в мерцающий огнями свод. Я дернулась в панике. Почувствовав цыплячье трепыхание, он покосился,

крепко прижал меня к горячему боку:

– Спи, Лэйрин. Не бойся, я так же безобиден, как твой невинный и непрыщавый горец.

Ооооо! Он теперь мне до конца жизни не забудет? Да какое он имеет право говорить так о Диге?!

– Сир, пустите, это... неприлично! – я попыталась отодвинуться и прикрыться покрывалом.

– Кто бы говорил, – фыркнул он. – Ты уже ночевала наедине с мужчиной, и ничего страшного не случилось. Я же не лезу к тебе с поцелуями. Что тебя смущает?

– Вы.

– Я? Лэйрин, не принимай меня за зверя. Выбрось разные интересные, но нескромные мысли из головы и спи. Или хотя бы не мешай мне, я пытаюсь усовершенствовать твою защиту, а для этого нужен физический контакт и полная сосредоточенность.

Именно что зверем я его и считала – свирепым и буйным, не думающим ни о чем, кроме пиров, войн и фаворитов.

– Прошу вас, сир, не травите меня больше снотворным, – пробормотала я, засыпая.

– Что? Какое снотворное? – донеслось удивленное.

Кажется, меня даже потрясли за плечо, но я только брыкнула ногой и провалилась в пустоту, где не было ни ада, ни рая, ни светлых, ни темных, ни рыжих. Ничего. Только чистое жемчужное небо, без единого облака или птицы. Безжизненное небо.

Проснулась я в слезах и с чувством невозможной тоски и потери.

Король спал, скрючившись на софе. Как такое крупное тело туда поместилось, даже сложившись вдвое – непонятно.

– Ну, знаете ли, – выдохнула я. – Если вы хотели меня растрогать, сир, у вас это получилось.

Вздвогнув, он открыл глаза. Ничего не понимающий со сна, по-детски беспомощный взгляд серых глаз мгновенно стал стальным, обшарил комнату, наткнулся на меня и прояснился.

– Что случилось, Лэйрин? Почему ты плакала?

– От умиления. Идите сюда и выспитесь по-человечески, места хватит. Вы уже лежали в этой постели, и ничего страшного не случилось. Надеюсь, не случится и впредь.

Он застонал, поднимаясь и расправляя скрюченное тело.

– Я лучше на ковре. В том-то и дело, что я недооценил свою... человечность.

– Можно подумать, у вас нет другой спальни.

– Есть, – уныло признался король, с силой потеряв ладонями лицо. – Но там нет те... такой серьезной защиты. А на то, чтобы поддерживать два убежища, уходит непозволительно много сил.

– Я уже выпалась. Пойду, почитаю что-нибудь.

Завернувшись в покрывало с золотыми львами, как в мантию, я проковыляла в умывальню – на ногу еще больно было ступать. Роберт перебрался на ложе, тут же уснул, обняв по-

душку, и не пошевелился, когда я на цыпочках прокралась мимо в библиотеку.

Какое-то время я честно пыталась читать, выудив с полки первую попавшуюся книгу. Это оказался трактат «Расцвет и падение империи Таубергов» – дело почти двухсотлетней давности. Часть рухнувшей империи степняков вошла потом в состав равнинного королевства. Помнилось, что Шаэт из этих мест. Какой же гадюшник там таится еще со времен Таубергов?

Веки неумолимо закрылись, голова уютно устроилась на странице. Наверное, чтобы путь к знаниям был как можно короче.

Пухлый трактат был жестоко выдернут у меня из-под щеки.

– Лэйрин, эта подушка тебе милее? О, ты читаешь в оригинале?

– Матушка учила меня пяти языкам, ваше величество, – я протерла глаза, решив, что сон продолжается: на столе вместо трактата оказался поднос с аппетитным, еще дымившимся цыпленком, пирожками, творогом, медом в вазочке и чайником с двумя чашками. – А это откуда?

– С королевской кухни, – Роберт придвинул к столу еще один стул, уселся напротив. Побритый и значительно посвежевший, даже пепельный оттенок кожи исчез, ушли тени из-

под глаз, и выглядел он уже не стариком, а вполне на свои почти сорок лет. Тоже старик, впрочем. – Я думал, с языками – это шутка. О четырех догадываюсь: наш, горцев, южный, на котором написан трактат, и твоих друзей-северян. А пятый?

– Священный язык айров.

– Многовато на одну голову, да еще девичью, – усмехнулся он. – Хватило бы двух: государственного и священного. Время наследных принцев слишком дорого, чтобы отнимать его на необязательные знания. Для переговоров существуют толмачи. Тот, кто знает язык айров, легко выучит все остальные, если будет нужда, а общий смысл поймет и без глубокого обучения. Чему еще тебя учили эти пять лет?

Я перечислила. После чего он заметил:

– Астрология меня особенно впечатлила. Из твоего почти бесполезного образовательного набора следует вывод, что Хелина задумала не просто подсунуть мне псевдонаследника, получить обманом мой дар и вернуться затем в горное логово, а решила править здесь за твоей спиной после моей смерти. И как она представляла тебя, девушку, в роли короля, пусть даже кукольного?

Аппетит, пробудившийся от заманчивых запахов, резко пропал. Я холодно ответила:

– Поинтересуйтесь у вашей супруги, сир.

– Всенепременно! – с чувством процедил он. – Я написал ей вчера, что безумно соскучился. Но она мне уже не супруга. Я заставил кардинала дать нам развод. В предгорном

поместье Хелины уже давно собраны доказательства ее колдовства и связи с дьяволом, делу дали ход и заочно приговорили ведьму к сожжению. Будет весело, если она все-таки высунется из горного логова, чтобы помешать моим планам.

Он сумасшедший, – похолодела я.

– В моем послании я предупредил ее, – успокоил Роберт.

– Чему же она не должна помешать? Моему заточению?

– Вот об этом и поговорим. Как ты сама представляла свое будущее, Лэйрин?

Не в плену. Я промолчала, с тщанием размазывая ложечкой творог по тарелке.

– Понятно... – помрачнел он. – Тогда давай поговорим о настоящем. Почему ты не ешь? Ты голодаешь уже двое суток.

– Сколько? – ложка выпала из пальцев, лязгнув о край серебряного блюда.

– Двое суток. Никакого снотворного я тебе не подмешивал – не мой боевой стиль, – усмехнулся он, наблюдая за мной из-под рыжих полуопущенных ресниц, как за диковинной зверушкой. – Честно говоря, сначала я ожидал, что ты попытаешься бежать, и обрадовался твоему беспробудному сну, но потом забеспокоился. Сегодня ночью я разобрался в твоём состоянии. Это конфликт сил.

Я вопросительно выгнула бровь.

– Конфликт темной крови и светлой, – пояснил Роберт. – Мой дар – часть белой магии гор. Если бы ты была полностью

темной, я не смог бы наложить на тебя даже малую защиту, как не смог дать ее Дирху. Но ты до какого-то предела терпишь мои чары, и они работают. Более того, связь поддерживается даже на огромном расстоянии. Если бы кардинал не проверял тебя дважды, я бы заподозрил, что в тебе уже есть какой-то горный дар, и он помогает удерживать мою магию, но ты чиста. Или нет?

Он с подозрением прищурился. Надеюсь, мои кристально честные глаза меня не выдали. Все равно родовой дар заперт волей матери. Можно считать, его нет и не было.

– Не понимаю, что в тебе может откликаться моей магии? – Роберт отвел, наконец, взгляд. – Я же чувствую отклик, не только сопротивление. Остается предположить, что темная и светлая кровь сосуществуют в одном сосуде, не смешиваясь. Но, стоило мне усилить чары, как баланс нарушился. Это твоя темная кровь тебя усыпляла, девочка. А вывод печален: я не смогу передать тебе дар без подготовки. Он может убить тебя.

– Зачем он мне? Рагар говорил, что вы сами должны...

– Король никому ничего не должен. Горцы совсем обнаглели! – проворчал Роберт. – Что бы ни говорил Рагар, планы придется менять. Духовная связь с наставником, да еще таким, как высший белый вейриэн, была для тебя очень серьезной защитой. Но он мертв.

– Так мое видение – не бред? – в этот миг страшно хотелось заплакать, но я держала лицо.

Как он мог взять и умереть? Он, высший мастер вейриэн! Бросить меня, ничему толком не научив? А я теперь барахтайся! – прикусила я дрогнувшие от нахлынувших чувств губы.

– Похоже, ты действительно видела его смерть, Лэйрин. Тело не нашли, но рассказ Сиарея не оставляет никакой надежды. Попробуй зарисовать свое видение, это может помочь в поисках. Рамасха согласился дать ласхов, чтобы облететь местность.

Роберт отодвинул поднос, выудил из ящика и положил передо мной перо и лист бумаги.

Я сосредоточилась, вспоминая сон: форму островков, кривые деревья, линию горизонта. Боги, да как по этим деталям опознать нужное место? Все болота одинаковы! А под внимательным взглядом короля рука дрожала, и получалось еще хуже.

– Теперь тебе нужна другая защита, Лэйрин, не менее сильная, – говорил он. – Дар огненной крови – лучшая защита после силы белого вейриэна. Но тебе придется жить в этом убежище несколько месяцев или даже лет, пока твоя кровь не примирится с огненной магией.

– Нет! – перо в руке сломалось, испортив рисунок.

– Да, – король вынул второе перо. – И еще одна неприятность: если со мной что-то случится вне этих стен, ты здесь погибнешь сразу – башня самоуничтожится, ее защита пока привязана ко мне. Чем скорее ты примешь дар, тем лучше

для тебя.

– А для вас, сир?

– И для меня, – криво улыбнулся Роберт. – Быть единственным носителем проклятого дара – весьма обременительно. Разделить его – моя давняя мечта, – на мой недоверчивый взгляд он поморщился. – Только с кем? Ни одна из моих дочерей не смогла принять эту силу, ни искры. Да и за всю историю Белогорья лишь трижды «огненную кровь» получали женщины. Впрочем, они обычно ее не ищут – слишком страшен такой дар для нежных дамских сердец. И вдруг – откликаешься ты! И пусть сопротивляешься одновременно, но это преодолимо.

У меня возникло чувство, что король лукавит или что-то не договаривает, но я сосредоточилась на рисунке и ощущение прошло. Потребовался с десяток листов, пока мои каракули не стали походить на то, что я помнила уже смутно.

Тем временем, Роберт рассказал о ловушке, в которую попал мой наставник. Как выяснилось из доклада выживших, на зов бывшего герцога, инсея Виннибора, пришел сам владыка Темной страны и пять его князей с черными вейриэнами – сотни три. У Рагара же – всего два десятка белых вейриэнов и полсотни ласхов, шансов никаких.

– Твой наставник и ласхи уничтожили трех темный князей, неплохой счет, – чуть ли не с завистью сказал король. – И один из них был твоим женихом по договору с Хелиной.

– А разве...

– Речь в брачном договоре с темными шла о седьмой дочери леди Хелины фьерр Грахар. Я не имею к этой сделке никакого отношения, и о существовании документа узнал от твоего наставника.

– Я не об этом хотела спросить, сир, если позволите. Разве Рагар еще не воскрес?

Роберт с изумлением воззрился на меня, его губы странно дернулись, словно он хотел расхохотаться над несусветной глупостью, но с невероятным усилием сдержался.

– Но уже двое суток прошло... – пробормотала я, краснея. – Он говорил Рамасхе, что его смерть будет недолгой. Это не так?

Король, задумавшись, покрутил перстень на пальце. Вскинул глаза, почему-то потемневшие, как от скрытого гнева:

– Недолго по меркам практически бессмертного белого вейриэна. Лэйрин, насколько я понял, ты разбираешься в математических закорючках, древней истории и алхимических формулах, но потрясающе мало знаешь о том, что действительно стоит знать о мире.

– Вот это я как раз знаю, что ничего не знаю, – буркнула я. – Так Рагар обманывал?

– Нет. Ему потребуется несколько лет, чтобы воскреснуть. Но твой вопрос опять возвращает к мысли, что тебя сознательно держали взаперти и почти в полном неведении, – он поднялся, не в силах сидеть на месте, прошелся вдоль стеллажей, отопнув помешавший стул. – Догадываешься, поче-

му?

– Потому что мой отец – темный.

– Да. Дитя темного в Белогорье! Заложник, если называть вещи своими именами. Более того. Впервые за все века у темных родилась девочка, и оказалась ребенком горной леди, какая удача! – Роберт продолжал нервно ходить, так резко поворачиваясь, что я вздрагивала. – Ты – бесценное сокровище, Лэйрин. И все же я удивляюсь, почему Рагар не убил тебя, а взял под защиту. Высший мастер не мог не понимать, что использовать тебя он не сможет.

– Почему? – удивилась я.

– Они – стражи другого Белогорья, страны духов. Изначальные враги Темной страны. И никакая цена, никакая выгода не сможет оправдать в глазах белого вейриэна ту силу, какую может получить с тобой темная кровь. Азархарт, если узнает правду, ничего не пожалеет, чтобы получить тебя, а Белогорью без королевы не выстоять. Но Рагар оставил тебе жизнь и защитил. Загадка. Не понимаю! – он в сердцах стукнул кулаком по шкафу так, что фолианты с грохотом выпали. – Дьявол! Или я не учитываю какого-то очень важного фактора, очень... Но, конечно, ни Хелина, как леди гор, ни вейриэны не могли допустить, чтобы дочь Азархарта узнала о Белогорье что-то большее, чем известно всему миру.

– Чья дочь? – мне невыносимо захотелось сползти с кресла под стол и спрятаться от всего мира.

Вздыхнув, Роберт опустился на стул, жалобно скрипнув-

ший под его весом.

– А я не сказал тебе? Дочь темного владыки. И я уверен, что Хелина и его обманула, или он особо не интересовался последствиями их встречи. Сыновей у него много, одним больше, одним меньше... Девочку и предположить было немыслимо, потому в договоре речь идет не о его ребенке, а о седьмой дочери Хелины. Рагар показывал мне копию, у нас с ним был откровенный разговор перед его уходом. И говорится там о том, что рожденного от темного владыки сына Азархарт оставит ей в обмен на дочь. Но родилась ты. Выдать тебя за мальчика – хорошая идея, и я уже не осуждаю Хелину за обман. У нее не было другого выхода. Но сейчас, Лэйрин, передо мной очень нелегкий выбор.

– Догадываюсь, – сглотнув комок в горле, прошептала я. – Либо продать меня папочке, либо мамочке. В Темную страну или в Белые горы.

Король недобро усмехнулся.

– Белые горы? Да, я смогу получить от них военную помощь за тебя, но она обернется куда большими потерями и для меня, и для них, если о тебе узнает Азархарт. У меня есть другой способ привлечь Белогорье в союзники – мой дар.

– Остается Темная страна?

– Самый выгодный для меня вариант, – кивнул Роберт. – Я все-таки государь, как бы мне иногда не хотелось забыть об этом. А ты, по сути, моя пленница. Здесь тебя никто никогда не найдет, пока я жив. С моей смертью умрешь и ты. Если

я скажу Азархарту, какое сокровище в моих руках, он вытрясет из инсеев и шаунов все, что ими было украдено в моем королевстве за двадцать лет, и страна возродится за месяц. Не будет ни одного нищего и голодного. Это навскидку. Можно и луну с неба попросить – достанут.

В горле у меня опять пересохло, и я налила себе холодный отвар из чайника. Роберт галантно подогрел. Удобный дар. Вот матушка без очага не могла обойтись.

– Зачем тогда вы усиливаете защитные чары на мне? Зачем говорили о передаче дара, если вы уже решили, сир?

– Такое сокровище надо хорошо защищать, – пояснил Роберт. – А еще лучше – научить это чудо, чтобы оно само себя защищало. Я еще ничего не решил, все зависит от твоего выбора. Мне бы хотелось услышать, что выберешь ты, какой путь. К папе или маме? Что хочешь ты сама?

Это был первый в моей жизни человек, которого интересовало, что хочу я сама.

– Просто жить, знаете ли. И чтобы меня все оставили в покое.

– Не судьба тебе просто жить, дочь Азархарта. Как и мне никогда не стать простым рыцарем, особенно, с моим проклятым даром.

Подтянув колени в кресло, как я любила сидеть в горном замке, я обняла их и спрятала лицо от слишком пристального королевского взгляда. Ужас был не только в том, что от темного впервые родилась дочь. Все когда-нибудь случает-

ся впервые, даже наш мир случился нечаянно, когда божественные айры заигрались в свои странные игры.

Мое несчастье состояло в том, о чем Роберт еще не знал: я унаследовала дар рода – способность воплощать духов предков. И пусть Хелина заперла его волей матери, но ведь может и открыть. Или ее смерть снимет запреты. А тот дом, куда добровольно входит носительница дара, входит и в страну духов, в Белогорье. А если это будет дом темного владыки? Вот он, кошмар кошмаров!

Почему же Рагар не убил меня? Ведь он знал, что мой раскрытый дар станет дверью для темных. Может быть, все дело в слове «добровольно»? Но о владыке темных я читала Лириане очень много страшных сказок. Мало кто мог противостоять воле Азархарта. Если даже лорды Белых гор становились его князьями...

Боги, боги... какие же силы и храбрость понадобились моей матери, чтобы спасти мою жизнь, укрыть от всех, не отдать меня ни лордам, ни горным духам, ни Азархарту!

Роберт вздохнул, по-своему истолковав мое молчание.

– Вот мы и вернулись к тому, Лэйрин, с чего начали: ты можешь принять мой дар. И тогда все, кто пытается тобой манипулировать, останутся ни с чем. Белые горы опасаются подземного пламени, и в тебе они увидят спасение. Темные боятся моего огня – осколка от белого пламени, и ты станешь для них угрозой. Но у «огненной крови» высокая цена. Три пути перед тобой. Выбери.

Мои плечи затряслись, как я ни пыталась сдержать слезы. Ладонь Роберта опустилась на мою голову, осторожно, едва касаясь, поворошила короткий ежик волос. Горячая волна прошла от макушки до пяток, осушив слезы и оставив странное тепло в сердце.

– Ты не поверишь, девочка, но я в детстве тоже плакал, когда понял, что никуда мне не деться от «огненной крови», – с грустью сказал он. – Этот дар слишком дорого стоит. Он отнимает у человека самого человека. Меняет сердце и душу. Я рос стеснительным мальчишкой, любил смотреть на звезды и тайком сочинял баллады. А стал чудовищем. Не человек – носителем. И мой сын был бы так же обречен... Не плачь, принцесса. Мы что-нибудь придумаем.

– А другие варианты есть? – сухо спросила я, устыдившись слабости. Плакать перед Робертом Сильным, еще чего!

– Еще один, последний. Но это не путь для тебя, а отсрочка выбора. Полезная для меня отсрочка. Мне нужно время, чтобы вытащить королевство из той задницы... ох, прости, Лэйрин, ты так похожа на Дирха, что я забыл, с кем говорю, – лукавая усмешка проскользнула в его глазах, когда я возмущенно дернулась. – Так вот, мне надо спасти эту несчастную страну, которой так не повезло с государем.

– Не поздно ли вы спохватились, ваше величество?

– Поздно бывает, когда приходит Темная страна. Тебе тоже нужны время и защита. Я предлагаю сделку. Если ты согласишься, то уже через час мы вернемся во дворец, и тебе

уже никто не сможет угрожать, даже Азархарт. Год, самое большое, ты будешь в безопасности, но потом выбор неизбежен.

Рыжий король оказался, пожалуй, самым тонким интриганом из всех, кого я знала, потому что не боялся откровенности. И он обладал потрясающим даром убеждения. О, я в полной мере узнала, что такое горящий взор и пламенная речь Роберта Сильного, когда он излагал мне суть сделки. «Огненная кровь», что вы хотите... Да и трудно ли убедить в чем-то наивную перепуганную девочку?

– Есть способ ускорить адаптацию моей магии к твоей крови, – интригуяще начал король. – Даже если ты потом откажешься принять мой дар, подготовка не помешает, а защита останется. Но, главное, твой отец не сможет подчинить твою кровь его воле. То, что я тебе предлагаю, называется на языке айров – Айшери, прядущие нить души. Это чисто духовная связь, сродни той, что связывает наставника и ученика.

Я заподозрила худшее – ту же матримониальную аферу, что предлагал мне Рамасха с подачи моего наставника, и не ошиблась.

– С чего ты взяла, что это брачный обряд? – удивился король. – Плохо тебя обучали. О браке и речи нет. Это первоначальная магия, и никто не имеет ни права, ни сил вмешаться в него, вот в чем прелесть. Всего лишь обряд поименования, Лэйрин. В этом растянутом на год обряде у столь

странных существ, как айры, совершался выбор душевного друга, «второго сердца». Следующий этап так и называется – Лайсе, прядущие нить сердца. Но сексуальные отношения на весь период обряда запрещены, и на стороне тоже. Полное очищение душ – вот что тут главное.

Это я уже знала, и даже развеселилась, когда Роберт тяжело вздохнул:

– Для меня это будет все равно, что уйти в монастырь. А третий этап – Ноиль, прядущие нить жизни, нам не понадобится. Наш пол дан нам свыше, но айры, если возникало любовное влечение, и они задумывались о будущем браке, выбирали на этом этапе свой пол и облик, решали, кем они хотят быть друг для друга. Вариантов было четыре. Видишь, ничего страшного в обряде нет. Год, всего год, Лэйрин.

Сначала я категорически отказалась от этой сделки, готова была просидеть в башне до скончания веков. И так типично по-женски сдалась через полчаса, когда Роберт принес из библиотеки древний свиток с описанием обряда, его условий и последствий.

Я его изучила внимательнейшим образом.

Действительно, обряд выбора «душевного друга» не обязывает к браку. О нем вообще речь шла, как о чем-то противоестественном самой сути этой магии. Это уже потом, после завершения, если возникало желание, айры связывали судьбы.

Обряд поименования помогал распахнуть свою душу и

принять чужую, увидеть мир и себя глазами другого, как не дано человеку, достичь более полного взаимопонимания и чуткости, чем существует даже между близнецами. Получавшие истинные имена становились *одной гармонией*. Айры называли это так. Чтобы придумать такую магию родства, нужно быть очень одинокими существами. Совсем как я.

Увы, в свитках не было ответа на вопрос: зачем эта морока королю?

А меня это весьма занимало. Зачем ему выбирать «зеркалом души», «вторым сердцем» глупую шестнадцатилетнюю девицу? С моей точки зрения для него, кроме самоограничений и хлопот, не было никакой выгоды. Вот разве что это – я добралась до последних рун свитка – сила соединенных таким обрядом магов возрастала многократно. Магическая, духовная и телесная. Почему же столь простой способ обрести могущество оказался забыт? Не потому ли, что требует высочайшего самоотречения, иначе ничего не получится?

Я взвесила все «за и против» и не увидела другого спасения из паутины, где на одну запутавшуюся муху приходился десяток пауков.

Мы заключили сделку.

Впоследствии я смогла оценить: Роберт не лгал мне ни в чем, как и обещал. Но, великие боги, как же многого он не сказал! Как и Рагар – не захотел, не смог, не успел.

«Второе сердце», с ума сойти.

Глава 13

Последний месяц осени в равнинах назывался *норвей*, «северный ветер». Может быть, когда-то название соответствовало явлению, но не в этом году. С того дня, как король выпустил меня из башни, все время дул южный ветер. Такой теплый, что деревья, уже сбросившие листву, за неделю подернулись нежной дымкой молодых листочков. Невероятно.

Потом менестрели и фанатики назовут эти выпавшие из круга времен дни «чудом священного пламени». Все пишется с больших букв, но я в таких случаях экономлю чернила.

На самом деле неожиданное потепление принесло новые несчастья: раскисшие дороги, зловоние из растаявших канав, вспышки болезней. Остатки осеннего урожая начали гнить, и в стране воцарилось отчаянье. И даже придворные заговорили о тени Темной страны над королевством.

Мне словно нож в спину вонзали, когда слышала. Казалось, все знают, кто мой настоящий отец, и косятся то ли с ужасом, то ли с презрительным осуждением. Моя мнительность, да.

Впрочем, было и осуждение, и презрение. Особенно, в глазах хорошеньких фрейлин и знатных матрон с дочками на выданье. Ущелья с пиками на дне, а не глаза.

Еще бы. Король теперь ни на шаг не отпускал от себя наследника – приемы послов, просителей, обеды, допросы, со-

вещания без меня не проходили. И королевские попойки, само собой, хотя до прежнего размаха Роберт не опускался. Да и состояние казны не позволяло.

Ласхи докладывали мне о возобновившихся слухах. Яблочко от яблони, мол... А, значит, фавориток не будет. Ну, не мерзавец ли этот принц? Не урод ли? Ничего нового.

Знали бы сплетники об истинном положении дел – языки бы стерли!

Ни меня, ни Роберта эти мелочи уже не волновали. А вот Рамасху – весьма.

Многоликий маг, видящий истину. Как-то я уже забыла об этом неприятном для окружающих таланте северного принца. Он сразу понял, что теперь связывает меня с королем, едва увидел нас в зале совещаний.

Совещание Роберт организовал сразу же, как вернул меня во дворец. Решил расставить точки над рунами, чтобы прекратить слухи об опале наследника.

Принц Игинир вошел стремительно и словно споткнулся, замерев. Душа замерзла от жуткого взгляда его в один миг помертвевших глаз. Вот если представить тонкий, еще прозрачный лед на озере, и под ним внезапно всплыл утопленник и прижался лицом к тонкой грани – такое было ощущение, страшное, ирреальное.

Рамасха тут же отвернулся, сжав губы в нитку. Король поднял бровь, усмехнулся этак зло и с превосходством, как поверженному сопернику, но тоже промолчал.

Принц забрал мои рисунки предполагаемого места гибели Рагара, поставил на столешницу мою черную королеву – ту самую, которую наставник похитил после моей нечестной игры – и ушел, ни слова не сказав.

Черная королева...

Рагар ничего не делал просто так. Почему он передал ее не мне в руки, не вейриэнам, а северянину, чужаку? «Ваш ход, Лэйрин», – как наяву услышала я его мягкий голос. Ход королевой. Дьявол, ненавижу эти загадки наставника! И уже не спросить его... Но почему через Рамасху? Не потому ли, что он – принц Севера, а Темная страна сейчас находится на их западном побережье? Значило ли это, что я совершила ошибку, согласившись на сделку с Робертом, и только приблизила зло? Если так, то предупреждение опоздало.

Король свернул совещание. Когда все удалились, он, покосившись на меня, нахмурился.

– Что с тобой, Лэйрин? У тебя такие глаза, словно перед тобой призрак.

– Можно сказать и так, – я пальчиком коснулась короны на фигурке из черного агата.

– Да, все забываю о просьбе Рагара отдать тебе это, – Роберт поставил рядом с черной... мою белую королеву, давным-давно конфискованную наставником при сходных обстоятельствах, и которую он пять лет зачем-то таскал в кармане.

Я не сдержала улыбку, а в душе потеплело. Рагар! Он на-

шел способ дать мне наставление даже после смерти, словно предвидел или просчитал все заранее. И Рамасха, и Роберт предлагали мне один и тот же ход – обряд айров. Но белая королева у Роберта, значит, я сделала правильный выбор. Какая радость.

– Вы ведь не просто забывали отдать ее, сир? – спросила я.

– Не просто, хотя и не знал о черной королеве у Рамасхи. Я не хотел, чтобы что-то повлияло на твой выбор. Впрочем, – усмехнулся он, – если бы ты выбрала неправильный вариант, я бы сыграл королевой.

Игроки. Вокруг меня сплошь игроки, а я могу не успеть научиться... Но думать я еще способна, не так ли? Из разыгранной комбинации с двумя шахматными фигурками следовал вывод: Рагар знал, что не вернется. Потому и забрал перед самым уходом черную королеву, чтобы сыграть чужими руками.

Но почему он отправился в заведомую ловушку, если знал? Это не его, стража Белогорья, высший долг – гнаться за врагом равнинного короля, презираемого всеми горцами! Или наставник запланировал свой уход? С него, вечно-го, станется. Какую сделку он заключил с Робертом? За что продал свою очередную жизнь?

Мысли метались, как куры в курятнике, куда залезла лиса, и ни одну я не могла поймать и додумать.

– Ваше величество, о чем вы договорились с моим наставником? – я подняла глаза на Роберта. – Ради чего он умер?

Он знал, что не вернется.

Король, поднявшись, отошел к окну, сцепил пальцы у лица.

– Умеешь ты выбирать вопросы... Он не мог знать. Впрочем, может быть как-то он и чувствует темных. Шестнадцать лет назад, когда вейриэны сопровождали Хелину и новорожденную тебя в горы, Азархарт напал на вас в предгорье, но сумел захватить только Рагара и семь лет держал его в плену. Мертвым.

Я попыталась представить, что пережил наставник, и содрогнулась. Но пришла в себя, поняв, как умело Роберт увел разговор в сторону.

– Это все очень интересно, ваше величество, но позволено ли мне узнать, какую сделку вы заключили?

– Нет. У договора две стороны, и это не только моя тайна. Одно скажу: наше с Рагаром соглашение выгодно и Белогорью, и моему королевству в целом, и тебе. Твое обучение и защита огненным даром – часть договоренности, – он прищурился на шахматные фигурки. – Белая и черная. Символично. Если Белые горы пошли на огромный риск и оставили тебе жизнь, Лэйрин, то это наводит на очень интересные мысли... Что в тебе может быть такого, что они не хотят терять? Не заперла ли Хелина в тебе родовой дар дома Грахар? – и он широко улыбнулся, уловив мое смятение. – Что ж, тогда понятно. Тринадцатый великий дом – большая потеря для кланов.

– Но настолько ли большая, чтобы оправдать риск потерять само Белогорье?

– Я тебе уже говорил, что ты задаешь хорошие вопросы? – засмеялся король.

Но я успела уловить тень, мелькнувшую в его глазах. И поняла, что горы позаботились о том, чтобы свести риск к минимуму. Не могли не позаботиться.

От внезапной догадки мой голос упал до шепота:

– Это ведь не только защита – то, что вы делаете со мной? Вы обещали Рагару обезопасить мою кровь. Очистить меня или убить. Чтобы темные никогда не смогли мной воспользоваться, ни при каких обстоятельствах. Так, сир?

– Ты сообразительна, ученица вейриэна, – кивнул Роберт с явным неудовольствием. – Мой дар либо очистит твою кровь, либо убьет. И никто не знает, как все это повлияет на тебя в конечном итоге. Твоя душа, разум и тело – одно целое, а выжечь надо половину. Темную половину. Но у нас год и обряд айров, чтобы процесс был постепенным и менее болезненным.

Год огненных пыток. Уже не во сне, а наяву.

И от меня останется половина. Чистенькая и светленькая. Незамутненная даже пеплом. Боги, спасите меня.

– А что получите вы, выше величество? Ради чего вы согласились год соблюдать celibat и возиться со мной?

– Догадайся, – раздраженно бросил король.

Что ж, это не трудно.

– Бессмертие. Ваш дед был младшим горным лордом, но теперь и вы, и весь ваш род – изгои. Вас вернут в Белогорье, всех. Когда придет королева, духи ваших предков смогут воплотиться, и вы потом тоже, сир. Потому вы никогда не отдали бы меня Темной стране, не стали бы спасать королевство. Пусть оно вымирает от голода и болезней, зато вы лично и ваши предки обретете утраченное бессмертие. Вы блефовали в разговоре со мной.

Его передернуло, но он осклабился в злой усмешке:

– Условное бессмертие, Лэйрин. Без своих живых потомков духи не могут вторгнуться в мир. Но и за такое бессмертие кто-то отдаст не только государство – весь мир. И не забывай: наша с Рагаром сделка – это и твоя вторая жизнь, если ты не сможешь передать родовой дар своей будущей дочери. Это возвращение в жизнь сотен погасших горных домов. Потому что королева сможет придти только в том случае, если я верну Белогорью «огненную кровь».

– Это тоже входит в вашу с Рагаром сделку, даже не сомневаюсь.

– Еще бы! – фыркнул король. – Но вряд ли ты понимаешь суть. Раньше я не задумывался, почему в горных кланах больше не рождается белая королева. Сам факт меня радовал, как государя – ведь именно эта беда поставила горы на колени перед равнинами, сделала их зависимыми от нас, потомков Астарга фьерр Ориэдра, от изгоев, проклятых в каждом горном доме. И дело не в страхе горцев перед пробужде-

нием подземного огня. Это мелочи. Знаешь ли ты, что случилось на самом деле полтора столетия назад? Знаешь ли, что такое эта «огненная кровь», провалилась она в ад?!

– Откуда же мне знать, сир? – прошептала я, ежась от его вспыхнувшего болью и яростью взгляда.

– Прости. Я, кажется, опять тебя напугал... – рыжий буйвол рухнул в кресло, жалобно скрипнувшее под его весом. Стиснул кулаки. – Мой дед Астарг забрал сердце белого пламени! Кое-кто научил его, как это сделать – сам он не был настолько гениален и силен. Но сердце вне тела умирает. А кто в нашем мире владыка над мертвыми?

– Азархарт, – голос у меня сел окончательно. – То есть, это все затеял он?

– Вряд ли кто-то еще смог бы провернуть такую интригу.

– Но как он смог бы обойти стражей Белогорья?

– Рагар в последний наш разговор что-то упоминал о доме Раэн. Дом Ориэдра был дружен с ним. А один из темных князей Азархарта – выходец из рода Раэн. Возможно, через них. Не знаю. Дед никогда не говорил об этом.

А у белобрысого мерзавца Наэриля интересная родословная, – сделала я зарубку на память.

– Так вот, Лэйрин, – продолжил король. – Без огненной составляющей магия горцев, это их «белое пламя», стало ущербным. Магия неполна. Потому и не рождается королева гор, потому и время возрождения белых вейриэнов увеличилось многократно. И я еще не знаю обо всех последстви-

ях – горы хранят свои тайны. Зато знаю, что и вырванный Астаргом огненный дар – тоже ущербный. Получилось так, что в горах остался свет, но он не греет. У рода Ориэдра остался... назовем это – жар, но он не светит. Огненный дар стал для нас медленным ядом, отнимающим разум. Мой дед Астарг, когда изгонял разноцветных колдунов из равнин, основал инквизицию и жег людей и магов сотнями, мой отец Даниэль превращал в пепел города вместе с тысячами жителей, и не всегда это были вражеские поселения. Оба они впали в безумие к концу жизни. И я еще недавно был слишком близок к тому же!

Он поднялся, прошелся по залу, отпинывая стулья и ерша рыжие с белым пеплом волосы, – огромный, злой. Остановился, вперившись в тлеющие угли огромного камина.

– И эта сила растет, Лэрин. Растет и мрачнеет, слепнет с каждым поколением, потому я и не особо переживал, что у меня нет сына, который унаследовал бы ее. Вероятно, мой дар убивает уже страны. Помимо моей воли. А в следующем поколении кровь станет совсем неуправляемой, если ее вновь не соединить с духовным телом – Белогорьем.

– Что значит – страны?

– Ты знаешь, что мое королевство почти погибло.

– Но вы же не сожгли его.

– Может быть, это я иссушил его. Моя жажда. Но и сожгу уже сознательно в том случае, если сюда явится Темная страна. Они не получают ни эту землю, ни моих подданных в

свою армию мертвецов... – король повернулся, резанув острым взглядом. – Поздно сожалеть о сделанном, Лэйрин. На договор с темными я не пошел бы ни за какие блага мира. Инсеи заключили с ними сделку, но это не остановило катаклизмы в их землях. Впрочем, сейчас нам доложат новости. Идем.

Роберт, ухватив меня за локоть, стремительно шагнул к двери. Я едва успела цапнуть своих королев со стола. Две шахматные фигурки с тех пор поселились в моем кармане – напоминание о том, что выбор всегда иллюзорен, когда играешь не ты, а тобой.

В тот день мне чуть приоткрылась истина – как высоки ставки в той жестокой игре, где я была пешкой, да и король Роберт – совсем не той фигурой, чьим именем назывался. Рыжий бык, свирепый тур, сносивший все препятствия со своего пути – это точнее.

И после принца Игинира он устранил и Дигеро. Сразу же, едва выйдя из зала советов.

Мне и со здоровой ногой было бы за не угнаться за Робертом, а с раненой...

Король не смутился, когда я завалилась на бок. Закинув мою руку на свою шею, он обхватил меня за талию и вытащил из зала под вылупленные очи толпившихся за дверью придворных, которых, невзирая на титулы и срочные документы, не пускали мои беломраморной невозмутимости вей-

риэны.

Как я, оказывается, соскучилась по их холодным лицам в том огненном плену!

– А где мастер Морен? – громко спросила я, как ни в чем не бывало, словно не исчезала никуда на несколько суток и не свисала теперь с плеча короля.

– Только что ушел с принцем Севера на поиски, ваше высочество, – глазом не моргнул Зольтар, самый долговязый вейриэн из моей пятерки телохранителей. Двое воинов протянули ко мне руки. – Позвольте помочь, ваше величество.

– Разве я приказывал? – рыкнул Роберт, но поставил меня на каменные плиты, повернулся, и толпа придворных попятилась под его взглядом. – Мой сын ранен. Лекаря найти и доставить в мои покои. А вы, – взгляд на вейриэнов, – разыщите мне барона Анира.

Моя охрана не шелохнулась, и я подтвердила приказ быстрым кивком.

Ситуация выглядела пикантно, и мне стало невыносимо смешно. Видимо, еще не получив огненный дар, я уже вполне заразилась королевским цинизмом. А что будет через год при таком-то бессердечном, простите за каламбур, «втором сердце»?

– Я сам могу идти, – заявила я. Но, сделав шаг, покачнулась и оперлась на руку ближайшего вейриэна.

И тут моя улыбка слетела сухим листочком: взгляд наткнулся на Дигеро.

Он стоял поодаль, прислонившись к колонне и сложив на груди руки, с маской сдержанной брезгливости на лице, будто ступил в слизь, но вынужден терпеть.

Чувствуя, как пожар охватывает щеки, я соорудила надменную морду.

Наблюдательный король и в этом маленьком поединке участвовал, окончательно превратив его в похороны девичьих грез:

– Ах, да, чуть не забыл. Лэйрин, из-за болезни ты пропустил еще одно событие. У твоей сестры Виолы появился претендент на ее руку и сердце. Вчера я даровал ему рыцарское звание. Позволь представить тебе доблестного рыцаря ордена Священного Пламени... орден тоже вчера основан, не успел рассказать... сэра Дигеро фьерр Этьера, как будущего члена королевской семьи.

Это был страшный удар. Пока я пыталась вдохнуть исчезнувший куда-то воздух, Дигеро выпрямился – медленно, с ленцой – и затем отвесил мне тщательно дозированный поклон. Слишком краткий и поверхностный, на грани дерзости.

– Похоже, у вас закружилась голова, сэр рыцарь? – мой голос постыдно дрогнул, но, надеюсь, это можно списать на, скажем, ярость, а не на вспыхнувшую в душе боль.

– Верно подмечено, ваше высочество, – холодно ответил Дигеро, а на его щеках проступили гневные пятна, как в детстве, когда я изводила его этим ледяным «вы». – Разве кра-

сота и очарование вашей сестры может оставить кого-то равнодушным? Они с первого взгляда вскружили мне голову и пленили сердце.

– Красота увядает, очарование приедается, а пленникам свойственно мечтать о свободе, – изрекла я гнусавым тоном церковного проповедника. – Вам придется доказать свою любовь к моей сестре, прежде чем я дам согласие на ваш брак.

Длиннющие ресницы Дигеро изумленно дрогнули, а король Роберт аж крикнул от неожиданности:

– Кхм... ты ничего не перепутал, Лэйрин? Или у тебя опять... жар?

Какая неприкрытая деликатность. Тут каждый прочитал слово «бред», или только моя оскорбленная душа?

– Нет, сир, – вскинула я подбородок, пытаюсь свысока глянуть на рыжую глыбу. – Насколько мне помнится, по договору с горными кланами и моей матерью вы не можете выдать замуж моих сестер без согласия рода Грахар. Но по законам королевства женщина, обвиненная в колдовстве, лишается права решать судьбу своих незамужних дочерей до установления судом степени ее вины. А если обвинения доказаны, то лишается навсегда, словно она умерла, даже если казнь еще не состоялась.

– Это всем известно, – раздраженно перебил Роберт. – К чему ты клонишь? Причем здесь ты?

– По вашему договору, сир, который я видел своими гла-

зами в момент его подписания вами и моей матерью, утраченные Хелиной полномочия переходят ко мне, как узаконенному Белыми горами представителю рода Грахар. Простите за напоминание, мой король, но договор с кланами вынуждает вас согласовывать теперь со мной все матримониальные планы на моих незамужних сестер. Разумеется, я ни в чем не буду перечить вашим желаниям, ибо желание короля – закон для подданных и ваших детей.

Он, разумеется, понял мою издевку. К подданным меня сложно отнести, к родственникам – невозможно. И даже связавший нас обряд поименования не накладывал никаких обязательств подчинения.

В качестве извинения за дерзость я изобразила поклон, искоса наблюдая за растерянными, какими-то взъерошенными физиономиями придворных и смертельно побледневшим новоявленным женихом Виолы.

– У тебя безукоризненная память, Лэйрин, – процедил король. Глянул поверх голов на Дигеро. – Что ж, доблестный рыцарь, уж докажи как-нибудь нашему недоверчивому принцу свою любовь к малышке Виоле. В чем-то он прав... пленник стремится к свободе, а? Ох уж эти менестрели! – Роберт гулко расхохотался.

Так началась наша вражда, Дигеро. Но изощренному огненному королю этого было мало. Пока придворные подхихкивали, он, наклонившись, прошептал мне на ухо так тихо, словно сидел у меня в голове:

– Значит, я – забывчивый дурак, да, Лэйрин? Запомни и ты: нельзя унижать короля в глазах подданных. Буду наказывать немедленно. Вот так! – и к моему ужасу он обхватил мое лицо ладонями – не вырваться – и обжег до беспомысленности поцелуем в лоб. Уже сквозь туман огненной боли я услышала его громогласное, как тост: – За прекрасную память! Я горжусь моим возлюбленным наследником!

Что еще должны думать о нас люди?

Мне одно было непонятно – зачем? Какую цель преследует Роберт этими выходками, ведь обряд айров запрещает интимную близость! В то, что король равнин – самодовольный недоумок, каким его считали в горные лорды, я уже не могла верить. Пожалуй, только мне он раскрыл истинное лицо, о котором не догадывался мир. Но об этом чуть позже.

Дальнейшее я помню смутно, несмотря на только что провозглашенный тост за память.

Помнилось, что в тот момент мне пригрезился, как наяву, давно почивший фаворит – зеленоглазый Рыжик, которому Роберт снес голову. Отрубленная голова ехидно улыбнулась и подмигнула, а из обрубка шеи лилась темная, как ночь в горах, кровь.

Я в единый миг оказалась по ту сторону безумия.

Последнее, что внятно донеслось из мира – крик Дигеро:

– Стой, Лэйрин!

И королевский гром:

– Все вон!

А меня уже подхватил дивный шквал огненных ярости и боли, черных обиды и гнева. Свились в смерч.

Рядом вспыхнуло рыже-белое пламя.

Изгибаясь змеей, уворачиваясь от жгучих языков, смерч начал танцевать вокруг него, оборачиваться петлей, отражая или жадно впитывая в себя стреляющие протуберанцы. И наслаждался восхитительным смертельным танцем – куда опаснее и прекраснее, чем пляска в Долине Лета сотни веков назад... Смерч жаждал смести этот полыхающий жаром костер, обратить в сноп искр и развеять в небесах.

И уже начали слабеть жадные языки встречного пламени, протуберанцы выплескивались реже, отдалялись, стараясь избегать ударов. Но откуда-то налетели, взвились вокруг ледяные вихри и сияющие радуги. Их было слишком много, они мешались, не попадали в ритм танца смерти и убивали лишь красоту и восторг.

Заскучав, смерч выбил хрупкую преграду стекла, отделявшую от него свободу небес, и, сметя с пути горстку колючего снега, вырвался.

И услышал зов. Далекий, властный.

Смерч не успел откликнуться – грянули громы, посыпались радужные молнии, заплясали со смерчем в едином ритме, и это было еще одно упоение. Но смерч спешил. Потом, мы потом дотанцуем, прекрасный радужный сполох, и насладимся смертью друг друга... Там, в пучине Тьмы – мой дом. Только там – всегда ждут. Только там – я нужна.

И смерч уже чуял зовущего – пепельную жажду, черную печаль и уголь горевшего гнева.

Вот только... что за серебристо-жемчужный луч – тихий, нежный – мерцает во тьме?

Ширится...

Становится огромным жемчужным небом, поймавшим крохотный смерчик в ладонь.

«Возвращайся. Я был плохим учителем, ученица, если ты забыла все, чему я тебя учил, – вздохнуло небо. – Это не твой гнев, не твоя жажда. И не твои крылья».

И смерч умер. Рассыпался, ударившись в бескрайний твердокаменный щит, преградивший ть. Щит разлетелся мириадами жемчужин.

Мокрая ткань под щекой. Заложенный, хлюпающий нос. Слипшиеся, словно склеенные веки. Это было первое, что почувствовала.

– Очнулась? – раздался над ухом голос Роберта. – Прекрасно. По всей видимости, откуда бы ты ни возвращалась в мой дворец, это всегда будет стихийным бедствием. На этот раз – покушение на короля, покушение на высокого гостя – кронпринца Севера, ранения нескольких стражников, увечья двух вейриэнов, перелом крыла ласха. И это – не считая мелких царапин у прочих пострадавших.

– И это все я? – говорить почему-то больно. Нашарила

какую-то ткань и с чувством высморкалась.

– Еще твой сообщник. Ему инкриминируется покушение на короля и вооруженное сопротивление при аресте. Пострадавших от колотых и резаных ран, нанесенных его мечом, тоже хватает. Кстати, он бежал.

– Кто? – глаза опухли так, что открыть их невозможно, шарю по мерзейше волглой простыне. Горячая ладонь Роберта любезно подсовывает мне чистое полотенце.

– Мой первый и пока единственный рыцарь ордена Священного Пламени, сэра Дигеро фьерр Этьер.

Я двумя пальцами разлепила правый глаз, сочившийся безостановочными слезами.

– И что это на него вдруг нашло?

– Решил сдуру, что это я тебя убиваю, а не ты меня. Хорошо еще, Рамасха и Морен не успели далеко улететь. Скрутили дурака. Кстати, Морену ты сломала руку.

– О! – я отвела пальцы, и глаз самопроизвольно закрылся. Впрочем, я успела лицезреть потрепанную, но почему-то чрезвычайно довольную, как обожравшийся кот, королевскую физиономию. – И теперь нас казнят? На одной плахе?

– Даже не надейся.

– Мое последнее желание – умереть с любимым на одном смертном одре.

– Не выйдет. Рамасха приговорил тебя к смерти от простуды за покушение на его жизнь... и честь.

– Честь? – Я проделала операцию по принудительному от-

крытию левого глаза. Он видел лучше – сразу узрел вождь-
ленное полотенце.

– Эротический танец на ножах с обнаженной девой – не
для его слабых нервов, – пояснил Роберт.

– Оу?

– Твоя одежда сгорела. Ты еще не имеешь власти над ог-
нем, а вот огонь над тобой...

– Ооо! – глаза закрылись. Не хочу ничего видеть и жить
не хочу. – Тогда где я так простудилась?

– Ласхи тебя заморозили, чтобы хоть как-то остановить,
не покалечив. Потом отпаивали «корнем солнца», но пере-
старались, и теперь ты обзавелась аллергией на этот бесцен-
ный эликсир. Лечить тебя больше нечем.

– Я настаиваю на плахе. Лучшее лекарство от насморка.
Так Диго бежал, и свадьбы не будет?

– Будет, но теперь уже не так быстро, как я рассчитывал.
Тут ты своего добилась. Я сам помог ему бежать – спрятал
в одном из своих тайных убежищ, пока мои подданные не
успокоятся. Видишь ли, пришлось повесить на беднягу все
твои боевые подвиги, ибо мой наследник должен быть вне
подозрений. Вейриэны успели всех непосвященных выместить
из зала, пока ты не вошла в раж. Да в том хаосе никто бы ни-
чего не разобрал. С точки зрения человека, в том зале людей
уже не было.

– Как это – не было? А я? – от потрясения глаза мигом
распахнулись.

– Не могу назвать явившееся нам вместо тебя чудовище человеком. Сущая змея!

Значит, кто-то тут врал об обнаженной деве, – успокоилась я... с одной стороны. С другой – какое еще чудовище?! Меня зазнобило. Зарылась в покрывала и укрылась с головой. Меня нет.

– В зале оставался только один неизменный человек, – добил король. – Дигеро.

Накрылась подушкой. Ничего не слышу. И знать не хочу, как выглядело то чудовище! Ясно же – чудовищно. И Диго видел это... существо!

Роберт отобрал подушку, вытащил меня из покрывал и поставил перед собой.

Ноги подкосились. Я села на край ложа, закрыв лицо ладонями, не зная, о чем сильнее переживать: о потере человеческого облика (он-то, кажется, ко мне уже вернулся). Или о том, что теперь Дигеро навсегда для меня потерян. И в который уже раз я говорю себе это?

– В кого же я превратилась?

– Немного от женщины, немного от змеи... крылатой. Ничего удивительного: внутри каждой женщины прячется кобра. Не пугайся, я пошутил, – Роберт сел рядом, обнял за плечи. – Послушай, девочка... У меня серьезные планы на нашего красавчика Диго. Не то, что ты подумала. И я никому не позволю их сорвать. Он не пара тебе, принцесса. Уж поверь мне, повидавшему многих из таких, как он, гордых кри-

стальных чистоплюев. В том числе в этой постели, – Роберт с усмешкой кивнул, когда я, осознав, наконец, что нахожусь не в своих покоях, а в совершенно незнакомых, огляделась, оценив и роскошь обстановки, и размеры ложа, занимавшего едва ли не полкомнаты. – Кроме того, этот помешанный на чести мальчик – из тех, кто до гроба не прощает обмана. А твое притворство не перестанет быть для него обманом, даже если он узнает, что оно вынужденное. Это во-первых. Во-вторых, ты уже отказалась от него, когда заключила со мной сделку, и мы оба вступили на путь Айшери, прядущих нить души. В-третьих, он никогда не полюбит тебя, как женщину. Мало того, что с точки зрения нормального мужчины твой облик далек от идеала женской красоты, но ты и для чистых магов – таких, как я или ласхи – непонятно что.

Урод. Знаю. Но одно дело – думать так самой, и совсем, совсем другое – слышать о себе то же самое.

– Это жестоко, сир, – шмыгнула я носом, опять расстроившись до слез.

– Ложь была бы милосерднее. Но у нас договор, и я не могу тебе лгать. Поплачь, если хочется, но недолго. На рыдания нет времени. И покончим с темой разбитых сердец раз и навсегда. Забудь о Дигеро. Тогда я не буду прибегать к таким скандальным мерам, как тот поцелуй и наше явление народу в целом.

– Это шантаж?

– Безусловно. И последнее. Будь он хоть королевских кро-

вей, этот породистый щенок, но по сути он – пес, а не хозяин. Смысл его жизни – в служении. Прекрасной даме, кодексу чести, великой идее, духу Белогорья... Для таких людей не имеет значения сам объект служения. Только процесс. Сменится хозяин пса – он привыкнет, и с той же страстью начнет служить новому. Потому Азархарт любит брать в плен горных лордов – после хорошей дрессировки из них получаются самые преданные ему Темные князья. А ты рождена, чтобы служили тебе.

– Не вижу здесь противоречия.

– Если тебе нужен слуга, то противоречия нет. А если равный... Любовь горит долго и ярко только наравне с другим. Тогда они сольются воедино, одной силой поддерживая силу другого. Вечное перетекание, прекрасный танец.

Я вспомнила упоение смертельным танцем с полыхающим пламенем. И восторг, сжигавший душу... И мне показалось, что в серых глазах Роберта на миг вспыхнул тот же отблеск.

– Другой не должен быть слабее, – сказал он, прикрыв веки. – Иначе твой огонь поглотит его. И иссякнет сам. Твой избранник должен быть равным тебе.

– И таким же уродом? – горько усмехнулась я.

– Женщины! – его величество мученически возвел очи к своду. – Все, что занимает вас в мире – это собственная внешность и чувства, которые она вызывает у зрителей. Лэйрин! Я надеялся, что Хелина все-таки воспитала тебя иначе,

но ошибся. Бабья сущность неискоренима никакими зельями. Успокойся, ты выглядишь вполне приятно... для мальчика... что меня вполне устраивает. – Ладонь на моем плече вдруг пыхнула жаром, и я шарахнулась, едва не свалившись на пол. Король усмехнулся. – Но разве это – всё, что тебя волнует после сегодняшнего происшествия? Ты не хочешь узнать, почему я доволен случившимся, хотя мои планы относительно Диго и Виолы весьма осложнились?

– И почему же?

– Ты преодолела зов темной крови!

– Не я.

И я рассказала о жемчужном щите, вставшем на пути смерча.

Роберт помрачнел. Резко поднявшись, отошел к окну и с минуту молча пялился на витраж. За цветными стеклами расплывалось смутными пятнами пасмурное небо.

– Два вывода можно сделать из твоего рассказа, Лэйрин, – сказал он глухо, не поворачиваясь. – Азархарт услышал свою кровь и теперь уже не забудет, попытается взять под контроль. А ты еще слаба.

– Он уже попытался, – содрогнулась я.

– Так я и понял. Второе: надо сообщить Рамасхе и Морену, что ждать перерождения Рагара не имеет смысла.

– Почему? Ведь он вейриэн!

– Но не бог. Если до сих пор существует его духовная связь с тобой, то его дух не может освободиться от плена

мертвого тела и уйти в иное Белогорье, чтобы очиститься и вернуться в плотный мир. Выходит, что увиденная тобой картинка с падением в болото – еще не все, что с ним сделали и до сих пор делают. С одной стороны, мне странно сожалеть о таком сопернике, и для меня лучше, чтобы всё так и осталось. С другой – ваша сохранившаяся близость станет еще одним препятствием на пути Айшери. А это чревато тем, что обряд айров не даст нам такого эффекта, какой необходим для противостояния Темному Владыке.

– Значит, все напрасно?

– Это значит лишь то, что надо разорвать и эту слабую нить.

– Нет!

Он медленно повернулся, приподнял бровь.

– Нет?

– Нет.

– Что говорит «нет», позволь узнать. Твоя светлая кровь или темная?

Хороший вопрос. Но ответить мне было нечего.

– Надеюсь, ты понимаешь, Лэйрин, что, если твой наставник сейчас в плену у темных, то после сегодняшнего происшествия Азархарт попытается использовать вашу с ним связь и устроить ловушку? Подумай над этим. И над тем, что и эта слабая связь может удерживать дух Рагара в земном плане мира и препятствовать возрождению. А чтобы ты тщательней взвешивала свои решения, я все-таки сыграю коро-

левой. Но не шахматной. Я давно намеревался показать тебе нашу семейную реликвию, но в тот раз помешал Рагар. Идем, ты должна ее увидеть.

Рубашка и панталоны на меня уже были кем-то надеты, а вот об обуви никто не позаботился, и я пошла босиком, и лишь через пару шагов осознала, что в ступне совсем не чувствуется боли. Целенькая оказалась ступня, даже без шрама, словно и не была никогда рассечена мечом. Но удивляться уже не было сил.

Как у каждого уважающего себя государя, в покоях короля была потайная дверь. Обычные меры безопасности. Но короткий ход вел, на первый взгляд, в тупик: в глухое, совершенно пустое круглое помещение с высоким купольным сводом. Серый камень голых стен и такие же серые плиты пола напоминали остывший пепел, а мои босые ноги ощущали тонкий слой мягкой пыли.

И такая безнадежная тоска чувствовалась в мрачной пустоте, что даже два горевших у входа факела светили блекло, как больные цветы.

– Дальше тебе идти не стоит, – стремительно обернулся Роберт, нервным жестом убрал перечеркнувшую высокий лоб полуседую прядь.

Да мне и не хотелось. В таком странном месте только руки на себя и накладывать. Но этих мыслей я, разумеется, не озвучила.

– Здесь мой отец получил от деда дар «огненной крови», – король прошел к противоположной стене, и его голос стал звучать глухо, словно издалека. – Здесь же король Даниэль передал его мне. Они оба умерли тут. В официальном королевском склепе захоронены пустые гробы. Настоящая их усыпальница – здесь. Эти камни могут выдержать исход духа огненного мага, когда высвобождается стихия. Потому еще так важно, чтобы был подготовлен наследник, способный взять полную власть над стихией.

Я попятилась к порогу, подумав, что, возможно, ступаю по королевскому праху. Роберт истолковал мой испуг иначе:

– Нет, ты еще не способна. Вздумай я отпустить силу сейчас, с тобой случится вот это...

Он коснулся стены кончиками пальцев.

Камни, казалось, вздохнули. Зашевелились, как живые. Осыпалась пепельная пороша, так, впрочем, и не коснувшись пола, и я зажмурилась, едва удержавшись, чтобы не бежать в панике: показалось – в лицо летит огненный шквал. Но через миг поняла, что пламя стоит неподвижно, как огромный застывший костер.

В огне корчилось обнаженное женское тело – полуобугленное, с лопнувшими от жара, вытекшими глазами. Вспыхнувшие волосы осыпались искрами, обнажая череп, а из оголенных ребер вырывался сноп ослепительно белого света, распускавшийся лепестками, тут же таявшими в алом мареве. Языки убийственного пламени походили на огненные ру-

ки, то ли обнявшие жертву, то ли вырывающие из нее свет, будто стебель лотоса.

– Так умерла королева Лаэнриэль, – хрипло сказал Роберт, отступив в сторону.

Как только он отнял ладонь от стены, краски ужасной картины померкли, подернулись туманной серой дымкой, затем покрылись пепельной коркой, и через миг камень вновь был пуст и безвиден.

Пройдя примерно четверть окружности зала – то ли усыпальницы, то ли святилища – король снова коснулся камня:

– А такой она была, когда мой дед Астарг впервые ее увидел.

Распахнулось золотистое небо над сияющими горными льдами, взметнулись лучистые крылья... И какой идиот говорил, что я унаследовала черты прабабушки? Ничто во мне не походило на это царственное совершенство, не годилось даже в качестве злой карикатуры.

Я замерла, ошеломленная грозной красотой королевы Лаэнриэль – контрастной, как гром в ясном небе. Нежный перламутр крыльев и черные молнии длинных кос. Белоснежный лик с легкой улыбкой розовых губ и светившие ярче алмазной короны яркие изумруды больших глаз, затененных длинными ресницами.

– Вот такой ты должна была вырасти, девочка, – вздохнул Роберт, отходя от стены. – Никогда не прощу Хелине того, что она с тобой сделала. Как не мог простить Астаргу

убийства самого прекрасного существа, когда-либо жившего в этом мире. Хотя дед и сам не мог простить себе этого. Ее смерть была трагичной случайностью. Лаэнриэль оказалась рядом в миг обретения Астаргом силы «огненной крови» – а это момент полнейшего безумия мага – и не успела защититься.

– Мама говорила, что она хотела его остановить.

– Легенда горцев, – поморщился Роберт. – Никто уже не скажет, как все было на самом деле, и почему королева оказалась рядом в такой неподходящий момент. Дед никогда не говорил об этом. Но он и создал этот зал и картины. А ты подумай сама, Лэйрин, могла ли королева оспорить волю Белогорья? Отнять то, что даровали сами горы? Вряд ли. И никто не мог предположить, что именно в миг смерти Лаэнриэль Астарг зачерпнет больше дозволенного. Никто, кроме, может быть, Азархарта.

Изумрудный взор Лаэнриэль погас, скрытый закаменевшим пеплом, но мне казалось, что ее полный печали и нежности взгляд теперь светит откуда-то из глубины души...

В чем был смысл «хода королевой»? – думала я, когда мы вернулись в покои Роберта, где обнаружили оставленные слугами для меня новый камзол и обувь вместо сгоревших. К моему удивлению, в кармане оказались обе шахматные фигурки, блестящие, как новенькие.

Король наблюдал за переодеванием с недовольной грима-

сой: это было вопиющее нарушение придворного этикета. Но не его же величеству исполнять роль толпы камердинеров, а моих вейриэнов поблизости не наблюдалось.

– Я жду твоего решения, Лэйрин, – повелительно сказал он, когда я справилась, наконец, с завязками, шнурками и прочей сбруей.

Почему сердце так болезненно сжалось? А если я – одна из ниточек, которая не дает темным подчинить его дух?

– Он – мой наставник с рождения, – медленно ответила я. – Когда он был в плену у Азархарта, никакой связи с учителем не чувствовалось, я даже не подозревала о его существовании. И, если бы сейчас оставшаяся между нами связь вредила его ученице или мешала ему самому, высший мастер смог бы оборвать ее.

Ноздри Роберта гневно раздулись. Ну-ну. Дракон огненный. А мне стало необыкновенно легко и спокойно, и на дне души тепло мерцали две изумрудные искры. Как хорошо принимать верные решения.

Наивная.

Другие, более мощные фигуры, тоже способны их принимать.

Глава 14

Принц Игинир задержал отъезд еще на неделю: пытался вместе с вейриэнами и ласхами найти по моим рисункам место, где погребен или спрятан Рагар. Безуспешно.

Небеса равнинного королевства с утра до ночи играли дивными северными сияниями, бледнеющими до прозрачности при свете солнца, но глазастый Эльдер легко их опознавал и докладывал мне и королю о передвижениях Рамасхи.

Обидно, что по ночам я не могла видеть грандиозное зрелище, по слухам, затмевавшее звезды. Как только начинало темнеть, Роберт отправлял меня в тайное убежище под огненную защиту – боялся, что услышанный мной зов Азархарта повторится, и я еще чего-нибудь натворю. Ночь – время Тьмы, понятное дело.

Небывалый небесный фейерверк молва приписала к числу устрашающих сверхъестественных знамений конца света, как и необъяснимое потепление накануне зимы. На самом деле северяне таким потрясающим сердца и души способом поддерживали связь между отрядами и королевским дворцом. Общались они так, видите ли. Расшифровать их выставленные на всеобщее обозрение послания никто не мог, кроме ласхов.

Мне удавалось уловить только крохи в вечеряющем небе.

– Видишь, Эльдер? Там, кажется, опять мелькнула радужная молния. Переведи сообщение с прекрасного на человеческий!

Мой горемычный друг, не перестававший ворчать за помятое в междоусобный драке крыло (то же самое, пострадавшее вторично), даже головы не повернул!

– Ваше наблюдательное высочество, мне неизвестны такие человеческие слова, которыми я мог бы передать суть этого сиятельного ругательства. Принц Игинир всегда отличался особо изощренными оборотами визуальной речи.

Вот так живешь, любишься природными явлениями, а они, может, в этот момент кого-то куда-то посылают... сиятельными ругательствами.

Роберт, краем уха уловивший наш разговор, хохотнул, прервав тоскливый доклад свеженазначенного канцлера – старого герцога фьерр Холле.

– Что, опять Рамасха в тине искупался?

– Примерно так, великолепный сир, – кивнул ласх. – В более густой субстанции. Оттепель, вот и вытаяло... Если бы вы, ваше непреклонное величество, не потребовали разжигать костры по пути отрядов, им не пришлось бы спускаться на землю.

Эльдер осмелился наворчать даже на короля! Роберт сделал вид, что не заметил дерзости. Иначе остался бы без толмача. Нахальный дракончик прекрасно это понимал.

– Они поворачивают к северо-западу, – сообщил он изви-

няющимся тоном. – Вот-вот дождь начнется, укрыться негде, а им не хочется тратить силы на превращение мокрых осадков в твердые.

Король, сделав отметку на лежавшей перед ним карте, испещренной красными крестами – уже осмотренные ласхами территории – вздохнул:

– Подумать только, я сам позволяю лазутчикам иностранной державы осматривать каждую кочку в моей стране!

И помрачнел, вспомнив вероятно, что позволял фаворитам, оказавшимися предателями инсеями, куда большее.

– Эльдер, неужели все эти сведения содержались в том коротеньком мелькании? – мучил меня вопрос. – И как ты его прочитал, если на небо даже не глянул? Или у тебя еще парочка глаз на затылке?

– Вы пропустили еще пяток сполохов, ваше проницательное высочество. А глаза у меня, вы правы, не только эти, видимые внешне, – он коснулся кончиками крыльев покрытых серебристой изморосью век. – Есть еще внутренний взор, и он видит дальше и глубже. Самое страшное для ласхов – одиночество. На моей родине слишком длинные ночи, глубокие снега и дальние расстояния, вот мы и приспособились к тяготам, научились небесным начертаниям, чтобы не чувствовать себя одинокими, куда бы нас ни занесло. Мы увидим предназначенное нам послание даже сквозь буран и плотный покров туч – ведь оно начертано сердцем под самыми звездами.

Удивительные существа.

– А если оно предназначено другому? – допытывалась я.

– Можем увидеть, но не сможем понять. Существуют особые ключи... Мне сложно объяснить это не сведущему в наших обычаях...

– Ключи можно подобрать! – вдохновилась я.

– Увы, мой коварный принц, – смешливо прищурился Эльдер. – Сие невозможно, как не подделатъ духовную нить, связующую ученика и наставника, или... – спохватившись, он захлопнул пасть, обмотав ее крылом для верности, как тряпочкой, но выразительно покосился на короля, опять углубившегося с канцлером в какие-то расчеты.

Я ошибалась. В этом мире невозможно сохранить ни одной тайны!

Роберт грозно привстал с кресла, опершись на подлокотники, и Эльдера как слизнуло: вот только что он был, а вот уже вместо драконьей морды, громоздившейся на массивном подоконнике распахнутого окна, мерцает крохотная снежинка, слетевшая с кончика хвоста улетающего ласха.

Его величество опустил на сиденье и кивком дозволил канцлеру продолжить чтение вороха бумаг. Бедный старик в присутствии Эльдера держался поближе к камину, но уже покрылся гусиными мурашками от холода: королю морозы нипочем, а несчастные придворные тайно мечтали являться на аудиенцию к будущему зятю северного императора закутанными в шубах.

Меня же всю неделю лихорадило, бросая из огня да в полымя. Потому мои записи о событиях тех дней так отрывочны и сумбурны.

Облегчение наступало по вечерам: отправив меня на закате в убежище и нагрузив заданием, король не появлялся до глубокой ночи. Монарх воспользовался-таки моими лингвистическими познаниями, приказав перевести торговые договоры с шаунами, словно я тут не принц, а толмач гильдии торговцев.

Это нудное занятие не давало сойти с ума, но еще в первый вечер, разобрав стопку документов, я разыскала чистую бумагу, обмакнула перо в багровые, как кровь, чернила (любимый цвет короля, как же) и написала рунами на языке айров: «Мой светлый лорд Дигеро фьерр Этьер». Зачеркнула. «Здравствуй, Диго». Зачеркнула.

У меня есть год, чтобы все объяснить, рассказать правду. Но нужна ли она?

В душе царил хаос: толпилась куча вопросов, сомнений, страх пойманной в силки птицы и жажда справедливости. И как-то само собой перо вывело:

«Сыновей у короля не было, в том-то и беда. Рождение долгожданного наследника той весной было ему обещано и молитвами святых старцев, и расположением звезд, и всеми придворными лекарями. А получилась я».

Красные руны на желтоватой бумаге смотрелись зловеще.

Записи я поначалу прятала, но однажды, засидевшись за полночь, сомлела и поленилась убрать: все равно, думала, король в библиотеку не заглядывает.

Проснулась я тогда не от огненного прикосновения, как обычно будил меня король по приходу – от холода. Роберт стоял у ложа и смотрел на меня, как показалось, довольно зло. Он поднял руку с ворохом листков, зачитал с горькой усмешкой:

– В Белых горах король Роберт – никто и ничто...

Я села, подтянув колени к подбородку и закутавшись в покрывало. Не собираюсь объясняться. Нечего хватать мои бумаги, даже если они разбросаны по столу.

– Окажите любезность, не читайте не предназначенное вам, сир. Но разве это неправда?

– Род Ориэдра проклят горными домами, это так. Но с никем и ничем не ведут переговоров. Лэйрин, если ты не хочешь, чтобы я это читал, не оставляй на виду. Я любопытен.

Роберт, отдав мне записи, сел в кресло, окунув руку в огонь, горевший в камине, откровенно нежась тем, как ласково лижут ладонь языки пламени. Он гладил огонь, словно верного пса.

– «...требовала признания моего статуса, напоминала о праве моего короля, праве моей короны», – процитировал он по памяти. – Жаль, что ты родилась не мальчиком. И я, пожалуй, впервые искренне пожалел, что у меня нет сына. Если бы он был похож на тебя, я умер бы спокойным за корону. А

если бы я раньше понял, какой заговор сплетен вокруг моего проклятого дара, у меня был бы сын. Но даже колдунья Хелина не поняла, кто наложил заклинание на ее чрево. Водная магия инсеев очень сильна. Но «огненную кровь» даже им сложно погасить.

– Но зачем им это?

– Пока не знаю. Вот и у Рагара не было предположений, либо он мне о них не сообщил. Белые вейриэны сейчас пытаются найти первопричину. Им кажется, что заговор против «огненной крови» – лишь звено в цепи, незаметно опутавшей мир.

– И кто держит эту цепь? Темные?

– Первое, что приходит в голову. Если бы не одно «но». Азархарту выгоднее получить огненного мага и уничтожить Белогорье, пробудив подземное пламя. Неужели его союзники инсеи, враждебные моей магии, таким изощренным образом решили не дать ему захватить весь мир? Воистину, даже темные не настолько двуличны, как зеленые маги. Спи, Лэйрин...

Мои записи он больше не читал.

Я сама их ему читала, найдя изощренное удовольствие в лицезрении его раздражения при упоминании о светлом рыцаре Дигеро или описании «рыжей коронованной сволочи».

– И даже отшлепать тебя не могу за это, дьяволенок, – говорил король.

– А тут Хелина лгала, – говорил король.

– Все-таки как немилосерден обряд айров! – вздыхал король, укладываясь на ложе, отгороженное от моего ширмой. – Но что еще ожидать от его изобретателей – полубожеств, не ведавших о муках человеческих?

Через неделю, промелькнувшую мгновенно, зима так и не началась.

Зато грянули другие события, и опять все началось с моих сестричек.

Пока Рамасха носился по болотам, императорская невеста Виолетта извелась ожиданием. Ее громоздкое приданое давно было упаковано и сложено в хранилище, оставалось перенести в повозки, но за неделю сундуки как-то незаметно переместились обратно: легкомысленной девушке то одно платье срочно требовалось к ежедневному трехразовому переодеванию, то другой плащ на меху, то сапожки...

В результате она оказалась совершенно не готовой к отъезду, когда Рамасха – злой, как стая голодных волков, осунувшийся и явно всю неделю не спавший – явился во дворец, так и не обнаружив ни тела Рагара, ни болотных островков, похожих на изображенные мной.

Роберт как раз собрал доверенных лиц в тронном зале. Канцлер огласил новый список высших чинов – советников, камергеров и прочих приближенных к телу государя особ – и размеры их жалованья, урезанного против прежнего вдвое

по причине опустевшей казны.

Доложив о неудаче, принц Севера объявил, что кортеж должен отправиться через час, ибо его отец уже в ярости и намерен найти другую невесту, раз эта не торопится. Виолетта попыталась надавить на жалость: разрыдалась и упала в обморок. К несчастью, разговор происходил в моем присутствии, и руки брата показались ей самыми подходящими.

Принцесса обожглась.

Визг, ахи, охи, лекари... Обморок уже настоящий, волдыри на нежной коже невесты.

Я в ужасе устала на свои ладони – обычные, человеческие, естественного, чуть розового цвета. Провела по щеке – никакого жара не чувствуется. На вейриэне-телохранителе не рискнула проверять, хотя он мужественно подставил руку.

Рамасха подобрался, как зверь перед прыжком – уже ни малейшей усталости в сосредоточенном, хищно обострившемся лице. К счастью, направление атаки он взял не на меня, как виновника переполоха, а на Роберта. И – вот странность! – король на миг смутился, но тут же властно вздернул голову и положил ладонь на оголовье меча. Почти невидимые лучники на галерее встrepенулись.

– О, еще одна драка? – пробормотал под нос мой долговязый телохранитель.

– Зольтар, если я опять... ну, ты помнишь? Сразу воткни в меня селть! – выдохнула я.

– Мастер Рагар перед уходом запретил применять против вас это оружие.

– Почему?

– Предупредил, что через неделю все равно будет бесполезно. Этот срок прошел.

Тут уже я взяла охотничью стойку:

– Срок для чего? Почему бесполезно?

По бесстрастному лицу вейриэна пробежала непонятная тень. Тоже смутился? День чудес.

– Путь Айшери, – шепнул он почти беззвучно. – Сообщающиеся сосуды.

Да, это объясняло и реакцию Рамасхи, и смущение Роберта. Получается, что невыплеснувшийся огонь королевского гнева на поведение принца Игинира и на слова императора Севера каким-то образом передался мне. Гневался король, а раскалилась я! И случилось это из-за обряда айров. А ведь всего неделя прошла. Что же будет через год? Стану свирепой рыжей буйволицей и не замечу?

– И откуда Рагар все знал наперед? – спросила я.

– Он страж Белогорья. Обязан был думать на годы вперед, как и вся наша семерка высших мастеров.

– Что ж тогда он так часто... умирает?

– Не умирая, не живут, мой принц, – загадочно ответил вейриэн.

Между тем, обстановка одновременно и накалялась, и леденела до хруста легких при вдохе. Безумный контраст. Я да-

же помечтала о захватывающей битве льда и пламени, и вообразила, как выползает из оставшейся от противников лужицы слизняк Липерий, известный как герцог Виннибор.

Но тут и Лед, и Пламень вспомнили о причине всех бед.

– Ваше высочество принц Лэйрин! – устались оба на меня.

Да, это пока еще я.

Долг требовал немедленно принести сестрице искреннейшие извинения, соболезнования и прочая, и прочая, что и было сделано.

Рамасха пообещал упротить императора об отсрочке до полного выздоровления Виолетты, но, разумеется, не бескорыстно. Император Севера мог потребовать торговых уступок в качестве компенсации за ожидание и попорченную внешность невесты.

Дальнейший диалог короля и принца происходил уже без свидетелей, но я успела понять, что речь пойдет об увеличении поставок «корня солнца» – оказалось, именно равнинные короли Ориэдра были изобретателями и единственными поставщиками столь нужного северянам эликсира.

Я обрадовалась, что меня выставили: за эти дни уже изрядно притомила роль королевской тени. Мои обязанности наследного принца, как оказалось, состояли в неотлучном сопровождении его величества всюду, кроме уборной, и в «наматывании на ус» государственных тайн и тонкостей придворных интриг.

С тайнами и интригами дела в королевстве обстояли блестяще, в отличие от всего остального.

Особенно мучила тайна Виолы.

После исчезновения Дигеро она заперлась у себя, сославшись на нездоровье, не появлялась даже к столу, и Роберт был этим весьма озабочен и хмурился, когда придворный лекарь отчитывался ему на ухо. Меня в эти моменты король куда-нибудь отсылал. И такая таинственность настораживала. Виолетта тоже отмалчивалась, а уж теперь и подавно говорить не будет...

Так и оказалось: девушки не пожелали открыть дверь кронпринцу. Я могла бы приказать, статус позволял, но кто же лезет в девичье сердце с пыточными щипцами?

Фрейлина Виолы разыскала меня через час и сунула записку. Еле разобрала корявый почерк с немыслимыми ошибками: «Дарагой брат! Прастите. Виалета очинь злиться но сичас она ушла к Его виличеству, и я прашу Вас вернуться. Мне ниобходимо срочно и тайно поговарить с Вашим высочеством. Искрине любищая Вас систра Виола». Ничего, – вздохнула я, Диго обучит жену грамоте, если уж ее родному папеньке было плевать.

Откладывать разговор нельзя: во-первых, король мог призвать в любой момент, во-вторых, близился закат, а на темное время суток Роберт посадит меня под огненный замок.

А раз встреча должна быть тайной, пришлось пробираться

к сестре через окно. С помощью Эльдера, конечно.

Фрейлины были предупреждены, но все испортил бесцеремонный «снежный дьявол» – сунул морду в приоткрытую створку окна и смачно облизнулся:

– Какое изумительное пиршество... для глаз!

Визг, писк, многочисленные ушибы паникующих... Шум был услышан, стража бдела, потому я просто сгребла лежавшую в постели сестру в охапку и похитила.

Нас приютил Светлячок: у опального фаворита точно не станут искать девушку.

Едва мы расположились в комнате, Виола, уткнувшись в мое плечо, горько зарыдала, и я растерялась. У меня был опыт утешения впечатлительной Лилианы, но я хорошо помнила, как печально этот опыт закончился.

Зато барон Анир фьерр Гирт сообразил, что делать: непрерывно болтая о дивной весенней погоде в начале зимы, налил вина, заставил Виолу выпить, и ушел только тогда, когда принцесса успокоилась.

Я тут же выпалила:

– С Дигеро все в порядке, не переживай. Казнить его не будут. И препятствовать вашему браку я тоже не буду.

Она опять побледнела, губы задрожали...

Но все-таки Виола – единственная из всех дочерей Хелины, кто унаследовал характер горной леди. Спинка выпрямилась, кулачки сжались, фиалковые глаза сверкнули решимостью.

– О, нет, братец. Я как раз хотела просить вас, чтобы вы не соглашались на этот брак! Теперь вы – единственная моя надежда. Отец сразу сообщил мне, что младший лорд фьерр Этьер в безопасности, и планы его величества относительно нас не изменились. Но это... это невозможно!

– Но почему, Виола? Тебе не нравится, что Диго не так знатен для принцессы? Он будет прекрасным мужем. Его семья богата. Видела бы ты их владения и замок! У них лучшие серебряные копи в Белых горах, не считая других рудников. Сам он умен, образован, и лучший ученик воинской школы. У него блестящее будущее, вот увидишь! – я споткнулась: если не будет, как дурак, защищать всяких чудовищ, разумеется. И вообще, почему я ее уговариваю? С ума сойти! – Или он тебе совсем не нравится, и ты тоже думаешь, что все горцы – дикари?

– Нет, нет, я так не думаю и не оспариваю его достоинств. Первый рыцарь ордена Священного Пламени безупречен. А мои чувства не имеют никакого значения. Как послушная дочь, я вышла бы замуж за любого по приказу короля. Но Дигеро! Он так благороден и чист, он достоин лучшей жены, милый брат!

– Он тебя любит! – выдвинула я последний аргумент.

– Как можно любить... такую? – принцесса стиснула пальчики, отчаянно покраснев и опустив ресницы. По ее щеке снова побежала слезинка. – Все знают о моем позоре. И скоро станет известно... что это не осталось без последствий.

Ай да король! – рассвирепела я, сохранив, впрочем, невозмутимую физиономию. Вот почему такая спешка с браком Виолы. Вот почему Роберт простил наглеца, осмелившегося поднять на него руку (хотя до сих пор где-то его прячет!) . Мне надо было сразу задуматься – мыслимо ли подобное милосердие от рыжего буйвола без очень веской причины?

И еще стало смертельно обидно за Диго, чьи чувства так беззастенчиво использовали. Вспомнилось, как мечтал мой потерянный друг о том, что дом, куда он приведет жену, станет четырнадцатым великим домом Белых гор. И вдруг – мало того, что обесчещенная невеста, так еще и с ребенком темного во чреве. Боги наказывают гордецов? Или испытывают предел благородства избранных?

– Теперь уж нет сомнений, – не выдержав, всхлипнула сестрица. – И ничего не помогает, никакие зелья!

– Мама поможет наверняка, – задумалась я. Если уж похищать сестру, то с размахом.

Едва мы приступили к полноценному заговору, в дверь поскребся Светлячок.

– Мой принц, сюда идет король.

Как он пронюхал? Прежде, чем воспользоваться гостеприимством барона, мы замели следы, проникновения никто не должен был видеть, жаровни вынесли.

– Эльдер, доставишь принцессу на место?

– С радостью, ваше невезучее высочество, если вы объяс-

ните мне, в какое именно место. В горы?

Хорошо бы. Но сюда мы с Рагаром добирались несколько суток даже на ласхах. И Виола едва одета. А жаль...

Ворвавшись в комнату бывшего фаворита, Роберт застал удивительную картину: мы в обнимку с великолепным лицом бароном Аниром фьерр Гиртом пьянствовали, громко провозглашая тосты за здоровье его величества. Только этот мелкий подхалимаж и удержал быстрый на расправу государев меч в ножнах.

– Мой король! – Анир картинно рухнул на колени, пытаюсь облобызать монаршую руку прежде, чем та лишит его головы.

– Твой? С каких пор наглые обманщики-аринты – мои подданные? – прорычал Роберт.

– Возлюбленный король! – с жаром уточнил Светлячок, не поднимаясь с колен. – Я счастлив, что ты вспомнил о преданном тебе слуге...

– Преданном тобой, чужой слуга!

У долинных дальегов есть поговорка: «Милые бранятся – только вешаться». Слушателям. Видимо, гримасу я скорчила весьма красноречивую, ибо его величество, покосившись, вздохнул.

– Налей-ка и мне, Анир.

Обрадованный Светлячок подхватился вихрем, вынул из ларца чистый кубок, налил до краев. Король сел на стул, с

которого только что упорхнула его несчастная дочь. Повел носом и, пошарив под столом кончиком ножен, продемонстрировал нам подцепленное на золотую шишку надушенное вещественное доказательство с вензелями Виолы. Зло сощурился:

– Ты, аринт, совсем голову потерял, с плеч снимать уже нечего. Мой палач будет в недоумении.

– Государь! – уже всерьез испугался барон.

– Иначе бы ты подумал, прежде чем утешать невесту бежавшего преступника, что место ее жениха теперь свободно.

Светлячка как мукой обсыпали – так побледнел.

– Я н-н-не достоин такой чести, в-ваше величество.

– Значит, пить на равных с моим наследником – достоин, а тут вдруг заскромничал?

Пора спасать вражеского лазутчика. И сестрицу. На этот брак я точно не дам согласия даже под пытками.

– Позвольте напомнить, ваше величество, что по дого... – мои губы вдруг ожгло, словно раскаленной сковородой прилетело.

– Не позволяю!

Отдышавшись, призналась:

– Сир, это я привел сюда Виолу.

– Сводником решил побыть? – вонзился в меня стальной прищур. – Дурная работа. Неблагодарная. Ступай, принц, в твоих покоях еще одно высочество околачивается. Просил у меня дозволения попрощаться с тобой до отъезда. Уедут

они еще до рассвета, другого времени не будет. У тебя есть полчаса до заката.

Кто бы говорил о сводничестве! Я разрывалась между долгом защитить сестру и желанием увидеть и допросить северянина. Но пришлось подчиниться приказу. Уже в дверях уловила за спиной нетерпеливый вопрос Роберта, обращенный к Аниру:

– Ну, что они ответили? Где письмо?

– Вот оно, государь, – тоном заговорщика зашептал Светлячок, вытаскивая свиток из-за пазухи. – Вы были правы, заподозрив, что...

– Не стой на пороге, Лэйрин! Или отправить тебя в башню прямо сейчас? – оглянулся Роберт, и меня сдуло.

Кто – они? О каких опять тайнах тут будет разговор?

И почему, раз уж король обвел меня вокруг пальца и вынудил к обряду айров, движение по пути Айшери получается таким односторонним? Несправедливо! – бесилась я, пока в окружении вейриэнов добиралась до своих вот уже неделю как заброшенных покоев – мне просто некогда было там появляться. Да и грустно: там почему-то особенно остро ощущалось исчезновение Рагара из моей жизни.

Принц Игинир, уже почищенный от въевшейся болотной грязи и переодевшийся, расслабленно сидел в кресле рядом с шахматным столиком, в любимой позе моего погибшего

наставника – вытянув ноги, положив локти на подлокотники и подперев сцепленными в замок пальцами подбородок. То ли дремал, то ли углубился в размышления. Но при моем приближении вскинул ресницы и вскочил резко, словно гейзер выплеснулся.

– Ваше высочество.

– Ваше высочество.

Раскланялись.

– Простите, что позволил себе в ожидании...

– Простите, что заставила себя ждать...

Непривычно наблюдать чопорного, как старая фрейлина, Рамасху. Или это у него от усталости?

– Помнится, я задолжала вам партию, – вынув из кармана черную королеву, я поставила ее на доску и жестом пригласила гостя присесть.

– Не успеем сегодня, – грустно усмехнулся принц, а в глазах плеснули, наконец, радужные искры. – Но я рад, что ты помнишь. Наша партия еще впереди.

Как-то двусмысленно это прозвучало. Срочно сменила тему:

– А что с Сиареем? Я бы хотела его увидеть.

– Невозможно. Он жив, но без Рагара никто ему не сможет помочь ни здесь, ни в Белогорье. Только на родине есть лекари, знающие, как вдохнуть жизнь в угасающего ласха. Я отправил его в свой дворец, но там ему нельзя долго оставаться. Если узнает отец, то будут большие неприятности и

у Сиарея, и у меня. Вот о ласхах, служивших в личной гвардии Рагара, я и хотел поговорить с тобой. Возьми их под свое покровительство, Лэйрин.

– Я?

– Больше некому. В Белогорье они чужие, вейриэнам не подчиняются, служили только Рагару. А в империи все они признаны изменниками и объявлены вне закона, как и мой младший брат.

Я вопросительно выгнула бровь: в хрониках упоминались трое младших братьев кронпринца Игинира, но причем тут они? И потом, как ни далека я была от политической жизни, но знала, что все трое до последнего времени пользовались императорскими милостями.

– И кто же из ваших братьев попал в опалу?

– Рагар, и уже давно.

Судя по невозмутимым лицам вейриэнов, они были в курсе истинного статуса своего любимого мастера, а вот я с минуту тарацилась на страшно довольного произведенным эффектом Рамасху.

– Такого имени нет в хрониках! – выпалила я.

Он засмеялся.

– Его настоящее имя было другим. И потом, бастарды редко попадают в хроники. Особенно, такие, как мой любимый братишка. Рагар потом меня убьет за раскрытие тайны, но сам виноват, нечего было умирать, – улыбка Рамасхи снова стала грустной. – Отец вычеркнул его имя из книги рода по-

сле его бегства, но оно там было, а уже одно это многое значит в нашей традиции. Отец признал его. Мать Рагара – из семьи вейриэнов, воительница Найла. Она была телохранительницей моей матери, но лишь после смерти императрицы согласилась ответить на любовь императора, а потом ушла. Говорят, отец на коленях перед ней стоял, чтобы не уходила. Трудно представить. Надо знать это ледяное самовлюбленное совершенство: чтобы он опустился перед кем-то, да еще на колени! Найлу и это не впечатлило. В отместку он объявил войну Белогорью. Тоже не представимо. Ни до, ни после этот расчетливый скот не был способен на безумства.

Удивительная сыновья любовь, – хмыкнула я про себя.

– Так это же было всего полсотни лет назад! И не война, а стычка на границе.

– Ничего себе стычка! – с неподдельным возмущением воскликнул принц Игинир. – Тысячи погибших. Его возлюбленная вейриэнна дралась за Белые горы и умерла от ран. Отец, узнав о ее смерти... Это был кошмар. Мы боялись за его рассудок уже всерьез. Тогда я понял: великие тоже способны на чувства, особенно, когда давят их в себе сотни лет, и вдруг их прорывает, да еще как! Найла была его лебединой песней.

– Но она же возродилась?

– Предпочла уйти полностью в страну духов. Умная женщина. Может быть, она и возродится после смерти императора, а пока предпочитает не давать повода для новой, как

ты говоришь, стычки. Вейриэны отдали императору ее младенца, и Рагар спас всех нас своим появлением. Отец его боготворил, признал законным сыном. А неблагодарный мальчишка, когда подрос и узнал, кто его мать, бежал, – Рамасха усмехнулся воспоминаниям, но глаза оставались грустными. – Вместе с охраной бежал, паршивец! Принес клятву верности Белогорью и стал вейриэном. И отец так же яро, как любил, возненавидел его. Вот, собственно, и все.

Я задумалась над услышанным.

– Очень романтично. Но, если Рагар был любимым сыном, то ты...

Он вскинул голову – по волосам метнулись дивные сполохи – пронзительно глянул в глаза.

– Наконец-то ты сказала мне «ты», Лэйрин!

– Не только это, – смутилась я.

И принц отвел глаза.

– Романтично, говоришь? – усмехнулся он. – Кроме Рагара, который никогда не стал бы кронпринцем, у императора не было любимых сыновей. Старших моих братьев отец убил, когда они заматерели и начали задумываться о том, что с нашим долгожительством ждать короны им придется слишком долго. Мою мать тоже он убил, она мешала ему добиться любви Найлы. Вейриэнна, по счастью, не знала об этом, но я знал. Видел. Мне было пять лет, когда это случилось. Отец испытывает передо мной легкое чувство вины, но ненавидит сильнее, чем Рагара. У нас в империи романтика

не выживает, Лэйрин.

Я прикусила губу. Вот какие вы, северные... И еще кто-то тут считал Роберта злодеем?

– Какому же чудовищу отдают Виолетту!

– Обычному, – дернул он плечом. – За триста лет и не таким станешь. Я буду оберегать мою новую мачеху, клянусь. Пока я жив, с нее волос не упадет.

– Пока... Но ты теперь – следующий в очереди из сыновей!

Северянин ослепительно улыбнулся:

– Мне приятно, что ты беспокоишься о моей жизни, но меня он не тронет. Отец очень трепетно относится к моему здоровью. Все просто, Лэйрин. Если со мной что-нибудь случится, то Найла узнает, кто убил мою мать, а ее госпожу и подругу. Но главное – я ему полезен, как никто другой.

Это я могла понять: внешней политикой Империи как раз и занимался кронпринц Игинир.

Снежная туча, залепившая окно снаружи, выдвинула из-под маскировочного крыла любопытный драконий нос и деликатно прокашлялась:

– Кха-кхм... ваши драгоценные высочества... простите за дерзкое вмешательство, но солнце уже коснулось горизонта, а мы тут, никому не нужные изгнанники, потерявшие нашего господина и к позору нашему оставшиеся в живых, покорнейше ждем решения нашей горемычной судьбы.

И глазки такие умильные, и тон, как у распоследнего

прийдохи... И Рамасха туда же:

– Они обузой не будут, Лэйрин. Как ученица Рагара, ты имеешь право на то, чтобы слуги наставника служили и тебе.

– Может быть, Рагар еще жив!

Северянин опустил веки, качнув головой. Эльдер душе-раздирающе вздохнул, а с подоконника закапал слезливый ручеек. Еще растает, бедолага.

– Я, конечно, возьму под покровительство всех... – поспешила я согласиться. Кто ж от таких подарочков откажется? – А сколько вас, изгнанник?

– Двести восемьдесят шесть. Из них девяносто восемь имеют легкие ранения и стоят лагерем в лесу, пятьдесят семь с тяжелыми ранениями сейчас в тайном лазарете у его высочества принца Игинира, а сотня была оставлена нашим господином в Белогорье, и ждет приказа, – на одном радостном вздохе выпалил Эльдер. И в комнате мгновенно посветлело – ласх взвился в небо, возликовав: – Оставшиеся принесут присягу немедленно!

– Двести вос... Сколько?! – я слишком поздно осознала, во что меня втянули. – Это же целая армия магов!

– То, что от нее осталось за эти годы, – уточнил Рамасха. – Причем, элитная гвардия. А было полтысячи – император серьезно отнесся к безопасности любимого сына. Потому и не смог потом ни догнать, ни вернуть с такой-то защитой.

Только от темных они защитить не сумели... Второй раз не сумели, если вспомнить рассказ Роберта о пленении Рага-

ра сразу после моего рождения. Да и кто сумел бы, если целые страны гибли в мгновение ока с приходом Темной страны?

Что-то встрепенулось во мне, как волна прошла – глухая, темная, потянувшая душу на дно раскрывающейся бездны. Зов. Я слышала беззвучный зов, как тогда, во время безумного танца схватки со своими же друзьями – ласхами и вейриэнами. Я вцепилась в подлокотники, как будто это могло удержать от... от чего?

Рамасха рванулся ко мне:

– Лэйрин!

От толчка шахматный столик опрокинулся. Фигурки рассыпались. Черная королева подкатилась к моим ногам. И почему-то показалось страшно важным, чтобы сапог принца не раздавил ее. Оттолкнув Рамасху, я опустилась на колени, чтобы поднять.

Пальцы свело судорогой, да и все тело охватило мучительным жаром: схлестнулись две волны – огня и мрака – опять свиваясь в смерч. Не хочу. Не хочу!

Рамасха поднял, обхватил меня, плотно прижав к себе.

– Тише, принцесса... Потерпи, сейчас пройдет.

Вейриэны уже были рядом, а в окна, окрашенные закатным светом, врывались ледяные ветра, затмив последний солнечный свет.

Слишком много холода. Слишком темно...

И мёртво...

Во тьме распахнулись две изумрудные звезды, озарив живым теплым светом. Тьма попятилась, удивилась: «Лаэнриэль?» И схлынула. Освободившееся пламя торжествующе взревело.

Принц едва успел отскочить, зашипел, как кот, подпаливший усы. Его одежда задымилась. А вот моя, как ни странно, уцелела на этот раз. Да и рассудок. Кажется.

Но колени подкосились, и я рухнула в кресло. Спасенная черная королева оказалась зажатой в кулаке с такой силой, что лопнула кожа и сочилась кровь. Не огненная, не черная, а самая обычная, но очень горячая кровь – от капель тоже поднимался легкий дымок. Матушка моя. То, что ты со мной делала – еще не самое страшное, оказывается...

– Лэйрин! – раздалось от двери властное королевское.

Я с трудом поднялась – долговязый Зольтар поддержал за локоть. И не обжегся, кстати. Ободряюще улыбнулся. Редкая эмоция у вейриэнов, но четверка присутствующих здесь дружно решила изменить твердокаменным привычкам. И не было уже Рагара, который приструнил бы подчиненных легким движением брови. Да и мастер Морен отсутствовал – он, пристыженный увечьем от рук такого бездарного ученика, как я, уехал в Белые горы.

Смущенно улыбался и десяток появившихся в комнате незнакомых мне ласхов. А кем еще могут быть столь удивительные существа – прекрасные и ужасные, искрящиеся в закатных лучах, падавших из окна алыми снопами? Они тут

же опустились на колени, прижав кулак правой руки к груди.

Рамасха же выглядел мрачно, как склеп в полночь.

И Роберт не радостней.

Когда ласхи раздвинулись, освобождая проход королю, он не сделал ни шага, так и стоял в распахнутых дверях. Грудь его тяжело вздымалась, словно он бежал наперегонки со степным иноходцем, из горла вырывалось свистящее дыхание.

– Лэйрин, – повторил уже тише. – У нас... беда.

Глава 15

Памятная мне Черная часовня горела. Полыхала и роща вокруг, выстреливая в небо багровые искры. Смоляной дым, рваным полотнищем поднимавшийся на фоне красного неба выглядел особенно зловещим, напоминая огромную фигуру в развевающемся крыльями плаще.

В этом огне сгинула Виола.

– Зачем ее туда понесло? – в отчаянье кусала я губы. – Разве вы не могли остановить или ее, или пожар? Вы же маг! Вы отец!

– Я его и зажег, – ответил король, не отводивший немигающих, раскаленных до белизны и уже нечеловеческих глаз от бушующего вдали пламени.

Боги милосердные, если вы есть, если вы милосердны...

– Вы ее убили, сир? За что?

Он протянул мне черный свиток. Не тот, который был у Светлячка, – отстраненно отметила я. Этот ни с каким другим не перепутать. Клочок мрака. Дыра в никуда, перечеркнувшая широкую ладонь Роберта. Притаившаяся в ночи змея. Меня передернуло от отвращения, когда я прикоснулась к пергаменту.

Свиток развернулся с шелковым шелестом. Тускло засветилась синим хищным цветком печать внизу послания.

«Ты осмелился трижды прогневить меня, – вспыхнули

багровые руны. – Ты, Роберт, ничтожный потомок Астарга Ориэдра, взявшего корону не по праву крови. Ты, поднявший руку на отмеченную моим семенем женщину и изгнавший ее. Ты, взявший в заложники моего сына и посмевавшийся его усыновить, как собственного. Ты, убивший моего верно-подданного Дирха и уничтоживший огнем его прах. Трижды Я тебя щадил. Но более трех не щажу никого. Ты знал это. И ты покусился на жизнь ребенка слуги моего Дирха в чреве благодетельствованной им женщины – твоей дочери Виолы. Или ты забыл, что дети моих слуг – мои слуги? Я, Владыка Темной страны, приду напомнить. Я, Господин твоей смерти, требую отдать мне эту женщину с моим подданным в ее чреве. Ей будет оказана честь стать наложницей брата убитого тобой Дирха. Ее жизнь будет твоей платой за его смерть. Я приду за твоей дочерью сегодня в полночь. Если ты не отдашь мне мое, Я возьму вместо нее твое королевство. Ты слышал меня. Это сказал Я, Азархарт».

Как только я прочитала послание, Роберт забрал его и поджег. Даже пепла не осталось.

– А вот это получила Виола. Письмо лежало на постели, когда Эльдер вернул ее в покои, – король протянул еще один свиток, обычный, но по контрасту с только что прочитанным, казавшийся снежно-белым.

«Здравствуй, моя дочка Виола, моя любимая кровиночка. Тысячи раз я, твоя несчастная и убитая горем мать, писала тебе письма, а в мыслях – сотни тысяч раз. Плакала и проси-

ла прощения у тебя и у всех моих доченок, отнятых у матери волей тирана. Ваш отец изгнал меня, перехватывал письма, а теперь угрожает казнить, как ведьму. Но меня не остановят его угрозы, любимая моя Виола, потому что сейчас тебе нужна моя помощь.

Только ради тебя, рискуя жизнью, я приехала в столицу. Знаю о твоём несчастье, милая моя девочка. Знаю и плачу вместе с тобой. Но еще знаю, что только я могу помочь тебе. Доченька моя, ничего не бойся, мы справимся с этой бедой. Я уже приготовила безотказное средство из трав, чтобы наверняка избавить тебя от последствий твоего несчастья. Средство сильное, проверенное и очистит тебя сразу, с одного глотка.

Сегодня на закате я буду ждать тебя в Черной часовне. Ты, конечно, понимаешь, моя умница, что никому не надо говорить ни обо мне, ни об этом письме. Любящая тебя мама Хелина».

Стиль письма удивлял. Совсем не мамин. К тому же, королева никогда не плакала. Она не стала бы жаловаться, да еще и той, кому тоже есть на что пожаловаться.

И – главное – печать дома Грахар не откликнулась, когда кончики моих пальцев пробежали по контуру увенчанного короной орла на вершине скалы. Он не распахнул волшебные крылья.

– Это писала не матушка, – я подняла глаза на напряженно ждавшего Роберта. – И печать фальшивая. Письмо под-

ложное.

Он кивнул.

– Да, я сразу понял. Но Виола об этом не знала. У нее уже не было времени выяснять, как и через кого письмо попало в комнату – времени оставалось только одеться и бежать в часовню. Девочка в смятении, мне даже трудно представить ее состояние. И вдруг узнает, что мать рядом, и уже через час избавит ее от страшного ребенка. Она очень хотела поверить и поверила. Азархарт создал ловушку. Всего одно подложное письмо...

– Но как он узнал о нашем с Виолой разговоре, да еще так быстро? Как вы сами о нем узнали?

– Скорее всего, это совпадение, и ловушка была спланирована заранее. А мне сообщил барон Анир.

– Предатель!

Роберт повернул освещенное отблесками пожара лицо.

– Не забывай, Лэйрин, что аринты – огнепоклонники. Я для них – что-то вроде воплощения бога на земле. Он меня не просто любит – боготворит.

– Учту. А не может Азархарт подслушивать через тень так же, как вы – через огонь?

– На подвластной ему территории – да, и без ограничений. А это не только Темная страна, но и любое оскверненное место. Или чья-то душа.

По позвоночнику пробежал холодок. Голос упал до шепота:

– А моя кровь тоже... подвластная ему территория?
Король покачал головой.

– Пока нет. К счастью, у него еще нет власти над тобой. Я тоже не через любой огонь могу увидеть и услышать, только через тот, над которым могу взять власть. Твои старшие сестры Адель и Агнесс зажигали свечи на черных мессах, но их огонь слепил меня, как слепит тьма. В Черной часовне, горели такие же и в ту ночь, когда туда пришла твоя мать для встречи с темным слугой, и сегодня, когда туда пришла Виола. Но младшие принцессы – послушные девочки, в отличие от старших. Виола всегда, когда выходит из дворца, берет с собой лампадку. И я увидел. Что бы сделала на моем месте ты, если бы обладала моей силой?

Если бы еще знать пределы и возможности этой силы. Я посмотрела на дым, распахнувшийся над шпилями столицы клубящиеся крылья. Пожар шел на убыль, не перейдя границу рощи вокруг развалившейся в угли часовни. И вокруг пожарища не виднелось ни одного дымка – Роберт не позволил огню перекинуться на дома горожан.

– Попыталась бы спасти ее, – ответила.

Он улыбнулся уголком потрескавшегося от жара рта.

– Она жива. Я увел ее через огонь в убежище на том самом необитаемом острове. Но Азархарт заставил меня сыграть в его игру, – он зло сощурился на догоравший вдали огонь. – Теперь он точно знает, что Виолы в столице нет и не будет. Идем, Лэйрин, нам тоже пора. Скоро совсем стемнеет.

– Теперь Темный владыка придет в полночь?

– Да. Он всегда выполняет обещания. Но у меня будет встречный ультиматум.

Нетрудно догадаться, что речь пойдет обо мне.

Тошно чувствовать себя предметом торга. Тошно и мерзко.

Но неужели король вот так запросто раскроет мою тайну? Или она уже раскрыта... Не мог ли Темный владыка, если он тоже считает Роберта недалеким королишком, спровоцировать его на необдуманные шаги, и на самом деле ловушка – не для Виолы? А если нападение на сестру и тот зов – не случайно совпали на закате, и мой настоящий отец, соприкоснувшись со мной через зов, что-то почуял? И решил проверить, убедиться воочию?

Роберт тоже молчал, не пожелав посвятить меня в планы. Он опустил ладони на перила балкона, на котором мы стояли. Закрыв глаза, полной грудью вдохнул горячий воздух, и... языки далекого пламени разом пропали. И я могла бы поспорить, что уже ни искры не тлело на пепелище.

Мы вернулись в зал, где у окон толпились перепуганные придворные. Короля сразу же окружили соболезнающие – пронюхали уже об исчезновении Виолы. Церемониймейстер интересовался распоряжениями о похоронах... Я огляделась, уловив краем глаза радужное сияние в уголке за ко-

лонной. Рамасха успокаивал рыдающую Виолетту. В прорезях рукава на ее предплечье клеймом алел свежий пятипалый ожог, оставшийся от моего к ней прикосновения. Мама бы такую ерунду мигом вылечила. Потом я устыдилась: принцесса оплакивала не подпорченную внешность, а сестру-близняшку – король никому еще не сказал о спасении дочери.

Когда я проходила мимо, Виолетта, грубо оттолкнув северянина, подбежала, прошипела мне в лицо:

– Довольны, братец?

Я опешила.

– Чем же я должен быть довольным?

– Ну как же! – воскликнула она, намеренно привлекая внимание жадного до зрелищ двора. – Виола уже не скажет, кто на самом деле виновен в ее бесчестии, а теперь и в ее смерти! Думаете, околдовали папеньку, подстроили этот бесчестный суд, так никто и правды не узнает? Это вы подговорили Дирха напасть на нас! Вы приехали заранее в столицу, это уже известно. И это вы, братец, подожгли часовню, куда она пошла помолиться. Вы испугались, когда она сказала, что беременна от вас и заметили последствия вашего разврата!

Если уж боги немилосердны, то откуда взяться этому качеству в их творениях? – впала я в философский ступор, глядя на ее зареванное, искаженное горем личико. У бедняжки совсем в голове помутилось.

Рамасха, подмигнув мне за спиной принцессы, скучающим тоном сказал вполголоса своему оруженосцу:

– Какое счастье, что мои мачехи долго не живут, особенно те, что не сдержаны на язык. Может, мы с тобой, Льеос, пари заключим, сколько протянет эта новенькая?

– Опасно с тобой на спор идти, мой принц. По мне, так чем меньше они живут, тем лучше – свадьбы с бесплатной выпивкой чаще. Похороны, опять же... – подхватил игру ласх, мерцающий золотистыми искрами, как корочка наста на солнце (дивной красоты, и где Рамасха таких берет?).

Виолетта побледнела.

– Я думал, с отъездом Адель и Агнесс во дворце не осталось гадюк. Ошибался! – рывкнул стремительно подошедший король. – Принц Игинир, вы, кажется, настаивали на немедленном отъезде и не хотели ждать до утра? Так я уже не возражаю. Тем более, что от горцев вместо бежавшего преступника Дигеро фьерр Этьера прибыл недостающий второй сопровождающий. Забирайте императорскую невесту и уезжайте, а ее тряпки я следом отправлю. Видеть не хочу эту дуру ни минуты больше! Кто вложил в твою глупую голову этот бред, Виолетта? И не смей мне лгать!

Девушка предпочла обморок. Охи, ахи, лекари...

Роберт обвел тяжелым взглядом собравшийся в зале цвет королевства, немедленно сделавший подобострастные морды. Усмехнулся.

– Значит, Божий суд для вас – ничто, мои добрые поддан-

ные? Еретики! Наследника моего порочить вздумали? Подлецы! Так, может, мне самого Азархарта в свидетели позвать? Богу не верите, так дьяволу поверите? Вот послание владыки Темной страны! – вытащив свиток обычного черного шелка – фальшивый, как успела я заметить, хотя руны на нем вспыхивали ничуть не хуже, чем на оригинале, Роберт зачитал весьма избранные места из послания, изрядно подправленного явно королевской огненной рукой. Только то, что касалось Дирха, Виолы и предстоящего полуночного визита Темного.

Что тут началось! Обмороки дам, само собой. Старики за сердце схватились. Те, кто помоложе и порезвее, плюнув на отцов и жен, к дверям ринулись – свои шкуры спасать. Стражники выставили пики. Давка, драка, вой нечеловеческий...

– Стоять! – гаркнул король, перекрывая вопли и стоны. – Сожгу как изменников короне! – придворные замерли, сползая по стенкам. Темные темными, когда еще придут, а разгневанный монарх – тут, под боком, и уже выпустил огненные когти. Роберт, скорбно сведя брови, сказал с болью в голосе. – Сегодня в Черной часовне Азархарт забрал жертвенного агнца. Отдал я ему мою возлюбленную дочь Виолу, спасая вас всех, недостойные. А часовню сжег, чтобы не напоминала о моем горе.

– Значит, похорон не будет, – приуныл церемонимейстер, наверняка уже прикинувший, сколько монет перепадет в его

карман.

Остальные возликовали. Повалились на колени, славословя спасшего их государя. И, ручаюсь, в этот миг их любовь к благороднейшему королю Роберту Сильному была вполне искренней. И никто слезинки не проронил по Виоле – так рады были. Не тому, что принцесса жива, а тому, что сами жить будут. Да и кто не поймет их радость? Я не берусь осуждать.

Но каков рыжий бык! И глазом не моргнул, соврав! Впрочем, если рассматривать его речь не с точки зрения прошедшего времени, а с точки зрения ближайшего будущего, то почти никакой лжи: жертвенный агнец в наличии, топчется у стенок, всеми забытый. Даже слегка прожарен, чтобы темные, предпочитавшие свежатиночку, подавились.

А Роберт, между тем, подпортил всеобщее ликование:

– Но я заплатил немислимую для моего отцовского сердца цену. И вам, любезные мои приближенные, даруется привилегия скрасить мое горе и выразить вашу любовь и благодарность пожертвованиями. Канцлер огласит, сколько полагается за каждого избавленного от Темного владыки главу семьи, его жену, сыновей и вассалов со всей челядью. За души незамужних девиц пожертвований брать не буду в память о моей возлюбленной дочери Виоле, даже не спрашивайте. Здесь я непреклонен. Кстати, о душах. Даже великие герцоги не должны обижаться на тот факт, что спасенная жертвой принцессы от темного ада душа священника или монаха стоит десяти графских.

Кардинал сцедил сквозь зубы богохульственные проклятия. Стенания же придворных грянули куда горше, чем при известии о вероятном приходе в полночь Темной страны. Как зыбка человеческая благодарность, как мимолетна любовь...

Рамасха, воспользовавшись суматохой, отозвал меня в сторону. Далеко в сторону – в пустовавший соседний зал. Ласхи рассредоточились по периметру, отсекая всякую возможность подслушивания.

– Лэйрин, я соболезнаю. Но мне показалось, что-то тут не так с этим пожаром, – он взгляделся в мою бесстрастную физиономию. – И отсутствие горя в твоих глазах многое значит. Но и тревогу невозможно не заметить. Предлагаю тебе бегство. Немедленно.

Я покачала головой: поздно. И есть вещи, от которых не убежать... и нелюди, которые догонят.

– Знал, что не согласишься, но попытаться должен был. Тогда позволь вопрос, Лэйрин. Ты хорошо понимаешь, во что тебя втянул Роберт с этим обрядом айров?

Да какая теперь разница. На обряд нужен год, а ультимативная полночь – через несколько часов. Но я прикусила губу. Стоит ли сообщать северянину всю правду о моем происхождении? Впрочем, многоликий маг явно догадывается после всех моих... смерчей.

– Я читала свиток с описанием, – сказала.

– Сокращенный вариант или полный? – уточнил он, на что я пожала плечами. – Тогда еще вопрос: ты согласна с тем, что твоя суть может измениться?

– Что значит измениться?

– Обряды айров небезопасны для тех, кто не является айром. То есть, для всех ныне живущих, их наследников и простых людей. На третьем этапе обряда поименования айры выбирали сущность и телесный облик для нее.

«А третий этап – Ноиль, прядущие нить жизни, нам не понадобится. Наш пол дан нам свыше», – вспомнила я слова короля.

– Не понимаю, какая тут опасность?

– Значит, он не все тебе объяснил. Лэйрин, ты знаешь пристрастия Роберта. Он... не поклонник женщин.

«Никогда не прощу Хелине того, что она с тобой сделала. Как не мог простить Астаргу убийства самого прекрасного существа, когда-либо жившего в этом мире» – говорил мне король, и сталь его глаз влажно блестела.

– Но хуже всего то, что он сильнее тебя, – сказал Рамасха. – Его воля, его страсть смогут то, чего не смогла даже твоя мать-волшебница – они вылепят твое тело.

В ушах звенело. «Он никогда не полюбит тебя, как женщину... с точки зрения нормального мужчины ты безобразна...», – говорил мне король, но в его глазах не было отвращения.

Рамасха, заметив мое оцепенение, осмелился взять мою

ладонь, и прохлада его пальцев помогла сосредоточиться.

– Самое печальное, – сказал он, – что ты сама этого захочешь, когда, завершив путь Лайсе, прядущих нить сердца, ступишь на путь Ноиль.

«Ты выглядишь вполне приятно... для мальчика... что меня вполне устраивает», – говорил мне король, и его ладонь на моем плече пылала желанием.

– Я рождена женщиной, разве это возможно изменить?

– Маги – наследники айров. В обряде поименования можно изменить всё, а Роберт очень сильный маг. Он любит не тебя, Лэйрин, а того, кем ты можешь стать. Вот я и спрашиваю сейчас, пока ты в начале пути: ты действительно хочешь этого? Сейчас, а не потом, когда вы оба начнете меняться, приспособливаясь друг к другу. Другого пути у его страсти нет.

В горле у меня пересохло, и ответ получился слишком сухим:

– Не выйдет.

– Не сердись, я лишь хотел предупредить. Ты прекрасна такой, какая есть, и я не хотел, чтобы ты превратилась в другое... существо, – нахальный северянин коснулся кончиками пальцев моей щеки. И это было приятно, как сладкая льдинка во рту в жаркий июльский полдень. В детстве я частенько наведывалась в погреб за таким лакомством.

– Благодарю за предупреждение, – отстранилась я. – Осторожнее, принц, я могу вас случайно растопить.

И правда могла – в душе пылал гнев непонятно на кого. Не на Рамасху. Не на Роберта, который в какой-то момент опять солгал мне, и я никак не могла вычислить, в какой.

И уж не на то, чем грозит мне обряд. Глупо задумываться о том, что наверняка никогда не случится. Потому что все решится сегодня, через несколько часов. Даже многоликий маг, видящий истину, не догадался, что Виолы у Азархарта нет, и Темный явится в свое излюбленное время суток – в полночь. И Роберт благоразумно удаляет из королевства северянина и еще одну свою дочь. Может, и других постарался обезопасить – чем-то же занимается сейчас, причем, срочно, хотя давно должен доставить меня в убежище.

Я злилась вообще. На все. На весь мир. На того, кто испоганил мою судьбу. Судьбу матери. И Виолы. Даже судьбы стервозных сестер Адель и Агнесс. На бога? Возможно.

Но куда сильней, чем на всех, вместе взятых, во мне поднимался гнев на Темного владыку. В полночь, говорите? Будет вам полночь.

– Мне пора, Рамасха, прощайте. Берегите мою сестру, вы обещали.

– Опять на «вы», – вздохнул он. – Подожди еще пару мгновений, Лэйрин. Что бы ни случилось, знай, я – твой друг, и ты можешь рассчитывать на мою помощь. А чтобы помощь не опоздала... позволь мне... – он снова взял мои ладони в свои, вложил в них что-то прохладное и живое, как лесной ручей. Улыбнулся, глядя в глаза. – Это ключ. Эльдер

научит тебя, как с его помощью рисовать в небесах слова души, а мои послания, тебе предназначенные, ты сможешь понимать и без Эльдера.

Вся моя злость – огромная, беспощадная, всепожирающая, о, да! – мгновенно улетучилась, оставив после себя ощущение чужого, наносного. Через миг и это прошло, и я не стала задумываться о том, *чья* это была злость, и *кто* провоцировал меня на странные для здравого рассудка шаги – повидать папочку любой ценой.

Не до того.

Я любовалась лежавшим в ладонях радужным цветком. Его лепестки непрерывно распускались из светившегося звездным огоньком центра и, сбегая каплями к коже рук, гасли, как будто впитывались. По пальцам и запястьям струились, щекотали нежные змейки, как крохотные северные сияния. Хотелось смеяться, глядя на это чудо.

Так случилось, что в моей жизни было мало мгновений чистой, ничем не замутненной радости. Этот миг – один из них.

– Но я же не ласх, – пробормотала я, не зная, как выразить благодарность.

– На Севере и чистокровные люди живут, и полукровки. Для них и созданы магами такие живые ключи. Ласхи обходятся без них.

– А где его хранить?

– В сердце, – совершенно серьезно заявил Рамасха, но в

дивных глазах плясали смешливые искры.

Он положил ладони поверх моих, кончиками пальцев коснувшись запястий и закрыв сказочный цветок. Сияние просочилось, крохотные радуги ринулись осваивать новую территорию, засияли ярче... вспыхнули разом, зыбкой сферой света охватив наши руки, и... погасли. Цветок пропал, как не было.

Такое же горькое разочарование я испытала в детстве, обнаружив исчезновение из клетки райской птицы с изумрудными глазами.

– Ключ не может быть один. Теперь их два, – принц развернул ладони, и в них на миг расцвело радужное чудо. И, как эхо, в моих руках тоже мелькнули лепестки радуг. – Отражения друг друга. Остальное покажет Эльдер. Теперь мне действительно пора уходить.

– Как мне отблагодарить за такой подарок?

– Только одним, – выразительный взгляд на мои губы и ухмылка, когда я попятилась. – Лэйрин... Только одно прошу. Если вдруг узнаешь то место из своего видения, куда бросили тело моего братишки, или еще хоть что-нибудь о Рагаре, сразу же дай мне знать.

Сверкнул на прощание улыбкой и так стремительно направился к двери, что я едва успела сказать «спасибо».

Король, стоя в одиночестве у горевшего камина, ждал нас

в соседнем и, по всей видимости, уже давно пустовавшем зале. Придворные все куда-то разбежались. Наверняка разносить сплетни о случившемся.

Роберт кивнул на поклон Рамасхи:

– Счастливого пути. Мы с наследником провожать вас не будем. Виолетту я уже давно благословил, второй горец ей представлен, ждут только тебя. Поезжайте так быстро, как только способны ваши дьяволы.

– Что-то намечается, сир? – насторожился принц.

– Повальная пьянка, – скривился Роберт. – По поводу счастливого избавления королевства от вторжения Темной страны.

Подозрительность принца усилилась, но спросил он почему-то другое:

– И каким образом успел прибыть второй паж за такой короткий срок?

– Я провел. Через огонь.

– Понятно, – прищурился Рамасха.

Хотелось бы мне знать, что он тут понял такого важного. Мне же пока стало ясно, что Роберт, хотя бы на миг, но побывал там, куда полтора века не ступала нога равнинных королей. В Белых горах. А это значит... Это значит – всё настолько плохо, что даже распри между гордыми лордами забыты. Все-таки изгнанный и проклятый род Ориэдра – такие же дети Белогорья.

Между тем светская беседа магов продолжалась, словно

они оба никуда не торопились.

– Это тот третий парень по результатам в Долине Лета? – рассеянно спросил принц, явно думая о чем-то другом.

– Нет, от список я тоже видел, когда утверждал кандидатуры от горцев. Фьерр Ирдали в него не вошел, ибо в Долине Лета его не было.

– Вот как? Он еще и без рекомендаций?

– Рекомендации у него есть, вручит. Разве слово вейриэнов весит меньше слов риэнов?

– Мне обещали лучших, а суют айры знают кого в последний момент! – не сдержал раздражения северянин.

– О младшем сыне рода Ирдали наслышан даже я, – усмехнулся Роберт. – Это образец такой невероятной гордости, какая и Дигеро еще не снилась. Юноша и был лучшим, пока не узнал, что руководить состязанием в Долине Лета будет лорд Наэриль. Не знаю, что уж там у них в горах происходит, но младший паршивец заявил, что привилегия сопровождать невесту императора столь велика, что он, видите ли, не может начинать путь к этой чести с бесчестья, каковым считает пребывание хотя бы миг под началом Наэриля. И в долину не явился, предпочел наказание.

– Похоже, с его честью будет еще больше возни... – усмехнулся принц, а в глазах заплясали заинтересованные сполохи.

Меня тоже весьма заинтересовал тип, бросивший такой шикарный вызов мерзавцу Наэрилю, моему теперь кровно-

му врагу. Надо запомнить имя Ирдары: враг моего врага – априори мой друг.

– Надеюсь, – глянул король на Рамасху, так хитро прищурившись, что не трудно было догадаться: на моих глазах состоялся заговор. И как эти политики все успевают и не упускают ни единой возможности для интриг?

Приказав мне оставаться на месте, как наказанному за покушение на здоровье сестры, Роберт ушел вместе с принцем благословить дочь в дорогу.

Тот бесконечно длинный день сделал мне еще один странный подарок.

Оставшись в одиночестве, если не считать стражи у дверей, я подошла к окну, откуда была видна суетившаяся во дворе толпа. Так вот куда все придворные подевались: провожали принцессу и северян. И явно жалели, что не могут сбежать с ними.

Тревога витала в воздухе, наполненном запахом гари. Укутанные в шубки фрейлины растерянно взирали на белоснежных скакунов под дамскими седлами. Видимо, они ожидали множество карет с подушками, и теперь пытались осознать, как быть дальше – падать в обморок или впадать в истерику.

И тут где-то на периферии зрения мелькнул щемяще знакомый жемчужный отблеск.

Я повернула голову. Отблеск тут же исчез, но...

Боги мои, я не знаю, что со мной тогда случилось.

Показалось, мир внезапно куда-то отступил, отхлынул серой волной, и осталось лишь одно яркое пятно – фигура незнакомого воина лет двадцати, с яркими глазами цвета моря, внимательно смотревшими на меня.

Он стоял среди ласхов рядом со вторым пажом Виолетты. Одет по-походному, на плечах – подбитый мехом плащ, скрепленный у ворота гербовым знаком младшего лорда. Несложно догадаться, что я вижу того самого фьерр Ирдарри. И никакой гордыни на лице, как можно было ожидать по рассказам. Спокойный, умный взгляд.

Парень не был так ослепительно красив, как бывают горные аристократы, но его черты были правильными, мужественными и вполне приятными. А его светлые, пшеничного оттенка волосы пострижены вызывающе коротко, совсем как у меня. Косичку младшего лорда не из чего заплетать.

А через миг у меня появилась твердая уверенность – мы знакомы. Испокон веков, то есть, с рождения. Моего, по крайней мере.

Бывает так, что один взгляд чужого человека переворачивает мир. Это и случилось. С той разницей, что до того моя жизнь была изуродована и повернута вверх тормашками. И сейчас меня охватило удивительно гармоничное чувство правильности мира, когда в нем все встает на свои места, как должно быть от бога.

И почему-то вспомнилась моя первая встреча с Дигеро:

тогда я ждала друга, а на меня смотрел враг. Сейчас, еще не зная ничего о незнакомом горце и лишь догадываясь об его имени, я видела друга. Равного мне, кем бы он ни был. Того, кто никогда не предаст.

Удивительное чувство. Нерациональное.

Парень тепло улыбнулся, а затем... я не поверила глазам: его пальцы сложились в вейриэнский знак единения – «эман». Он читается по-разному в зависимости от контекста, но всегда ободряюще. Эман – и горы станут пылью, но не наш дух. Эман – верь, и мы победим; эман – я с тобой, ты не один. Эман – плечо соратника, разделенная сила, глоток родниковой воды в пустыне, живительный и чистый. Эман...

Непроизвольно я ответила ему тем же знаком и, спохватившись, отошла от окна. И лишь тогда на меня нахлынуло запоздалое смятение. Что это было? Какая-то незнакомая магия?

Кто он, тот горец, непохожий на горца?

Откуда это странное чувство близости, протянутой и пожатой руки?

Может быть в тот час я нашла бы разгадку, потому что тот жемчужный отсвет мне не померещился. Он снова мелькнул там, за окном, когда кавалькада вихрем вылетела в распахнутые ворота замка. Словно прощался.

Но тут к наказанному наследнику явился король, прогнал мвящуюся у двери стражу и сбил меня с мысли.

И мне до жути не понравился прищур Роберта. Желва-

ки на его скулах гневно играли. Я вопросительно подняла бровь:

– Кто вас так рассердил, государь?

Он смотрел тяжело и пристально, словно пытался ввинтиться взглядом в мою голову и посмотреть мои мысли. Когда он перевел взгляд на окно, показалось, что с меня сдвинули каменную плиту и выпустили на свежий воздух. Уголок его рта нервно дернулся.

– Не могу понять, что с тобой произошло за столь короткое время, – хрипло сказал король. – Ты снова отдалилась от меня. Что за подарок вручил тебе Рамасха?

Помедлив, я призналась:

– Ключ для экстренной помощи.

– Секрет ласхов? Поздравляю. Мало кто удостоивается такой чести. А помощь тебе не помешает, – Роберт расслабился. – И много ли северянин тебе гадостей про меня наговорил?

– Еще час уйдет на пересказ.

– Интриган, – устало молвил он. – Причем, старый. Между прочим, этот красавец маг старше меня, вот что мороз с ними делает. В обмен на сердце. И ты, конечно, ему поверила, доверчивое дитя? Впрочем, неважно. Идем уже, у меня еще дел невпроворот, а время уходит.

Он протянул руку. Я отступила.

– Какой ультиматум вы хотите предъявить Азархарту, сир? И нельзя ли мне присутствовать при вашей встрече?

– Даже не думай. Жить надоело? Я тебе потом все расскажу.

«Лжет», – торкнулась в сердце горячая волна. Я качнула головой:

– Нет, сир. Не знаю, почему, но вы не расскажете.

Протянутая рука на миг повисла, переместилась мне на плечо, крепко сжав.

– Глуposti. Я приказываю, Лэйрин. Идем.

И шагнул в огонь камина.

... Вышли мы в дворцовой королевской спальне. Не в убежище. И Роберт, не отпуская моего плеча, направился к потайному ходу в могильник-святилище. «Выдержит любой огонь», – вспомнила я. И еще вспомнила, что все тайные убежища короля за пределами дворца самоуничтожатся, если с огненным магом случится нечаянная смерть. Например, от встречи с разгневанным Темным владыкой. И где-то в таких огненных тюрьмах-убийцах спрятаны и Дигеро, и Виола. А мной Роберт решил не рисковать, получается. А смысл? Если он погибнет, мне отсюда не выйти, только это будет медленная смерть. Я начала вырываться.

– Где Дигеро и Виола, сир?

Ход открылся, и рыжий бык втоптал меня в темный зев со слабо мерцавшим пятном света впереди.

– Нет времени, девочка. Совсем нет. Подожди меня здесь.

Впихнув брыкающуюся меня в круглое помещение, он от-

ступил и замкнул ход, оставив меня в одиночестве.

И потянулась пепельная вечность.

Слабо светили два факела, обозначая исчезнувший проход. Чуть похрустывала под подошвой серая пыль. Я села на пол, показавшийся теплым и шершавым, как человеческая ладонь. Тишина давила на уши. На сердце.

И чудилось, слева под коркой пепельного камня бушует бешеное пламя. А справа – веет холодом чистых горных льдов, озаренных золотистым светом, и трепещут раскрытые крылья. И райская птица раскрывает в душе изумрудные очи.

Потом начались галлюцинации.

Я видела Белые горы с высоты орлиного полета. Мощь и величие. Мудрость и древность.

Бриллиантами сверкали башни и шпили замков, вырастающих из льдов и скал. Приветственно вздымались руки леди и лордов. Слышала позади взмахи сотен крыльев, со свистом рассекавших воздух и порождавших эхо серебряных колокольников. Но сопровождавшие мой полет существа оставались невидимыми.

Передо мной распахивались устья пещер, выступали из подземной темноты своды, усеянные драгоценными кристаллами. Взгляд выхватывал склоненные головы подгорного народа, чье имя было – синты, их пылающие горны, где плавился металл; до слуха доносились шорохи голосов и

звонкие постукивания ювелирных молоточков.

Проносились картины жизни Белых гор, о которой я не имела права знать, как дочь смертельного врага. Или это были мои выдумки об их жизни, не имеющие ничего общего с реальностью. Разве это важно сейчас, когда прах сгоревших в собственном пламени королей-изгоев горькой пылью покрывает мои пересохшие губы?

Важным было сосущее чувство предстоящей потери – небывалой, невысказанной – затягивающее, как в бездну. И я торопилась, спускаясь ниже и ниже, к потаенному сердцу Белых гор. Бежала по каскаду пещер, по хрупким воздушным мостикам, соединявшим края бездонных расщелин.

– Остановись! – кричала я то ли себе, то ли той, чью светлую кровь унаследовала наравне с темной, то ли тому безумцу, кто призывал королеву Лаэнриэль – юному горцу с солнечно-рыжими волосами, с заплетенной на виске косицей младшего лорда.

От стоял на коленях, вытянув руки над белым священным камнем. Из надрезанной вены хлестала кровь. Огненная кровь. Великий дар гор уходил с каждым миготом, просачивался сквозь породу скал, рождая жуткое эхо – глубинный гул, предвещавший самое страшное. Пробуждалось подземное пламя.

– Видишь, моя королева? – улыбнулись его потрескавшиеся от жара губы, сочившиеся огненными каплями, сбегавшими по подбородку, как пламенеющая лава. – Я стал огнен-

ным магом. Теперь я достоин твоей любви? Полюби меня, Лаэнриэль. Или вместе со мной умрет дар огненной крови. И так не вовремя умрет. Слышишь, как на мою смерть откликается сердце самой земли?

– Возьми меня, если сможешь, Астарг, – сказала я дерзкому безумцу и протянула ладони.

Он попытался встать, но жизнь уже почти ушла из него. Драгоценная, огненная жизнь. И тогда он полыхнул протуберанцами, из последних сил пытаюсь дотянуться до протянутых рук, до моих губ.

Страшен миг смерти огненного мага. Всесокрушающ, как и миг его рождения. Он убивал, умирая, не сознавая уже ничего. Но я возрождала его своей жизнью, белым пламенем моего сердца, потому что в этот миг его жизнь была важнее для Белых гор, чем моя.

Изумрудные очи Лаэнриэль растаяли в темноте.

Свет двух тусклых факелов расплывался невнятными пятнами. Я плакала навзрыд, как никогда в жизни. Еще одна королева, Хелина, наверняка бы осуждающе поджала губы и сделала внушение: «Стыдитесь, ваше высочество, будущий король не должен быть плаксой».

Мысль о будущем отрезвила.

Сколько прошло времени? Азархарт уже убил Роберта, или еще нет? Королевство уже превратилось в Темную страну, полную мертвецов, или процесс еще в разгаре?

Или так называемый «приход Темной страны» – лишь сбрасывание масок, когда всего лишь вещи начинают называть своими именами. На самом деле в королевстве давным-давно все мертвы, и только притворяются живыми. Всю свою иллюзорную жизнь притворяются, что любят, ненавидят, завидуют, дружат... мертвецы с мертвецами. Они знают, что когда-то в мире живых были такие чувства, и теперь изображают злость и радость на своих мертвых лицах, внушают друг другу, что эти же чувства испытывают их мертвые сердца, а это всего лишь копошатся черви, тихо поедающие их ходячие и говорящие чужими словами трупы.

Еще немного, и я сойду с ума. Уже схожу.

Явственно ощущалась близость живого огня – слева, под пепельным слоем. Стало жутко – а если совсем оживет, прорвется и поглотит в один миг, как бабочку? Как прекрасную Лаэнриэль?

Я отодвинулась вправо. В бок впилось что-то твердое. Вытерев мокрые щеки рукавом, я вытащила из кармана двух королев – белую и черную. Им легко, они одноцветны. А мне как быть? Если, конечно, я когда-нибудь выйду из этого жуткого склепа.

Хочу ли я потерять половину себя? И какая это будет половина?

Невыносимо хотелось увидеть настоящего отца. Правда ли, что он – рогатое чудовище, каким мифы рисуют темных владык? Спросить бы, почему он шестнадцать с половиной

лет не вспоминал о своем бастарде. Впрочем, бастардов у него целая армия, если верить Роберту. А верить ему... уже смешно, право же. И откуда рыжему королю знать подробности личной жизни Азархарта?

И какой, демоны побери, ультиматум предъявит или уже предъявил ему Роберт?

И как мне отсюда выйти?

Мысли потекли по бесконечному и серому, как эти стены, кругу.

Я заставила себя сосредоточиться хоть на чем-то. Вспомнила взгляд сегодняшнего незнакомца и загадочный жемчужный ответ. И словно глоток чистой воды выпила – стало немного легче. Я даже улыбнулась.

И почему-то вспомнила о Дигеро, тоже младшем сыне горного рода.

Странно, но образ друга детства уже не вызывал такого горького чувства потери. Да и любила ли я его? Именно его? Это была жажда не избалованного радостями детского сердца. И ее пытаешься утолить из ближайшего источника. Таким родником стал для меня Диго. Но иллюзии когда-нибудь разрушаются. Может быть, затем, чтобы их сменила новая. Я сожалела о друге, но уже не о несбывшейся любви.

Мне нельзя любить. Никого.

Даже не потому, что моя суть скрыта под чужой маской. А потому, что я – дочь темного владыки.

Я многое поняла о себе в те минуты.

И поняла главное: почему, что бы я ни делала, какие бы решения ни принимала, всегда оставалась пешкой в чужих руках. Потому что все мои решения были продиктованы чужими целями. У меня не было своей, к которой стоило идти, ради которой стоило жить.

Ведь даже свобода – не цель сама по себе, это лишь необходимое условие для достижения цели.

Но надо же с чего-то начинать.

И только я собралась встать и добыть себе свободу любой ценой, даже если разобьюсь об эти мертвые стены, как пепельную вечность оборвал скрежет.

Кусок стены треснул, раздвинулся. Шагнувшая в проход рыжеволосая фигура показалась слишком яркой, огромной, дышащей мощью.

– Как ты тут, Лэйрин?

– Вы живы? Или это ваш призрак, сир? – вяло спросила я, с трудом поднимаясь – ноги затекли, голова кружилась.

– Сиди, – дозволил король. – С чего мне умирать? Прошло не больше четверти часа, как я тебя тут запер. Прости, не мог взять с собой – это сильно замедлило бы мои дела, а мне надо еще многое успеть до полуночи. Я все-таки отправил Виолу в Белогорье, провел ее через огонь. Но не к матери. Лорды сообщили, что Хелины у них нет. Бежала куда-то. Девочка теперь в доме Дигеро. Дети решили подождать год.

– Опять обряд айров? – догадалась я. – А как же темный ребенок?

– Не мне убивать нерожденного, пусть даже темного. И без того грехов... Виола – дочь горной леди. Лорды сказали, что это дело Белогорья. Эти горные вороны все время забывают, что Хелина не от святого духа понесла шестерых дочерей. А седьмую так точно не от святого.

Не до шуток, знаете ли.

– Еще один заложник?

– Если он родится. Обряд поименования творит такие чудеса, какие не снились всем горным ведьмам вместе взятым.

– Мне уже говорил Рамасха. О чудесах. О том, что вы хотите сделать из меня мальчика. Для утех. И у вас получится, потому что вы – маг, опытный и сильный.

– Вот мерзавец! – Король сел рядом, по-товарищески обнял за плечи. Уточнил: – Это я про Рамасху, а не про себя. Видишь ли, Лэйрин, любовь и страсть – разные вещи. Страсть хочет для себя, любовь – для другого. А я полюбил тебя, девочка. Да, я хотел вылепить твое тело на этапе Ноиль, если доживу. Но не так, как наговорил тебе северный принц. Я хотел вернуть тебе – тебя же. Такую же прекрасную женщину, как там, – он показал на стену, скрывавшую облик крылатой Лаэнриэль. – И отпустить лететь, потому что ты сама должна выбрать свою любовь и свое гнездо. И в этом я поклялся Рагару. Жуткой, причем, клятвой. Но теперь тебе самой придется лепить себя. Я решил не принимать в этом участия.

«Лжет», – опять подсказал вспыхнувший огонек в душе.

– Вы говорите не всю правду, сир.

– Уже чувствуешь? Это хорошо. Значит, наша связь Айшери окрепла настолько, что пора мне каяться в грехах. И место тут самое подходящее: никто не услышит. Я обманул тебя, наивное дитя, когда говорил, что обряд поименования легко порвать в любой момент. Первый этап этой древнейшей магии не зря начинается с духовной связи. Дух – основа основ, а не наоборот. Дух, а не материя. Прядущие нить духа не зависят от смерти тела.

– А если я захочу оборвать?

– Уже не сможешь, пока не выйдет срок. Даже если я умру, связь не прервется. И сам Азархарт ничего не сможет сделать, пока мы оба не решим оборвать эту нить. Оба. А я не откажусь и после смерти, будь уверена.

– Вы говорите так, словно вы решили...

Он развернулся, взял мое лицо в ладони, взгляделся пристально.

– Твоя душа уже поняла мое решение, Лэйрин. И твой разум должен понимать, что с Темной страной не спорят. Никто никогда не диктовал темному владыке свои условия игры, кроме, может быть, Белогорья. Так разве короли-изгои Ориэдра родом не оттуда? Рагар напомнил мне об этом в нашем последнем разговоре, и я брошу Азархарту вызов. Темные всегда берут свое. Но я не хочу отдавать. И не отдам.

– Но как?

– Вот так.

Король склонился и коснулся губами моих губ. Осторожно, нежно. С кончиков его пальцев, касавшихся висков, потекло пламя, тонким полупрозрачным покровом окутывая тело.

А потом полыхнуло так, что я задохнулась от ужаса – ало раскалились стены, желтым солнцем горел воздух, каждая пылинка стала ослепительной звездной искрой. Пламя взревело, свилось в охватившую меня спираль, и меня не стало – рассыпалась, растаяла, испарилась, превратилась в чистый восторг от бушевавшей уже не вне – а внутри меня силы.

– Как жаль, что в обряде айров разрешены только невинные ласки, – вздохнуло рыже-белое пламя, отпустив мои губы. И обрело человеческие очертания.

– Это вы называете – невинные? – дыхание вернулось с трудом.

– Конечно, я же еще не посягнул на твою невинность, – Роберт кончиками пальцев скользнул по моей шее вниз до завязок рубашки под горлом.

Меня – вот странность – кинуло в озноб.

– Да и времени уже нет на такие радости, – продолжал издеваться этот извращенец, дернул завязку, распуская узелок.

Я схватилась за ворот... исчезнувший вместе с рубашкой, осыпавшейся пепельными хлопьями, вместе с тугой повязкой под ней, стягивавшей и без того маленькие груди.

Рубашка короля тоже испарилась, как и вышитый дублет, обнажив мощный торс с рыжими волосками на груди.

– Ммм... – прикрыл он жадно вспыхнувшие глаза, успев перехватить меня лапицей за спину до того, как я попыталась дать деру, и прижал к себе.

– Интимные отношения в обряде запрещены! – напомнила, пытаюсь вырваться.

– Да знаю, знаю, – отмахнулся он. – Но это единственная возможность разорвать сам обряд. Мне показалось, он тебя тяготит.

– Нет! Нисколько! Год так год! Хоть посмертно! – пищала я, отталкивая его ласкавшие ладони. Они словно размножились – так легко и быстро, едва касаясь кожи, скользили по телу. – Как вы можете! На могиле вашего отца, деда!

– Кошмар, какое святотатство! – он поднял меня и усадил на колени, а губы скользнули по шее так нежно, что сердце готово было выпрыгнуть и укатиться куда-нибудь подальше. И хорошо бы вместе со мной.

– Сир! Вы – супруг моей матери! – я попыталась вывернуться.

Удержал, конечно.

– Бывший.

– Я вам в дочери гожусь!

– Но не дочь.

– Вы... усыновили меня!

– И где же мальчик?

– Я несовершеннолетняя!

– По законам гор ты уже давно совершеннолетняя.

– Здесь не горы!

– Правильно. Здесь – я. Твой король. И приказываю помолчать.

Он накрыл поцелуем рот. И меня охватил такой жар, что все, испытанные прежде огненные пекла показались бледными подобиями. И... великие боги, я хотела этого огня!

– Лэйрин... Наконец-то ты откликнулась, – прошептал король.

– Не надо, пожалуйста, – всхлипнула я, а тело кричало: «Надо!» – и вдруг вспыхнуло факелом.

Язычки пламени пробежали по обнаженным рукам и ногам, животу и груди. Я читала в свитках айров поэтическое выражение «сгорать от стыда», но не так же естественно!

Роберт отстранился. Капельки пота выступили на его лбу. Жилы на руках вздулись так, что, казалось, вот-вот лопнут. Он провел ладонью над огоньками, как шерстку гладил, и они потянулись к нему, тычась язычками, словно котятка.

– Не бойся, Лэйрин.

– Я н-н-не боюсь, – сказала я, стуча зубами от страха.

– Прости. Это был самый мучительный... восхитительный... но, главное, самый быстрый способ... зажечь огонь от огня. Разбудить тебя. Я бы не причинил тебе зла.

Мерзкий, циничный, расчетливый гад. Все мужики сво...

– Теперь погаси их, Лэйрин, – приказал король.

– Как? – пискнула я.

– Вдохни пламя в тело, как вдыхаешь воздух.

Получилось через мучительную минуту.

Следующие минут пять Роберт удивительно походил на Рагара, изволившего меня на тренировочной площадке командами «встать-лечь-отжаться».

– Вдохни. Выдохни. Держи огонь. Что значит держи? Ровно! Вдохни. Теперь выдохни только на ладонях! – командовал король, как сержант на плацу новобранцу. – На ладонях, а не на спине. Забыла, где у тебя руки, а где ягодицы? Мне напомнить? Молчать! Еще раз вдохни. Выдохни. Сильнее. Дальше, еще дальше, дотяни факел до стены.

Доведя меня до огненного пота, он сгреб мое измученное, как после пыток, перепачканное пеплом тело и вынес из святилища.

– Остальному дар сам тебя научит, – сказал король, доставив ношу в туалетную комнату, примыкавшую к спальне.

– К-какой дар? – лязгнули зубы, когда на меня обрушился поток ледяной воды из опрокинутой над головой бадьи.

– Тот, который ты с твоей матерью собирались украсть. «Огненная кровь». Я смешал нашу кровь, когда лечил твою ступню. Еще до обряда. Обсушись сама. Выдохни огонь.

Я так обсушилась от злости, что загорелась портьера. Лжец! А слова-то какие звучали – конфликт темной крови и светлой! Адаптация!

Роберт оборвал горевшую тряпку, бросил в чан с водой. Кинул мне охапку одежды.

– Поторопись, Лэйрин. Всего два часа до полуночи оста-

лось.

Удивительный парадокс. Мне казалось – полночь давным-давно миновала, и Азархарт просто очень занят или... проспал, например. Или темные спят днем, как летучие мыши? Тогда – насморк подхватил. Чуму. Могут же быть у большого и страшного владыки какие-то маленькие слабости?

– Откуда вы знаете, сколько до полуночи, сир? Опять хотите обмануть? А мой папочка, может, уже в дверь стучит... – и оглянулась с замершим сердцем: показалось, что и правда где-то стукнуло.

Но было очень тихо. Дворец как вымер. ВОТ!

Не успела я совсем перепугаться, как откуда-то донесся женский смех и звуки лютни. Не похоже на траур. Так. Сосредоточиться! – приказала я прыгавшим, как блохи, мыслям. Не о том спрашиваю.

– Откуда знаю? Солнце – тоже огонь, и я чувствую его днем и ночью, где бы оно ни находилось, как тебя сейчас, – ответил между тем Роберт... раздеваясь догола. – Ты ведь не это хотела спросить.

Я отвернулась, покраснев, а он всего лишь сменил штаны и взялся за рубашку. На мой косой взгляд усмехнулся:

– Плох тот король, что не может обойтись без слуг.

– Да я не о том! – прошипела я, пытаюсь намотать обнаруженную широкую ленту как повязку на грудь. Не пробовали? Чудесное упражнение на гибкость. – Я о вашей лживости!

В горах считают вас тупым и прямым, как бревно. А вы... Притворялись! Вы всегда разный. Когда вы настоящий, искренний?

– Всегда. – Роберт подошел, рывком стянул ленту, едва не сломав мне ребра. – Огонь всегда разный, сколько ни смотри, и всегда настоящий. Даже если он обманчив, как болотные огни. И не тебе обижаться, маленькая лгунья. Ты больше не хочешь быть мальчиком?

– Я и не хо...

– Хотела, Лэйрин. Еще совсем недавно. И даже обрадовалась рассказням Рамасхи, будто бы я собираюсь изменить тебя. Решила, что уж тогда-то, став настоящим мальчиком, точно перестанешь переживать из-за выбора Дигеро. Так? Впрочем, у нас еще куча времени, хватит на то, чтобы изменить твое тело... слегка. Подумай, может, ну его, этот обряд? Да и Азархарта туда же.

Он властно завладел моими губами, целуя до дрожи в коленях и невыносимого жара в животе, и тихо рассмеялся, когда я постыдно обмякла в его руках, простонав невнятно:

– Не надо ничего менять, оставьте все, как есть.

– Оставлю. Я не беру детей, Лэйрин. У тебя даже лунные дни еще не наступили, в твоём-то возрасте. Только это меня и останавливает, скажи спасибо своей матери-ведьме.

Он вздохнул, натянул на меня рубашку, дублет, затянул мне пояс на штанах, вложил в ножны кинжал и подтолкнул к выходу.

С этого момента время словно свихнулось.

Глава 16

Когда-нибудь в следующей жизни, если таковая у меня будет, я напишу трактат о магических парадоксах, о спиралах времени, об иллюзорном узоре, порожденном поворотом калейдоскопа с осколками, оставшимися от распада божественных айров.

Первое настоящее прикосновение к магической истине мира подарил мне благороднейший наш король Роберт Сильный, оболганный в хрониках горных домов и возвеличенный равнинными менестрелями в балладах (к созданию коих и я, признаться, тайно приложила руку).

В тот бесконечный день и не менее бесконечную ночь...

Перед тем, как шагнуть в угли огромного камина, тлевшего в спальне, он сказал:

– Все в мире соткано из огня и света, и одежда тоже. Если хочешь, чтобы она уцелела, запечатлей в душе узор ее тихого пламени и сохрани своей властью. Выдохни внутренний огонь и удержи на расстоянии ладони от тела. Это создаст защитную оболочку от того огня, что снаружи, хотя он тоже – твой, если захочешь.

Пока я соображала одновременно над двумя загадками – над двусмысленностью в речи моего нового учителя и над тем, как запечатлеть то, чего не видишь, мы уже вышли из огня в знакомом мне убежище и, разумеется, ни нитки на

мне не уцелело. У меня никогда ничего не получалось с первого раза: ни магия, ни любовь, ни жизнь.

– Когда я овладевал даром, портные искололи пальцы до крови – столько одежды сжег, – соврал король, помогая мне облачиться.

– Неправда. И почему вы солгали, что дар убьет меня, если уже передали его, смешав кровь? И почему я не почувствовала?

– Еще не весь. Если сравнить с даром зрения, то ты еще полуслепая. Дар уже есть, но у него нет силы. Кроме того, дар заперт, как заперт твой дар горной леди. Считай, что у тебя еще повязка на глазах, не позволяющая видеть, а я вожу тебя за руку, как поводырь. Когда я сниму «повязку», твой дар оживет. И его можно передать по-разному. Тогда я влил каплю – проверить, возможно ли это в принципе, или отторжение будет непреодолимым. Я же не знал, что в тебе заперт еще один дар – твоего рода, и таится куда больше светлых сил. Но и сейчас еще велика опасность, что полный исход моей силы убьет тебя. Ты больше не сердисься?

– Как можно! На короля?

– Маленькая лгунишка.

Пока я минут пять тренировалась, как войти-выйти из огня, сохранив облачение, король рассказывал:

– Это лесное убежище – на границе с аринтами. Все мои тайные логова соединены в цепь, охраняющую рубежи. Потому я всегда в курсе, когда кто-то пересекает границу, не

имея охранной грамоты с моей печатью. На мелких контрабандистов внимания лучше не обращать, они как блохи. Описание системы найдешь здесь в библиотеке. Достаточно, Лэйрин. Главное сделано: башня усвоила, что ты здесь уже не на правах пленника, а на правах хозяина. Идем дальше.

И снова камин. Так проще для меня, пояснил огненный маг. Ему было бы достаточно язычка свечи для перемещения.

На этот раз я почувствовала едва уловимую разницу при переходе. Любое сравнение грешит против истины, но пожалуй, понятнее всего будет сравнить с прикосновением к ткани: сразу почувствуешь, где шелк, а где бархат, да еще вышитый золотой нитью. Этот огонь был бархатным. Но я, сосредоточившись на удержании штанов, осталась без верхней одежды.

– Уже лучше. Уловила разницу? – улыбнулся Роберт. – Это другое убежище, и защитная печать на нем отличается. Постой немного. Она тоже впервые с тобой знакомится, запоминает. Потом ты будешь чувствовать огни и печати на расстоянии, душой, и переноситься почти мгновенно от огня к огню. И не обязательно телесно. Можно просто смотреть или слушать.

– Почему же вы тогда тратили столько времени на конные путешествия, если можете вот так пренебрегать расстоянием? – спросила я, окинув взглядом сиявшее огнями высокое

помещение, опоясанное открытой галереей, куда вела изысканная лестница.

На втором этаже просматривались шкафы с книгами. А ведь во всем королевском дворце не нашлось бы и пары книжных томов, если не считать молитвенники. И библиотеки в столице были только монастырские, куда ведьмино отродье не пускали. Вот они где все спрятаны!

– Тащить целую армию неподготовленных людей через огонь опасно для их душевного здоровья, а животных – возможно только в случае, если в точке выхода хочешь иметь готовое жаркое, – король, сцапав рубашку из лежавшего на диванчике вороха одежды, протянул мне, подождал, пока оденусь, и провел меня на галерею, к столу у окна, за которым ни зги не было видно. – Если ты читала мои письма... Нет? Так и знал, что Хелина не даст. Я предусмотрел это. Здесь хранятся их копии. Лирику можешь пропустить, а вот важное, что касается внутренней и внешней политики, я тут подчеркнул. В ящике найдешь записи по огненной магии, начатые еще дедом. Я дополнил. Выучи наизусть.

– Сир, но вы же не собираетесь...

– Лирику пропустить! – отрезал Роберт. – Это убежище – на границе с землями инсеев. Всего их шесть, и надо успеть познакомить тебя со всеми. Идем дальше.

Я шагнула в огонь. На этот раз умудрилась как-то сохранить одежду, но потеряла... короля, оказавшись в самом первом убежище.

Через миг он меня выдернул за шкуру, проворчав:
– Не успел научить, уже сбегает!

Огненная стена пахнула жасмином, обласкала тонким ба-
тистом, а когда искры опали и рассыпались, меня ослепило
золотыми кистями и завитушками на бесчисленных коврах,
ширмах, занавесях.

– Моей первой жене понравилось здесь. Устроила тут бу-
дуар, и я ничего не менял после ее смерти, – виновато при-
знался Роберт. – Здесь недалеко граница с шаунами.

Я заглянула за парчовую ширму и замерла в восхищении.
Над роскошным ложем, заваленном подушками, висел порт-
рет юного рыцаря и девушки в пышном золотом платье. Они
держались за руки и смотрели друг на друга так восторженно
и нежно, что мне стало неловко подглядывать за их чувства-
ми. Девушка удивительно напоминала королеву Лаэнриэль
темными косами и распахнутыми, лучистыми, как изумру-
ды, глазами. Только совсем еще ребенок. А этот мечтатель-
ный сероглазый юноша с золотисто-рыжими локонами... я
перевела взгляд на Роберта. Не может же человек так рази-
тельно измениться!

– Ей было пятнадцать, мне – на год больше, когда нас по-
женили, – глухо сказал король, отвернувшись. – Через пол-
года она погибла. Потом Виннибор разнюхал, что и она на
самом деле была горной леди, но мне все равно, кто она. Я
был влюблен в нее, девочка. И долго не мог забыть. Когда я

увидел тебя на мосту первый раз, ты напомнила мне ее. И я поклялся спасти хотя бы тебя. И был обречен полюбить.

Обречен... Мне стало холодно до озноба. Пронзило понимание всей сыгранной горцами партии, где главным призом был огненный дар. Они использовали все слабости короля. Моя мать должна была знать и о сочувствии, если не детской влюбленности, Роберта к Лаэнриэль, и о трагедии с его первой женой. Хелина – великая волшебница. Моя карикатурная похожесть на прабабушку тоже не может быть случайной. Мама вылепила мой образ. И коронованная рыбка клюнула на наживку. Как же мерзко... Прощу ли я когда-нибудь тех, кто играл моей жизнью?

– Как же выйти из этой бесчестной игры? – невольно прошептала я.

Роберт удивленно приподнял бровь, но, похоже, что-то понял, потому что ответил:

– Ты умная девочка и знаешь ответ.

Я пожалала плечом. Мол, даже не догадываюсь.

– Перестань жалеть себя, Лэйрин. Жалость – это слепящая тьма. Ну же, думай!

Я молчала. Если не знаешь правил, то единственный выход – попробовать играть не фигурами, а самими игроками. Ну хорошо, играть – нереально. А вот влиять... Исполдволь... Но кто они, эти игроки? Главное – понять, кто все это затеял. Как? Вынудить его или их совершить нужный тебе ход.

Боги, как сложно!

Но именно в этот миг созрело главное решение, определившее мою жизнь: я больше не позволю собой играть. Сдохну, а не позволю.

– Молчишь? – вздохнул король. – Что ж, подскажу. Если я правильно догадался, то главное в этой партии, Лэйрин, уже не мой дар. Мой – лишь эпизод, тактический маневр для достижения глобальной цели. Как ни обидно мне это признавать, но главная тут – ты. И твой дар, который почему-то заперла Хелина мощью всего рода.

– Вы же знаете, почему. Меня готовили принять ваш дар. Сосуд должен быть пуст, чтобы в него налить свежее вино.

– Кто бы говорил мне о винах! – весело фыркнул рыжий бык. – Запомни, трезвенница, разные виды магии могут сосуществовать и в одном сосуде. И такие коктейли в крови полукровок могут оказаться куда опаснее чистой родовой магии. Подумай об этом. А теперь идем дальше, мы и так слишком тут задержались.

Еще два пламени: одно пахло льном, второе прошелестело шелком. А выйдя из третьего, я увидела Дигеро.

Он сидел за шахматной доской, сосредоточенно хмуря брови, то и дело сдувая упавший на карий глаз локон. Убрать его он не мог: в одной руке зажат слон, в другой – книга с миниатюрами, расчерченными черно-белыми квадратиками. Позиция на доске оказалась знакомой: с нее я обучала Диго игре в шахматы. Миллион лет назад в таинственной

библиотеке горного замка Грахар. Сразу после моего позора в Долине Лета.

Король несколько секунд молчал, созерцая начинающего шахматиста. Я слышала, как слабое эхо в горах, мгновенную смену его чувств – изумление, гнев, раздражение и, в конце-концов, снисходительную благосклонность. Удивительное ощущение присутствия сторонней – уже не чужой, вот еще что дивно! – души в душе. Оно и помогло мне удержаться от бегства обратно в камин при воспоминании об обстоятельствах нашей последней встречи с Диго.

– Кхм... – кашлянул Роберт. – Помочь, мальчик?

Застигнутый врасплох, Дигеро вскочил, опрокинул доску. Что-то мучительно знакомое было в поверженных, разлетевшихся веером фигурках. Так и есть. К моим ногам подкатилась черная королева. Истории любят повторяться. Эту я не стала поднимать, оттолкнув с пути носком сапога.

– Как ты сюда попал? – прищурился Роберт. – И почему оставил Виолу?

Дигеро, скользнув по мне взглядом, покраснел, опустился на колено, приветствуя монарха.

– Простите, сир. Случайно получилось. Я лишь хотел попробовать, смогу ли пройти в огонь сам, без вас, а меня выкинуло здесь, и уйти уже не сумел.

На меня он старался больше не смотреть.

Роберт тоже. Да и зачем ему? Для него теперь моя душа – куда более открытая книга, чем его – для меня. И сейчас

он тоже чувствует мое смятение, подступающие слезы, желание прикоснуться к мягким каштановым локонам, попросить прощения, все объяснить и... Хватит. Видел бы сейчас Рагар свою вдребезги раскисшую ученицу. О, нет, лучше не надо!

Спина выпрямилась, слезы заледенели где-то очень глубоко, куда даже огню не достать и не растопить. Вот так.

Однако...

Мы же, дочери Хелины, хоть и дуры, но таковыми себя не считаем, да? И разгадка самовольному, как выяснилось, присутствию Диго в защищенном (ну-ну) убежище – только одна.

Так не будет ли кто-нибудь тут так любезен сказать мне... – Сейчас, Лэйрин, – опередил Роберт назревавший взрыв. – Я не успел поставить тебя в известность... и, похоже, уже многое не успею... Как я говорил, дар можно передать по-разному и регулировать силу. Можно поджечь ветку от костра, и перенести в новый очаг, затоптать и развеять старый. А можно один костер разделить на несколько, и каждый будет слабее. Я разделил свою силу и выполнил условие Белых гор. Первый рыцарь ордена Священного Пламени Дигеро фьерр Этьер теперь обладает даром «огненной крови».

Представленный мне в новом качестве Диго поклонился кивком головы, а карие глаза озарились знакомым отсветом расплавленного металла. О, боги...

Все мотивы и последствия решения короля я еще не мог-

ла представить, но уже стало ясно, что Роберт подстраховался. Может, под давлением Белых гор или по договору с Рагаром. На тот случай, о котором не хотелось думать – если придется меня убить, чтобы не досталась Темной стране, – и до которого осталось... Я прислушалась к себе. Огненный хаос. И бушующее пламя совсем рядом, крупными рунами – РОБЕРТ. И как понять, где сейчас солнце, когда в мире вообще-то ночь?

– Остался час, Лэйрин, – сказал король, не поворачивая головы.

Определенно, что-то странное происходило со временем...

Роберт, меж тем, его не терял, приступил к допросу:

– Значит, решил сам, Дигеро? И вернулся сюда, говоришь, эдак совсем случайно?

– По просьбе совета кланов, сир, – уличенный опустил ресницы. – Демонстрация с угольками их не удовлетворила.

– И с кострами тоже? – усмехнулся король. – Или, посмотрев, как одаренный легко справился с заданием, решили сразу на разведку моих убежищ отправить? Способный мальчик, очень способный. На лету все ловишь, дорогу запомнил... Но очень неосмотрительно с стороны кланов расшвыриваться только что возвращенными дарами, отправлять их в ловушку. Вот и посиди пока здесь, потренируйся, может, и сумеешь сломать печать. Она тебя впустила, помнит еще мой приказ, когда я тебя привел сюда. Но, как собака не вы-

пустит вора в отсутствие хозяина, так и эта башня.

– Я не вор!

– Неужели? У тебя час. Подумай, стоит ли начинать службу с измены королю, с предательства источника твоей силы. Пока еще она зависит от меня, как свет луны – от солнца. И не факт, что с моей смертью дар не уйдет от тебя, а значит, из Белых гор. Он, да будет тебе известно, капризен, не каждый носитель ему нравится. И отдается он не каждому, как дорогая шлюха. А другого вы не получите.

– Так вы обманули нас? – побледнел Дигеро.

Государь расхохотался:

– Разве я? Вы сами решили себя обмануть. А я – проучу напоследок. Король в Белых горах – никто и ничто? Со мной можно не считаться? За дурака держать? В дом без спросу лезть? Неужели ваши напыщенные лорды надеялись, что я и в самом деле так глуп, чтобы отдать все, не получив ничего, кроме обещаний? Но я все-таки король, и слово чести для меня – не пустой звук. Дар – у тебя, и твое присутствие здесь – лучшее тому доказательство. Но ключ к нему – у меня. И, пока я не открою, твой тлеющий огонек не станет самостоятельной силой. Он ограничен парой фокусов и ходьбой взад-вперед по хоженным дорожкам. Даже жаль, что у тебя мало шансов передать эту новость пославшим тебя на смерть. Через час башня самоуничтожится.

Лукавил наш государь при этой впечатляющей речи. Не верил он в смерть Дигеро, не хотел ее и не собирался допу-

стить – это я чувствовала. Попугать хотел. Не получилось. Горец, хлопавший длинными ресницами и гневно сжимавший кулаки, гордо вскинул голову, улыбнулся:

– Пусть я умру, ваше величество, но меня ждет вторая жизнь в стране духов и возвращение во плоти силой моего рода. А вот вы умрете навсегда, и не будет вам никакого бессмертия. И роду вашему не будет. А я все-таки выйду отсюда. Час – большой срок. И, если дар – во мне, то и ключ к нему когда-нибудь найду, вот увидите. Мне горы помогут, а вам, простите мою дерзость, уже не поможет никто.

– У тебя уже меньше часа, – уточнил Роберт. – Интересно было бы посмотреть, какую отмычку ты найдешь. А нам пора, Лэйрин. Попрощаться не хочешь?

– Нет.

С Диго я бы попрощалась, как с единственным другом детства. С рыцарем Священного Пламени, взявшим на себя вину за многочисленные мои «подвиги» – тоже, из признательности. Даже с нареченным женихом сестры Виолы – как с братом. Но от младшего лорда фьерр Этьер, огненного мага на побегушках у совета кланов, мне не надо было ни прощаний, ни прощений.

– Прощайте, принц. Или правильной было бы – принцесса? – склонился мой бывший друг, пряча блеснувшие злой усмешкой глаза в чересчур почтительном поклоне.

– Как ты сказал? – остановился король.

– Принцесса, – остро и недобро глянул исподлобья новый

для меня Дигеро. – Я видел достаточно в том зале. Трудно не опознать девушку.

– И кому ты доложил о своих... видениях? Совету кланов?

Он поколебался мгновение. Потом решительно бросил:

– Да.

– И тебя не подняли на смех?

– За что? – обиделся юный рыцарь. – Нам стало известно, что миледи Хелина применяла к принцу запретную магию – зелья, меняющие естество. Лорды не успели ее допросить – она исчезла, как и духи рода Грахар, и без королевы их тоже не допросить как свидетелей, но это уже и не требуется. Все знают, что я никогда не лгу.

Мне стало его жаль. И одновременно начал разбирать смех: если лорды решили, что я под действием зелья *стала* девушкой... то тут явно чувствуется рука Рагара. Мой премудрый наставник подстраховался на случай моего разоблачения. А, вспомнив о высшем мастере, я вдруг вспомнила и тот его таинственный, источавший жемчужное сияние облик, подсмотренный мной, когда он лечил Эльдера. Жемчужный свет! – озарилось сердце радостью отгадки. Вот откуда он может быть у тебя, незнакомый парень с глазами цвета моря...

Почувствовав этот отблеск радости, Роберт сжал мое плечо, словно я пыталась сбежать, но при этом король обратился к Дигеро:

– Какая гордыня, сэръ рыцарь. Может, когда-то ты и не

лгал. Но это заявление уже не соответствует настоящему времени. Я, похоже, выбрал недостойного, хоть лишай тебя дара. Ты в который уже раз непростительно ошибся, Дигеро. Непростительно! Впрочем, у тебя осталось три четверти часа на исправление ошибок. Может, успеешь еще, – огненный маг, потеряв всякий интерес к предателю, направился к камину, подхватив меня за плечо. Скорбно вздохнул: – Не сердись на него, мой возлюбленный сын. Кстати, горжусь твоей королевской выдержкой, весь в меня. А эти горцы не перестают меня удивлять склонностью к фантазиям. Одному померещилось невесть что, другие слушают, развесив уши, и верят... И еще Белые горы считаются страной мудрецов! И кому, подумать только, я собирался отдать мою красавицу Виолу?

– Ваше величество! – взмолился растерянный Дигеро.

Мы не оглянулись, и потом я укоряла себя за высокомерие.

Вышли в первом, хорошо знакомом мне убежище. Король опять меня удивил: постояв с минуту с чрезвычайно сосредоточенным лицом, он резко выдохнул, уселся на софу, вальяжно облокотился.

– Слушаю, Лэйрин.

Я поперхнулась от неожиданности.

– А разве у нас есть время?

– Здесь и сейчас его вечность. Я говорил тебе: все в мире

соткано из огня, и если запомнить и удержать своей властью положение каждой крохотной искры вокруг себя неизменным, то такое место выпадет из круга времени. Почитаешь мои записи, поймешь лучше. Сейчас я создал здесь «карман времени», искажил его, и оно течет по-другому. Там, – он показал на опаленную пасть камина, – не пройдет и минуты. Здесь, – широким жестом обвел замершее недвижно сияние стен, – может пройти вечность, если иметь бесконечную силу. У меня она весьма конечна, – грустно усмехнулся он, запустив пятерню в рыже-белые волосы и откинув их со лба. – Немного передышки выкроим, но больше у нас ее не будет.

Теперь понятно, как Роберт ухитрился быстро привести себя в божеский вид после любого разгула. И дело оказалось не в том, что в его крови перегорает любой яд, в том числе винный. Хитрец втихаря отсыпался, как таракан в щелке! Ну, и как теперь обращаться к такому почти божеству со своими мелкими человеческими заботами?

– Вы ведь не убьете Дигеро, сир?

– Садись, ты на ногах едва держишься, – король похлопал ладонью по обивке рядом с собой и обнял меня за плечи, когда я рухнула на указанное место. – Ты знаешь, что я его пощажу. И не из-за несвойственного мне милосердия, а из-за того, что смерть этого породистого щенка осложнит все мои планы. Хотя таким, как он, вредно прощение, они принимают его как само собой разумеющееся. После того, как я его выпущу, башню придется уничтожить. А за предатель-

ство он заплатит позже, я найду способ взять долг.

– Для Дигеро это не предательство. Он выполнял волю гор.

– Лордов, а не гор. Да и какая разница, чью? Он принес мне присягу, и тут же нарушил, подняв на меня руку, когда защищал тебя, не разобравшись. Это я еще мог понять. Но он разболтал твою тайну и поставил интересы горстки лордов выше моих! Без королевы кланы слишком много о себе возомнили. Но, когда она появится, и если это будет... – он приподнял мне голову за подбородок, взгляделся в глаза и... чмокнул в кончик носа. – Чудо мое... Ты будешь изумительной женщиной, когда совсем проснешься... Так вот, если их королева будет не твоей дочерью, Лэйрин, то у тебя будет еще больше проблем с горцами. А я и так оставляю тебе королевство в отвратительном состоянии. Но кое-что я еще успею поправить.

– Я не хочу вашей смерти! – задохнулась я от внезапной острой боли в душе.

Он болезненно поморщился:

– Не надо, девочка. Огонь водой не кормят. Жалость обесиливает мужчину, а мне сегодня понадобится все силы, и даже чуть больше. Мне некому оставить корону, не дарить же ее соседям. Я рассчитывал на Виолу и ее консорта, девочка подавала большие надежды, в отличие от остальных моих девиц, но темные убрали и эту фигуру. Могло быть и хуже. Твое появление – незаслуженный мной дар богов.

Скорее подарочек от Хелины с Азархартом, дьяволы его задери, нашел же момент вмешаться!

– Но вы же не собираетесь умирать, сир!

– Только чуть-чуть, если придется. Совсем ненадолго, – рассмеялся этот удивительный человек и маг. – Если бы не собирался – не торговался бы с горцами за дар бессмертия. Ты уже поняла мой план?

– Куда мне, – самокритично призналась я, даже не пытаюсь строить предположения.

– Видишь ли, Лэйрин, я не хочу такого бессмертия, какое имеют горные лорды. Плевать я на него хотел, на такое.

– Тогда я совсем не понимаю.

– Ты еще поймешь, какая это мерзость, когда Хелина откроет твой родовой дар, или он откроется сам после ее смерти. Лучше навечно сгнить в земле, чем сосать живую кровь собственных потомков. Я, хоть и грязно жил, но, представь, захотел чистоты хотя бы за пределом.

– А это возможно? Другое бессмертие.

– Вполне. Высшие белые мастера обещали принять мою грешную душу и дать ей тело вейриэна. И, может быть, сбудется моя детская мечта стать странствующим белым рыцарем. А горы получат «огненную кровь» через Дигеро. Вот и всё.

Вот и всё.

Всё.

– А я?

– Ты станешь королем. Ты же мечтала надеть корону? Вот и наденешь. Исполнишь заодно и мечту Хелины. Надо же и ее чем-то порадовать.

– Но я же не...

– Не мальчик. Но раньше тебя это не останавливало.

– От меня требовалось только взять дар.

– А теперь я требую за него плату, – жестко сложились его губы. – Придется потрудиться, Лэйрин. Запомни главное: огонь нуждается в любви, как в воздухе. Если он не любит, то его нет. И огонь нуждается в пище: в том, чтобы его любили, иначе – безумие. Он поглотит всё, и самого мага. В конце-концов, если будет совсем одиноко, научись создавать фантомы, я тебе оставил записи, разберешься. Все в мире соткано из огня, помнишь? Дорри, ко мне! – он протянул ладонь к камину, призывно свистнул. Тлевшие угли радостно вспыхнули, клубок алого пламени потянулся на четырех лапах, вильнул сполохом хвоста, и на пол прыгнула рыжая гончая, метнулась к хозяину, рассыпая искры со шкуры, но не оставив на ковре ни единой подпалины. Через миг это была уже собака-собакой, даже нос влажный, когда она, принюхиваясь, ткнулась мне в ладонь.

Король потрепал ей загривок, повозился, ловя за пасть и посмеиваясь. Псина, порыкивая и поскуливая от счастья, азартно охотилась на королевскую руку, и обступала мне ступни довольно ощутимо – весила она, как живая.

– Порвать она может по-настоящему. Все, иди на место,

Дорри. Место! – Роберт указал на камин. Повинуясь приказу, гончая уныло повесила голову и очень, очень медленно поплелась назад, то и дело укоризненно оглядываясь.

– До сих пор не разобрался толком в их сущности, – пожаловался маг, когда клубок пламени, поворочавшись на углях и обиженно посопев, истаял бесследно. – И ведь знаю, что они не живые, а ведут себя подчас... обижаются, видишь, словно душа есть. Так что, поосторожнее будь с фантомами. Тебе надо удержать трон до тех пор, пока у Виолы и Дигеро не родится их ребенок, тогда ты отречешься от короны в его пользу и обретешь, наконец, свободу.

А чтобы лженаследник не засиживался на троне, достаточно того, чтобы его ненавидели. Огонь нуждается в любви? Какая насмешка.

Роберт понял мое молчание. Прочитал.

– Не совсем так, Лэйрин. Когда мы хотим казаться безумцами, мы ими становимся. Уже незаметно для самих себя. Я не хотел, чтобы тебя ненавидели, но не смог устоять перед Дирхом, взявшим твое лицо.

– А если у Дигеро и Виолы не будет детей?

– Запасной вариант – дети Виолетты.

– Хорошо, я отрекусь. А потом?

– Потом, если захочешь, выйдешь замуж за странствующего белого рыцаря.

«А может, лучше сразу податься к папе?» – мелькнула тоскливая мысль.

– Идем, девочка, пора, – прозвучал на удивление созвучный королевский приказ.

Едва мы появились в дворцовой королевской спальне (предосторожность, если я опять не удержу на себе облачение), накрыло тяжелое, до тошноты давящее чувство, словно на мир опустилось что-то неимоверно огромное и продолжало надвигаться, вдавливая в пол. Шаг дался с трудом, как будто на ноги навесили пудовые гири.

– Соберись, Лэйрин, – сказал король, когда я пошатнулась, и поддержал под локоть. – Азархарт, похоже, решил явиться раньше срока.

– Значит, он не всегда держит обещания.

– С него станется придти, сделать все, что ему надо, уйти и явиться второй раз точно в срок.

– Откуда вы знаете так много о Темном владыке?

– От Рагара, – ответил он и, опережая вопрос, пояснил, – В последние дни до его исчезновения мы с ним часто беседовали в одном из моих убежищ. Как он выразился, сидели в «кармане времени». Спал он там же.

То-то наставник держался на ногах круглосуточно, разгребая то, что натворил за эти годы помутившийся разумом король. Может, это не лечится, и Роберт еще безумен, если вполне серьезно предложил мне побыть цепной сукой в шкуре кобеля и посторожить его королевство до рождения внука? И откуда во мне такая злоба?

Можно не спрашивать – папа близко.

– В голове гудит, – пожаловалась я.

– Это колокола. Я убедил кардинала провести во всем королевстве всенощное бдение и молебен за дочь мою Виолу и ее жертву темным. Или мою отцовскую жертву, не помню точную формулировку... – и он смущенно отвел взгляд. – Никак не могу привыкнуть, что кто-то еще смотрит в мою душу. Есть в этом что-то не целомудренное, не находишь?

Роберт и целомудрие. Могла бы – рассмеялась.

– Зато во всем королевстве в эту ночь мои подданные испытывают особо сильное чувство любви к королю. Разве что кроме отъявленных мерзавцев и ненавистников, но их мне не жалко. Сейчас мне нужна вся сила любви, на какую способны мои люди. Попривыкла? Теперь идем в зал совещаний. Придется в обход. Кардинал всегда нервничает, когда я появляюсь из огня.

Четверо вейриэнов несли стражу за дверями покоев и доложили, едва завидев нас:

– Приказ выполнен, ваше высочество. Ласхи улетели в безопасные для них места.

– Я не давал такого приказа! – опешила я.

– Это я распорядился от твоего имени, Лэйрин, еще во время твоего посвящения в нашем семейном святилище, – невозмутимо сказал Роберт, уходя вперед. Бросил вполоборота. – Не задерживайся.

Боги с ними, с ласхами, хотя это возмутительно, ибо ко-

декс гласит: «Вассал моего вассала – не мой вассал». Но – посвящение? Вот те поцелуи? Интересно, как король посвящал Дигеро...

Роберт, размашисто шагавший впереди, вдруг хохотнул, усилив мои подозрения, но ничего не сказал, а я как-то незаметно отвлеклась от давившей на сердце тяжести.

Стражи, стоявшие в коридорах, держали в одной руке пику, а в другой почему-то – зажженную свечу. По стенам обильно, через каждый шаг, горели факелы и свечи в высоких канделябрах. Иллюминация не рассеивала мрак, а только подчеркивала. Воздух во дворце казался неподвижным, густым, как черничный кисель, и огоньки висели в нем, как капельки воды на невидимой паутине.

В зале советов нас ждали десятка два приближенных – кардинал, канцлер, военачальники, герцоги – бледные, с покрасневшими глазами, как с похорон. У каждого в руке тоже по мерцавшей огоньком свече, на овальном столе – кипа пергаментов и свечные связки.

– У вас минута доложить о готовности, – объявил государь, приняв их поклоны.

– Мои люди готовы, государь, – вытянулся начальник королевского гарнизона так, что даже его жесткие усы встопорщились по стойке «Смирно!». – Поленицы сложены, вязанки хвороста доставлены и разложены всюду, где указано. Костры зажжены, свечи раздали. Народ, кроме неходячих, весь

на улицах молится, кто в храмы не попал. Стража у каждого дома – против воров, значит.

– Пострадавших много?

– Точных сведений еще не имеется, обходы мы не делали, но трупы уже есть. Сердце у кого слабое, так оно не выдержало. А так – давки нет, паники тоже. Куда бежать-то нам? Да и тяжело, ваше величество, – вздохнул он, кашлянув. – Ноги едва движутся. Лечь бы, да помереть. Даже дети на улицах не плачут – сил нет. Только и держит – вера в бога да короля.

– Хорошо. Будем надеяться, что везде, куда я успел отправить весть, тоже успели подготовиться. Отойди к камину, Лэйрин, – приказал Роберт, подошел к окну, распахнул медные рамы витражей.

Колокольный гул стал громче, а вот паузы между звонами увеличились, и отзвуки словно увязли в густом мраке. Сквозняком не повеяло, но пламя всех свечей как придавило – оно съезжилось до едва синеющей точки, и на миг в зале совсем потемнело, но тут же огоньки вспыхнули еще ярче. И, даже отступив к дальней стене с камином, я видела, как в тяжелой непроглядной тьме, закупорившей и луну, и звезды, тоже что-то замерцало, но не в небе, а внизу, где простирался город, словно созвездия опрокинулись наземь.

– Мой король, – пошевелился державшийся одной рукой за сердце тощий как щепка и вечно суетливый герцог фьерр Фенц. Свеча в его правой руке дрожала и кренилась, талый воск разбрызгивался, капая на штаны. – Но почему? Ведь это

идет вся Темная страна, вся! Даже младенцу это уже понятно. Когда Азархарт приходил один – такого не было. А еще не меньше получаса до полуночи!

– Мой добрый друг, – повернулся король. – Темные сочли, что Виоле полагается одна шестая королевства. Размером как раз с твое герцогство. Но ты же не захотел его отдать! Вот Темный и решил сам выбрать лучший кусок. И опять твои пастбища, луга и леса оказались лучшими в королевстве.

Мне осталось только ресницами хлопать в изумлении: в благороднейшем нашем короле Роберте Сильном скрывался, как оказалось, еще и талант сочинителя. Такое выдумать!

– Но почему мои? – застонал несчастный герцог.

– Потому что ты – скупердяй! – забрюзжал кардинал, прервав молитву. – Свечи тоньше волоса жертвовал в храмы! Зажечь теперь там нечего. А где слабее молитва и тусклее огонь, туда Темная страна и падет.

– Довольно! – рыкнул Роберт.

Ему ответило жуткое эхо, громовым хохотком прокатившееся по небу.

И сразу вокруг меня взвилось пламя, укрыв до плеч. Я чихнула и улыбнулась – кончик огненного языка щекотнул нос. Придворные помертвели в ужасе то ли от услышанного черного грома без молний, то ли от необычного зрелища молнии без грома, столпом вставшей в зале. Лишь военачальник блеснул решительно глазами, сжал свечу, как древ-

ко штандарта, и она едва не сломалась, а канцлер и казначей обменялись понимающими взглядами. Король в сердцах захолопнул раму, только стекла жалобно брякнули.

– Благородные фьерры, – сказал он, усаживаясь в кресло. – Пока в ваших руках горит свеча, а в сердцах – любовь к богу и королю, тьма не подступит и страх не коснется ваших душ. Но вы должны запомнить: ваша жизнь зависит от преданности трону. Я пожертвовал темным любимую дочь, но не могу отдать ни пяди земли, ни даже самого последнего из моих подданных. Потому я обратился к Белогорью. Вам известно, что Виола – дочь горной леди, и для ее брака нужно еще и согласие горных кланов в лице моего сына. А Белогорье и принц Лэйрин, видите ли, категорически не согласны.

И пришлось мне в знак категорического несогласия сложить руки на груди и надменно задрать подбородок. Сказать ничего не могла – онемела.

Огонь струился с плеч, как мантия, а ловкие язычки засновали по всему телу даже под одеждой. Как он может! В такой момент! При всех! Стыдно было невыносимо, мои щеки покраснели, а Роберт, блаженно улыбаясь, прикрыл веки.

– Потому нам предстоят еще одни переговоры с Азархартом, – довольным тоном сытого кота сказал этот заядлый лжец и бесстыдник. – И, пока они не завершатся, Темная страна не падет на наши головы, удерживаемая на расстоянии силой ваших молитв, – он вскинул взгляд на замолчавшего, ловившего каждое слово кардинала, и тот, спохватив-

шись, усердно забубнил под нос.

– Не изволь гневаться, государь, не выдержать нам долго этого, – вымолвил старый канцлер, герцог фьерр Холле. Дышал он тяжело, с присвистом в легких, на лбу старика блестили бисеринки пота, но держался он спокойно и с достоинством.

«Тут люди страдают, а вы, сир, бессердечно развлекаетесь...», – подумала я и, выдохнув внутренний огонь, щелкнула по каждому наглому пальцу обнимавшего меня пламени. «Молодец, моя девочка, учишься несмотря ни на что», – долетело эхо. Я чувствовала веселый и безудержный азарт, охвативший короля.

– Не потребуется долго, – он вытащил из кармана тот же фальшивый черный свиток, отмотал кончик чуть выше подделанной подписи и печати Азархарта, сделал вид что читает. – В его ультиматуме мне сказано: «Если ты не отдашь прекрасную твою дочь Виолу, чья красота, ум и грация стоят царств, я вынужден буду возместить эту невозполнимую утрату и взять твое королевство, и это будет малая цена за потерю такого дивного светоча моей погрязшей во тьме и смраде страной, о, благородный король Роберт Сильный. Прими почтительнейшие уверения в уважении к твоему величеству и мое восхищение твоей добродетельной доблестью и славой. Азархарт». Понятно вам? – свернув свиток, Роберт припрятал его подальше от чужих глаз.

Стены сотряслись, стекла жалобно звякнули под ураган-

ным порывом ветра, но устояли. А глухой рокот прозвучал так, словно кто-то огромный лениво похлопал в гигантские ладоши.

– Он говорил о моем королевстве! – воздел король палец к своду, не обратив никого внимания на сотрясение. – А у меня его, вот незадача, уже почти нет.

Казначей горестно закивал, но венценосный тиран не позволил и рта никому раскрыть.

– Я собрал вас, верные мои подданные, в эту воистину тяжелую ночь, чтобы объявить о моем отречении от престола в пользу наследника – кронпринца Лэйрина Роберта Даниэля Астарга фьерр Ориэдра, седьмого ребенка моей последней супруги Хелины фьер Грахар. Как видите, он обладает даром королевского дома Ориэдра – Священным Пламенем. Сим я передаю и корону, – Роберт требовательно глянул на хранителя печати, и тот, поклонившись, поднес свиток, перо и чернильницу.

Король расписался, хранитель приложил печать. Нахальный сполох незримо для всех запечатлел поцелуй на моих губах, и дар речи ко мне так и не вернулся.

Растерянные придворные, забыв о висевшей над королевством всеобщей крышке гроба, зашумели, кто-то горестно охнул, кто-то попытался славословить нового правителя:

– Да здра...

– Рано радуетесь! – оборвал их Роберт, полыхнув очами. – Отречение вступит в силу за миг до полуночи. Пока еще я

– ваш король. Молитесь, благородные фьерры, молитесь... А если кто надеется, что за эти оставшиеся минуты со мной что-либо случится... – он повернул голову к черному лоскуту окна, и в стеклах утративших цвет витражей отразились два огненных блика от его глаз, – ...то завещание мое давным-давно составлено, и по нему, само собой, мое королевство тотчас переходит кронпринцу Лэйрину. Чтобы никаких неожиданностей.

Тьма за окном опять хохотнула так, что даже у меня выступили мурашки на коже. Король поднялся, оглядел измученных людей. Язычки свечей в их руках внезапно расцвели и пожелтели золотистыми лилиями, как и то пламя, что крепко держало меня, не давая дернуться.

Невозмутимый, как всегда, телохранитель Зольтар доложил:

– Белые вейриэны просят аудиенции.

– Пусть войдут.

Но вошел один – незнакомый мне статный воин с белой прядью на виске и очень светлыми для вейриэна глазами.

– Высший белый мастер Таррэ, – представил его Зольтар, встав рядом с вошедшим, как и еще трое моих телохранителей. – Имена остальных высших мастеров вам известны, сир, в том числе мое.

Таррэ, полюбовавшись несколько мгновений моей огненной мантией и округлившись от изумления глазами (мои скромные телохранители – высшие мастера? все, кроме Мо-

рена? шестеро, если посчитать и Рагара, из семерых высших? какая неслыханная честь! с чего бы? как же опасна для Белогорья дочь Темного владыки!), улыбнулся мне уголком рта, чуть склонил голову перед Робертом, чье тщательно скрытое удивление я тоже уловила, и объявил:

– Мы готовы, король равнин.

Роберт с облегчением вздохнул:

– Тогда приступаем. Лэйрин, твоя задача – отдохнуть и подготовиться к завтрашней коронации. Ступай.

Не могла я уйти. Там, за стенами охваченного огнями дворца, терпеливо стоял и ждал своего часа мой отец. Родной отец, которого лишили его ребенка, мешали всеми способами его найти и обнять, воспитать под заботливым отеческим крылом. И даже сейчас его зов не долетает до единокровного чада, запечатанного жгучим пламенем, лишь тоска просачивается – беспросветная, мучительная, темная, как омут в безлунную полночь. В близкую, совсем близкую полночь.

– Ваше величество, – у меня прорезался, наконец, голос. – Дозвольте мне остаться.

– Нет! – вспышкой ярости Роберт выжег и мою (мою ли?) внезапную и невыносимую тоску, и злые (мои ли?) раздражение и обиду. Сказал властно: – И не забывай, что по нашим законам до твоего совершеннолетия опекунство остается на мне.

Так и знала, что с этим отречением не все чисто. Но я уперлась, сверля короля не менее яростным взглядом. И од-

новременно понимая, что он прав, прав, прав. Но в демонову глотку его правоту! Это моя кровь. И я хочу жить вся, целиком, какая есть, а не на одну половину, светлую или темную.

– Позволит ли нам король забрать одного юного горца, случайно переступившего дозволенные ему пределы? – вмешался Таррэ в нашу борьбу.

Дигеро! – споткнулось сердце.

– Пожалуй, – кивнул Роберт. – Лэйрин, придется тебе освободить нашего пленника. И поторопись.

В этот момент в окно зала, находившегося на третьем этаже, что-то премерзко скребнуло, словно железным когтем по сердцу.

И в тот же миг меня туго, с головой, спеленало яро взревшее пламя и вышвырнуло вон.

Глава 17

Вот она – уютная, как палантин из овечьей шерсти и с тем же домашним запахом – печать шестой башни. Раздвинулись огненные складки, я выкатилась на дощатый пол, следом – долговязый Зольтар. Воин мгновенно встал на ноги и ухватил меня за локти, не дав нырнуть обратно.

– Не двигайтесь, ваше высочество. Дигеро, прочь!

– Как ты смеешь! – я вырвалась, ударив его огненным кулаком, нырнула в камин, но... уйти не получилось. Из огня поднялась, зарычала рыжая гончая и клацнула зубами.

Башня впустила, но не выпустила! Дьявол!

– Вам не уйти, ваше высочество. Ваш дар еще ограничен, как и у Дигеро. Вы должны быть в безопасности, пока Азархарт не уйдет, – Зольтар зажал ладонью обожженную щеку, чуть поморщился, и мне стало стыдно и горько: совсем у меня разум помутился. А вейриэн встал стражем у камина, всем видом показывая, что умрет, но не пропустит. – Это решение высших мастеров и короля.

Получалось, что Роберт в очередной раз обманул. И Дигеро... Я оглянулась. Растрепанный и осунувшийся, мой бывший друг с трудом, потирая плечо, поднимался с пола у самой стены. На лбу набухла кровью свежая ссадина. Видимо, вейриэн отшвырнул его, как муху.

– Так вы с королем разыграли меня, сэръ рыцарь?

Диго промолчал, бросив непонимающий взгляд из-под насупленных бровей.

– Ты действительно пробрался сюда тайком по приказу совета лордов, Дигеро, или это план короля, чтобы в последний момент заманить меня сюда под предлогом твоего спасения? Впрочем, уже неважно, – я отвернулась. – Подвинься, Зольтар.

Вейриэн недоверчиво оглядел меня, подвинулся, подпустив ближе к горстке тлеющих углей, но предупреждающе положил мне руку на плечо. Я стерпела такую непочтительность. Ясно же – живой меня не выпустят к Азархарту. Да и мертвой тоже.

Едва я протянула руку, рыжая псина подняла голову из огня и оскалила клыки.

– Дай хотя бы увидеть, ты обещал, – попросила я, усаживаясь на пол. Глаза щипало от злых слез.

Гончая вылезла, отряхнулась, рассыпав искры, и, встав лапами на мои колени, лизнула лицо влажным шершавым языком.

«Смотри, Лэйрин, – прошелестело в сердце. – Но не плачь. Это обессиливает, помнишь? И не верь всему, что услышишь. Лучше дай мне немного любви, если сможешь. Если перестала презирать меня и ненавидеть, как в детстве. Совсем чуть-чуть любви. Хотя бы искру».

В первый миг голова закружилась до тошноты: я увидела

Роберта из множества точек сразу, как будто стала стоглазой.

«Осторожней. Сосредоточь фокус зрения на каком-нибудь факеле, потом выбирай следующий», – долетел совет.

Сидя перед камином и вперившись в пламя, я увидела сквозь него еще одно мерцающее пятно огня. Сосредоточилась. В следующий миг я словно перенеслась в эти пляшущие блики, став одним из них, как маленькая саламандра. И увидела весь зал.

Король поднимался на возвышение пустого тронного зала, тонувшего во тьме с едва тлеющими искрами факелов. Пустота ощущалась так, как будто поблизости не билось ни одного горячего сердца, кроме сердца короля.

Но в зале он был не один.

Ощущалось еще чье-то присутствие – большого, властного и тянущего к себе, как магнит – железную пылинку.

«Ближе не подпущу, Лэйрин. Береженого боги хранят. Не забывай, что твой отец уже сотни лет – владыка Темных».

– Не рано ли ты занял этот трон, Азархарт? – услышала я насмешливый голос Роберта. – Я только что подарил его твоему сыну. Нехорошо отбирать игрушки у детей.

Пятно мрака, заляпавшее трон, пошевелилось.

– Думаю, Лэйрин не обидится, если папа отдохнет тут после дальней дороги, – с иронией ответил низкий, бархатный баритон.

– Смотри сколько грязи натащил, не отмыть. Я настаиваю, как его опекун.

– Опекун при живом-то отце? – удивился собеседник.

– Живом? – выгнул бровь Роберт.

Сидевшее на троне Нечто мягко рассмеялось.

– Невежественный разум темнее самой Тьмы. Подумай, может ли мертвое зачать живое? Ты не устаешь меня восхищать своей наглостью, внук Астарга. Но наглость – еще не сила. Да сядь ты куда-нибудь. Ты пока еще мне не подданный, чтобы изображать истукана, хотя в артистизме тебе не откажешь. Развлек меня сегодня, хвалю. Какой талант шута! Я рукоплескал. Садись, не стой над душой.

– Над душой? – хмыкнул Роберт. – Трудно стоять над тем, чего у тебя нет.

– Не повторяй клерикальных заклинаний. В душу может заглянуть только душа. И позвать: Лэйрин, дитя мое...

– Освободи трон! – взвился король, полыхнув пламенем.

Оно растеклось по невидимому щиту и впиталось бесследно, не долетев даже до ступеньки трона.

– Тьфу, какой грубый опекун у моего ребенка, – миролюбиво проворчал Азархарт. – Страшно представить, чему такой может научить... Нервничаешь, Роберт? И с чего это ты вдруг застеснялся своей собственности? Формально это еще твой трон и твое королевство. А я пришел за долгом.

– Неужели ты отберешь его у сына?

– Как ты мог подумать такой ужас обо мне?! – возмутился говорящий мрак. – У сына – не отберу. У тебя. А ровно в полночь Лэйрин получит его обратно, мне хватит и минуты

власти. Кстати, где мой мальчик?

– Заперт в огненной башне под стражей высших белых вейриэнов и за миг до полуночи будет убит. Или раньше, зависит от тебя.

– Вот значит, как... – Азархарт на несколько мгновений задумался. – Ну, ничего, бастардов у меня много. Одним больше, одним меньше... Земли вот маловато. И зачем было огород городить с отречением?

– Чтобы успокоить подданных. Не люблю панику.

– Я тоже, – доверительно признался темный. – Какое потрясающее совпадение во вкусах! Ну, садись уж на свой трон, пока еще король, а то получается, что тебя неоткуда и свергнуть. Непорядок.

Сгусток мрака колыхнулся, разлетевшись облаком черной, искрящейся фиолетовым и багровым сажи, с трона поднялась человеческая фигура, шагнула вперед, свет факелов вспыхнул ярче, и я, наконец увидела облик владыки Темной страны.

Ни рогов, ни хвоста, ни свиного рыла, врут страшные сказки.

Очень высокий, но пропорционально сложенный и стройный мужчина с приятными чертами смуглого горбоносого лица, обрамленного волнистыми черными волосами длиной до плеч. Линию подбородка смягчала аккуратная, как у южан, борода, открывавшая чувственные губы с пристывшей к ним лукавой полуулыбкой. Одежда выдавала щеголя

– изысканный сливочного цвета камзол с вышитыми странными символами на обшлагах рукавов, черная рубаша с кружевным жабо и пышными манжетами, из-под которых выглядывали изящные кисти рук с длинными пальцами, украшенными единственным кольцом. Серьга в ухе поблескивала черным алмазом. В руке – трость с круглым набалдашником. Этакий вальяжный столичный ловелас, похититель женских сердец.

Повернув голову, он взглянул на факел, вставленный в кольцо на массивной колонне – именно его я выбрала для наблюдения, и теперь, судорожно обняв рыжую гончую, съезжилась от долгого и пристального взгляда ярко-зеленых, удлинённых к вискам, нечеловеческих глаз Азархарта, живших словно отдельно от лукавой полуулыбки и всего щегольского облика.

«Лэйрин! – запоздало достучался зов Роберта. – Отвернись!»

И я зажмурилась, уткнувшись для верности в горячую, вздыбленную шерсть зарывавшей огненной собаки. А когда снова решилась заглянуть в зал из другого факела, Роберт, брезгливо морщась, очищал свой трон огнем, а владыка Азархарт успел соорудить напротив монументальное аспидно-черное кресло с высоченной рогатой спинкой и развалился, закинув ногу на ногу и нетерпеливо поигрывая тростью.

– Так что ты там говорил своим болванам о переговорах

со мной, Роберт? Зачем-то ведь пригласил меня раньше времени. Так излагай свой взгляд на нашу проблему, немного уже осталось до ее кардинального решения мной.

Король с той же брезгливой гримасой занял свое законное место, стряхнул с львиной головы на подлокотнике невидимую пылинку.

– А что тут излагать, Азархарт? Ты уходишь вместе со всем темным барахлом, что притащил сюда и сложил у порога, и навсегда забываешь о моей дочери Виоле, а твой сын останется жив.

– И все?

– Еще я могу изредка выпускать его из башни прогуляться и поиграть на моем троне.

– Что еще?

– И я могу уговорить горных лордов отдать тебе сына Виолы, если он родится.

– Больше предложений нет?

– Жизнь сына владыки Темной страны бесценна, а я-то всего прошу за нее жизнь одного маленького королевства и одной женщины.

Трость в руках Азархарта переломилась.

– Ах, Роберт, Роберт... – вздохнул мой темный отец. – На что ты тратишь последние мгновения жизни? Кого дерзает обмануть этим глупым торгом? Свечечки зажег по всей стране, как будто они когда-то меня останавливали. Не говорю уж о неискренних молитвах, которые своей лживостью

только увеличивают мою силу. Я вижу все твои темные страсти и грязные мысли. Ты не дашь и волосу упасть с головы Лэйрина. Ты трепещешь от одной мысли, что с ним случится что-то худшее, чем насморк. Ты так жаждешь обладать им, что едва не отдал в мои руки полмира, огненный маг. Знали бы твои возлюбленные аринты, чья неутоленная похоть на самом деле сжигает их леса. Шауны подозревали, кто виновен в их бедах. Инсеи давно поняли, какую угрозу представляет твой дар, управляемый лишь безудержными страстями, а когда их озера с молодняком вскипели от приступа твоей тоски по Лэйрину, они начали борьбу за жизнь.

– Лжешь, как всегда, – побледнел Роберт.

– Я никогда не лгу, – с лукавой усмешкой заявил Азархарт. – И ты сам догадывался об истине, старый похотливый ко... роль.

Темный добился своего: Роберт в ярости метнул в него огненный протуберанец, впитанный невидимым щитом с той же легкостью. Азархарт перестал улыбаться, недовольная морщинка прочертила высокий лоб, но и на этот раз не последовало ответных действий. Удивительное терпение.

– Не твоему темному мерзейшеству читать мне мораль! – прорычал Роберт, подавшись вперед и вцепившись в подлокотники – вот-вот вцепится и в горло жуткому гостю. – Не ты ли изнасиловал мою жену? Не ты ли растлил души моих старших девочек и...

– Нехорошо сплетничать о леди, – торопливо сказал Азар-

харт, скользнув по факелам обеспокоенным взглядом. – Но я не прикасался к твоим девкам. Они грязны даже для меня.

– Грязны? После того, как на черной мессе их взяли все тринадцать твоих князей по очереди. Ты не прикасался к ним – они прикасались к тебе. Мыли тебе ноги и вытирали своими волосами, ты же любишь подражать древним мифам айров. А когда они доставляли на твою мессу очередную одурманенную девственницу, ты благосклонно позволял им причаститься твоей спер...

Роберт осекся на полуслове, а темный снова улыбнулся – грустно, сосредоточившись на разглядывании обломков трости:

– Значит, мне не показалось. Лэйрин все слышит и видит. Потому ты и дерзишь сверх дозволенной смертным меры, и всякую гнусь несешь. Скажи-ка, Роберт, ты на этих мессах сам свечку держал? Или через чужую видел то, в чем меня обвиняешь?

– Дочери мне во всем признались на допросе.

– А допрашивал ты с Рагаром?

– Он отказался присутствовать.

– Жаль. При нем они не посмели бы... Так вот, Лэйрин, – Азархарт поднял нечеловеческие глаза, безошибочно выбрав именно тот факел, через огонь которого я подслушивала. – Небольшая справка к твоему сведению. Ежегодно в мире за пределами Темной страны проходит несколько тысяч якобы черных месс, не говоря уже о банальных оргиях.

И на каждой – безумные или пьяные глупцы убеждают себя и друг друга, что им, как шавка на свист, является сам владыка Темной страны, а уж тринадцать моих князей – непременно. Какая гордыня. Стольких девственниц, которых я и мои князья якобы лишаем невинности каждую ночь, одновременно и повсеместно – не наберется во всем мире, даже если считать младенцев. Пикантность еще в том, что у меня уже лет полтора как князей осталось десять, а после встречи с Рагаром – семеро. Что-то тут не сходится, не так ли, Лэйрин? И не стоит тебе подслушивать разговоры взрослых мужчин. Некрасиво это. Да и не умеешь ты еще отделять правду от видимости правды, некому было научить. Оставь нас минут на пять.

Да ни за что!

Не знаю, как я уловила его намерение, но успела сфокусировать взгляд на другом факеле, и уже смотрела через него, а за эту долю мига прежнее мое огненное «око» погасло. Роберт тут же его запалил. Так и порезвились несколько мгновений, мечась от огонька к огоньку, пока Азархарту не надоело, и он одним всплеском тьмы не погасил все факелы разом.

Мне глаза как сажей запорошило. Испугалась, что ослепла.

Дорри смачно лизнула лицо, я прозрела и разозлилась. Ах, вот как, ваше темнейшество, без свидетелей решили обойтись на пять минут?

А там и полночь грянет.

Мне необходимо быть там, во дворце, и немедленно. Душой, если не телом. Она, душа моя, ныла, как рана. Сердце рвалось, стуча в глухую стену – даже Роберт не пускал меня в зал. О чем они там договариваются? Или уже убивают друг друга?

Я оглянулась. Зольтар и Дигеро сидели на полу у стены. Младший лорд выглядел бледным и смущенным, а вейриэн, что-то сурово ему выговаривая, сторожко поглядывал на меня – не натворю ли чего.

А ведь и натворю.

Мы же связаны нитью Айшери, мой король. Мы – сообщающиеся сосуды. Не дают огонь извне – есть другой, изнутри. И в нем нет уже ненависти. Ты просил искру? Так возьми!

Он дрогнул, не смог не взять. Глухая стена озарилась жаркими отблесками благодарности – «Лэйрин, душа моя...» – раздвинулась, впустила.

– ... и я уведу темное войско, не трону твое королевство, и забуду о Виоле с ее ребенком, – услышала я баритон Азархарта, глубокий, как ночное небо. Он сидел напротив, поигрывая сложенными обломками трости, и я видела его так, словно сама сидела на королевском троне – глазами Роберта.

– И что же взамен?

– Ты станешь моим князем.

Роберт расхохотался.

– Я – король! А ты предлагаешь мне роль слуги? Нет.

– Еще четыре минуты король, – уточнил темный. – Все же роль слуги – лучше, чем роль трупа. Подумай. Кроме того, королевство пожизненно останется под твоим управлением, а инсеи и шауны с процентами вернут взятое.

– Нет. Я бы еще подумал, если б ты предложил мне стать владыкой Темной страны, но уж слишком грязная у тебя работа, потому даже не предлагай.

– Удивительно встретить такое понимание моих тягот. Жаль, что ты так категоричен, потому что времени на уговоры не осталось. Видишь ли, если раньше твоя жизнь представляла для меня какую-то ценность исключительно из-за твоего дара, то теперь – никакой. Ты совершил большую ошибку, когда наградил «огненной кровью» Лэйрина.

– С чего ты взял, что я это сделал?

– Я много знаю об «огненной крови». Наслышан за века, посмотрелся, – по губам Азархарта скользнула ироничная улыбка. – Даже натерпелся. И уж могу понять, что никакая наложенная тобой защита не даст Лэйрину способности смотреть «огненным оком». Только дар. Ты совершил вторую ошибку, когда не придержал любопытное дитя подальше от моих глаз. Я охотился несколько лет за тобой, Роберт, а не за твоим королевством. Для Темной страны я присмотрел другое местечко. Но ты оказался так глуп, что перестал быть для меня бесценным.

– Зачем же ты предлагал мне поклониться?

– Два огненных мага под моей рукой – лучше, чем один.

Но главное – я обещал самому себе позвать тебя, а я всегда выполняю такие обещания. Я позвал, ты отказался. Прекрасно. Дар уже есть у моего сына, и успешно адаптирован к моей крови в нем. То, что и было нужно. Даже если ты предусмотрительно запер «огненную кровь», оставив ключ при себе, я знаю одну универсальную отмычку, которая открывает всё.

«Лэйрин, сердце мое, отправь в горы нашего пленника, пока я не забыл, – внезапно отвлек меня мысленный голос Роберта. – Ничего такого важного не пропустишь, обещаю».

Но, пока я сопротивлялась, растопырившись, как куст шиповника, еще успела услышать заинтересованный голос короля:

– Любопытно узнать, что за отмычка, и настолько ли она универсальна.

И увидеть, как Азархарт засмеялся, довольно сощутив зеленые очи:

– Не могу отказать в такой просьбе.

Обломки трости в его руках щелкнули, раскрываясь веерами вороненой стали.

В тот же миг полыхнуло.

И той же яркой вспышкой озарило в памяти слова: «... сожгу в том случае, если сюда явится Темная страна. Они не получат ни эту землю, ни моих подданных в свою армию мертвецов...»

И мелькнуло запоздалое понимание, зачем Роберт приказал зажечь костры и раздать свечи для всеобщей во всем

королевстве. «Сожгу...»

Всех, боги мои. Всех...

И все это пронеслось одновременно – в миг, когда полыхнуло, и огненный маг разорвал наше соприкосновение.

Поздно.

Пламя хлестнуло в сердце, в мой отчаянный крик:

– Нет! Не надо!

Я, разметнув руки, то ли падала, то ли летела, захлебнувшись шквалом огня. Он врывался, заполнял легкие, пронзал до пяток, скручиваясь в спираль, прорастал в кровь и рвал жилы изнутри, и я уже не знала, о ком кричала, не издавая уже ни звука – своей и чужой мукой, пылавшей душой кричала.

– Нееет!

О неистовом короле равнин, пришпиленном к спинке трона веерами тьмы, вонзенными в его грудь и горло. О чудовищном моем отце, чьи крылья горели, не успев распахнуться в щит мрака. О безвинных людях, что держали в ночи огоньки своей смерти и верили, что этим спасутся.

– Нееет!

О себе, чьи темные, еще не проклюнувшиеся крылья вырывали огненные пальцы, умирающей наполовину и теряющей вторую. О том, что смертью смерть не поправь – смерть станет только сильнее. О том, что и свет может быть мертвым, а тьма – живой...

«Пощади! – глянули из небытия два изумрудных глаза ко-

ролевы Лаэнриэль. – Ты убиваешь ее. Нас. Больше она не может принять».

Мощь, наполнявшая сердце и душу, ужаснулась и схлынула, оставив меня на этом берегу бытия как раздавленную медузу на камне.

Наверное, это длилось миг. Или вечность. Из-за какой грани смотреть...

Я смотрела уже с этой стороны мира – на Диго, державшего меня за плечи, не давая упасть. Ослепительно белое пламя гудело огненной стеной в зеве камина, вихрилось на шкуре отчаянно скулившей гончей, потерявшей хозяина. Если фантом существует, значит, и его создатель – тоже, еще не все кончено, – коснулась сознания мысль.

– Лэйрин, как ты? – выдохнул Дигеро, увидев, что я пришла в себя.

– Жив. Уходите, сэры рыцарь. Вас ждут горы.

– Вейриэн мертв, – Диго глянул на Зольтара, сложившегося на полу сломанной куклой с прижатыми к животу руками.

– Вижу. Поторопитесь.

Отпустив мои плечи, он сжал губы в нитку, шагнул к огню, но гончая метнулась наперерез, оскалилась, вырастая в размерах.

– Пропусти, – сказала я, и она, ворча, отошла.

Дигеро шагнул в огонь. Через миг между пляшущих

языков проявилось небо с белой-белой луной, освещавшей склон скалы. Оглянулся:

– Лэйрин, прости, если сможешь. Меня допрашивали духи рода, я не смог тогда промолчать об увиденном. Теперь смог бы.

Какое это имеет теперь значение.

– Верю. Не до разговоров сейчас, сэр Дигеро. Потом. Закрыть, – приказала я печати.

Стена пламени сомкнулась.

Теперь вейриэн. Я опустилась на колени, проверила пульс. Его не было. Сломанный деревянный солдатик из моей детской шкатулки сокровищ.

Гончая тоже сунулась, лизнула ему руку, лицо. Зольтар внезапно открыл глаза.

– Король сделал это! – прохрипел. У губ запузырилась пена.

– Что сделал?

Вейриэн через силу улыбнулся:

– Огонь. Воссоединил. Очистил. Белый. Смотри.

Ослепительное, как пустынное солнце, пламя срывалось с кончиков моих пальцев.

– Как мне помочь тебе? – я боялась прикоснуться к нему такими руками.

– Ты не сможешь. Здесь я почти мертв. Блокировал боль. Я уже там, в Белогорье. Видишь, даже могу... говорить с тобой.

– Как это случилось?

– Пытался прикрыть тебя. Миг смерти огненного мага – как вулкан. Сила стихии нисходит в приемника. Она слепа. А тебе... нельзя брать много.

– Король еще жив, – мне хотелось так думать. – Разве ты не должен был меня убить, Зольтар?

Пристальный взгляд черных глаз. Впрочем, неважно. Но вейриэн ответил:

– Да. Если бы Азархарт успел первым... дотянуться до тебя.

– Я оставлю тебя здесь, вейриэн, найду ваших и пришлю помощь. Башня не разрушится. Он передал мне ее.

Его руки, прижатые к животу, дрогнули и опали, стукнув о пол, как сухие ветви. Вейриэн был выжжен изнутри. Он должен был умереть сразу.

– Я ухожу. Дожги уж. Я еще увижу тебя... ваше величество, – слабая улыбка озарила его лицо, с ней он и ушел. Умер.

Я сожгла его останки в камине, и ушла через этот огонь во дворец.

Попыталась.

В тронный зал не смогла – выдавило неумолимой силой, отбросило на дворцовую площадь, в пламя горевшего костра. Рядом со мной белым бликом выросла гончая.

Полночь не наступила.

Тяжелое черное небо рвалось в клочья, проткнутое выроставшими из земли белопламенными пиками. Их были сотни тысяч со всех сторон, до самого горизонта.

По этому небу можно было составлять карту: над столицей, над селами и деревнями свет бил ввысь плотными снопами лучей. А над окружавшими столицу лесами, где из какой-нибудь нищей землянки изредка поднималась тонкая паутинка света, небо кишело вспышками тьмы и света, как огненная рябь на смоляного цвета воде. Там шла битва, схватились белые вихри с черными, мелькали радужные молнии.

Грохот, тонкий свист и низкий вой доносились глухими раскатами, но так издалека, что зрелище совсем не походило на схватку. Скорее, на грандиозный, невероятный фейерверк, потрясавший сердце не страхом и ужасом, а неуместным, перехватывавшим дыхание восторгом.

Я боялась опустить взгляд на площадь, боялась увидеть тысячи людей, сгоревших, как вейриэн Зольтар.

Они были живы, все.

Мужчины и женщины, старики и дети сидели на земле или стояли на коленях, и пламя их свечей – о, нет, уже светочей – било невероятным фонтаном, протягиваясь в небо, и вместе с тем струилось, как вода из родников, омывало их руки, лица, стекало наземь, разбегаясь ручейками.

На одну ночь они все стали святыми.

Они ликовали и молились, плакали и обнимались, протягивая друг другу свои огни. Никто так и не понял, что в эти

минуты над их головами шла битва небес.

– Да здравствует король! – кричали они, когда рядом вырастал сотканый из белого пламени сполох, и протягивали ему детей для благословения монаршей милостью.

В эту ненаступившую полночь к каждому своему подданному, удержавшему свой свет, пришел сам король Роберт Сильный – поблагодарить за их любовь и укрепить веру. Так потом говорили.

Темная страна не нашла ни пяди земли, куда она могла бы опуститься. Ни одного мертвеца, которого сумела бы поднять в свою армию. А если и взяла свое, то эту грязь унесла с собой.

Тьма уходила.

Белая гончая потянула меня за рукав в распахнутые парадные ворота дворца, откуда извергалось неопалимое пламя потоком белой лавы.

В тронном зале разливалось сияние – ослепительное, до рези в глазах, словно я ступила в солнце.

Огонь исходил от неподвижной фигуры Роберта, сидевшего на троне так, словно он задремал. Голова его опустилась на грудь, сильные руки спокойно лежали на подлокотниках. Пламя струилось с его пальцев, обнявших львиные оголовья, истекало из-под ресниц полуоткрытых глаз, из разверстых, как маленькие жерла, ран на пробитой насквозь груди. Оно клубилось на факелах, снопами света вырывалось в ок-

на и двери.

– Да здравствует король! – крики глухо доносились снаружи.

Он умер.

– Мой король! – я подошла, опустилась перед ним на колени и впервые в жизни прикоснулась губами не к перстню, а к его руке.

Она не поднялась, не дотронулась обжигаяще до моих губ, не легла на голову, ероша ежик моих волос – единственное темное пятно в полыхавшем вокруг солнце. Я села у его ног на ступеньку трона, как сидели на пирах его фавориты, прижалась лбом к его колену.

– Ты просил не плакать. Я не буду.

А душа рыдала, оплакивая мое второе сердце, которое уже не билось на расстоянии вытянутой руки.

Гончая сунула мне морду на колени, толкнувшись в ладонь влажным носом. Мои пальцы зарылись в ее белолапную шерсть с крохотными рыжими искринками.

– Твоя душа еще здесь, мой король, я знаю. Нас связал обряд. И я тебя не отпущу, даже не надейся. Я не буду плакать, потому что ты вернешься.

Мы сидели так долго. Стихал шум за стенами дворца, струилось неиссякаемое пламя, вздыхала гончая.

Потом какая-то тень мелькнула в белом сиянии. Дорри, скосив глаз, предупреждающе рыкнула, но морду с колен не убрала.

Высший белый вейриэн Таррэ остановился поодаль, чуть склонил голову в поклоне.

– Простите, что вошел без доклада. Хотя доклад у меня есть: Азархарт увел войско.

– Так он уцелел?

– Не совсем. Темный серьезно ранен. Пойдемте, леди. До рассвета совсем немного осталось, а Роберт еще не закончил то, что должен. Мне с вами нужно поговорить.

Преждевременный рассвет уже наступал: бледно-золотые лучи еще невидимого солнца смешивались на горизонте с белым маревом, полыхавшим над королевством и сплошным куполом опускавшимся на землю.

С восходом трон опустел.

Эпилог

Мои подданные так и не узнали, что король Роберт, названный в народе после той ночи Святым, отрекался от престола и своего народа. О таком немисливо было сказать.

Я взяла с осведомленных клятву о неразглашении и сожгла свиток с отречением, унаследовав трон по традиции. Может быть, это было моей ошибкой, одной из множества. Но формально отречение не вступило в силу – Роберт был убит Азархартом еще до полуночи, хотя и об этом было со-

общено народу только через три дня. Сразу в его смерть никто бы не поверил. Да и потом не верили.

При моей коронации народ не кричал: «Да здравствует король!».

И, в общем-то, был прав.

Король Лэйрин – не только звучит нелепо, это и выглядит как смертный грех против святой истины. Да и ощущала я себя не государем, а его наместником, хранителем трона. Сломанным солдатиком, запертым в шкатулке с пером улетевшей жар-птицы.

Мне думалось, что теперь, когда «огненная кровь» возвращена в горы и соединилась с белой магией, у горцев вот-вот появится новая королева, а Азархарту еще долго зализывать раны – теперь-то меня оставят в покое.

Но в то утро после прославленной в балладах Ночи Святых Огней вейриэн Таррэ открыл мне многое.

– И Рагар, и Роберт сделали так, что Темная страна уже не сможет придти в равнины, как до сих пор не могла ступить в Белогорье, – говорил он. – Но вам, леди Лэйрин, остался год или меньше, если Азархарт как-то сумеет до вас добраться. У Темного владыки не так много сил, как рисуют мифы, он может пользоваться только тем, что берет у других. Он может зачать жизнь, но эта жизнь – иная, чуждая нашему миру – не была способна пустить настоящие корни. Откуда бы ни пришло это зло в наш мир, как бы ни возникло, но оно за все века не могло закрепиться. Для того, чтобы крепко прорасти

в мир, нужны дочери. Теперь есть вы.

– Тогда почему вы не убили меня?

– Рыжий бык подстраховался, – усмехнулся Таррэ. – Полностью дар, данный младшему лорду фьерр Этьер, раскроется через год, после окончательной смерти Роберта, когда связавшая вас древняя магия айров иссякнет.

– Вы могли убить меня раньше, еще в Белых горах.

– Если бы могли, это было бы сделано, – жестко сложились губы собеседника. – Схватка за вашу жизнь, леди, началась еще до вашего рождения и идет на самом остром лезвия. Знаете ли вы, что у дочерей из великих горных домов, когда они уходят в новый дом, гораздо чаще рождаются девочки, получающие королевский дар? По линии погибшей Лаэнриэль быстрее всего могла придти новая королева после воссоединения белой магии, потому ее внучка Хелина и вышла замуж за Роберта, выполняя волю гор. Одновременно мы занимались подготовкой нескольких юношей, которые могли бы стать преемниками огненного мага на тот случай, если не получится план с Хелиной. Дигеро – один из них.

– Так инсеи не виновны в бедах Роберта?

– Виновны. Первая жена короля тоже была горной леди из великого дома. Она убита инсеями вместе с ее нерожденным сыном. Вам известно, что дар «огненной крови» ценен для нас не только сам по себе, он был необходимым условием для обретения королевы. Она не могла прийти, пока белое пламя не обрело всю силу. Но она не придет и сейчас.

– Почему?

– Мы, стражи Белогорья, не позволим.

Белая гончая, лежавшая у моих ног, вздернула голову, беззвучно обнажила клыки. А я была так ошеломлена, что потеряла дар речи. Вейриэн же сделал вид, что внимательно изучает пустую шахматную доску, словно на ней стояли невидимые фигуры.

– Знаете ли вы, леди, что отличает родовой дар от королевского?

– Откуда мне знать?

– Женщина с даром рода способна вызвать только тех духов, кто был связан с ней родством, и дать им новую жизнь. А после таинства брака, когда хранительница переходит в другой дом – только тех, кто связан родством с домом мужа. Королева же так сильна, что ее род – все Белогорье. Она услышит всех от начала времен и способна дать плоть всем, желающим вернуться в жизнь, если это необходимо.

– Но это же миллионы ушедших за столько веков! Останется ли на земле место для истинно живых?

Вейриэн, одарив меня внимательным взглядом, кивнул.

– Правильное опасение. Королева Белых гор всегда сделает выбор в пользу живущих истинно. К тому же, не все духи желают вернуться, и не всегда возникает в них необходимость. Итак, королевский дар – это по сути тот же дар рода, но усиленный многократно, как эхо от слабого голоса, раскатившееся по всем ущельям. Сила – вот что превращает де-

вочку-хранительницу в королеву. О возможной королеве говорит нам особая структура дара хранительницы, ее сверхчувствительность. Сила проявится в будущей королеве лишь с ее взрослением. Но и здесь не все просто. Вам известно, как погасить лесной пожар?

За окном разливалось неугасимое сияние. Но я сказала:

– Да. Если направить на волну огня встречную.

– Так и тут. На самом деле раньше в горах рождалось много девочек с задатками королевы. Но они не развивались. Гасли, когда приходила настоящая, наиболее сильная, способная взять всё. Так вот, сила может быть приобретенной. Я сказал достаточно, чтобы вы поняли истинную причину, почему леди Хелина, помня о крови Лаэнриэль и зная, кто ваш настоящий отец, волей матери заперла ваш дар и выдала вас за мальчика. Бастардов у Азархарта много. Была надежда, что он забудет о вас. Теперь уже нет. Мы были против вашего усыновления Робертом – излишне было привлекать к вам внимание вашего настоящего отца. Хелина настояла. Надеялась, что «огненная кровь» очистит вас от темного наследия полностью. Мы, в конце концов, согласились. Это была единственная возможность сохранить ваш дар для гор. Но очищение не стало полным даже сейчас. Темное наследие не искоренено. Вообще-то в миг нисхождения силы огня вы должны были умереть.

– Жаль, что этого не случилось, – с горечью сказала я.

– Мне тоже. Если Азархарт узнает о дочери, да еще та-

кой... одаренной... если он даст вам силу, это будет последней катастрофой для Белогорья. Пока ваша мать жива, ваш дар будет заперт. А после ее смерти... Буду откровенен, леди Лэйрин. Глупо надеяться на вечную истинную жизнь миледи Хелины. У вас чуть меньше года, пока вас хранит обряд айров. Если вы не сумеете очистить свою кровь за это время, то горным лордам лучше надолго остаться без королевы, если не навсегда.

– Разве вейриэны имеют право вмешиваться в дела лордов?

Таррэ усмехнулся.

– Только это и делаем. Право телохранителей – не дать вверенному их опеке телу разбить голову. Вы, леди, представляете сейчас для гор и великую надежду, и смертельную угрозу. Если мы поймем, что надеяться больше не на что, угроза будет устранена.

Через две недели стало ясно, что зимы в этом году не будет.

Во всем королевстве бушевала весна: цвели деревья и травы, бурно всходили озимые. Люди ждали внезапных морозов, но они так и не пришли – разгоралось противоестественное лето. По ночам от почвы поднималось тихое сияние, земля и воды были теплыми, как парное молоко, а «зимний» урожай обещал быть богатым. Если ничего не случится, голод тоже не придет.

Чудо Священного Пламени, да. С самых больших букв. Я не побоюсь написать и с величайших, когда Эльдер научит меня писать в небе сердцем.

В то утро высший мастер Таррэ, то досадливо морщась, то восхищенно улыбаясь, объяснил мне, в чем заключалось это чудо: большую часть своей силы умирающий огненный маг отдал не мне, иначе от меня ничего бы не осталось. И не Дигеро – еще не закаленному для того, чтобы взять такое.

Роберт, разделив силу, отдал ее также и своей земле. Равнинам. Королевству. Каков же был истинный масштаб его силы...

Король этими дарами навсегда закрепил союз гор и равнин.

И он связал меня с этой землей, с ее бесплотной душой и невидимым сердцем, потому что наш с ним обряд еще не разорван и не закончен. Белая гончая, сотканная из огня его волей и положившая мне голову на колени, пока я пишу эти строки – тому зримое доказательство. Незримых же соприкосновений наших душ, связанных нитью Айшери, я никому не могу предъявить.

Мое тело стремительно менялось, расцветало, как и обещал Роберт, разбудивший мою женскую суть и окончательно разрушивший колдовство моей матери. Уже за одно это я была ему благодарна.

Скрывать изменения скоро станет невозможно. И мои первые магические опыты стали по созданию фантомной

внешности. Это, конечно, не панацея. Во сне или в ярости я не могла ее удержать: снежный дракон Эльдер, охранявший мои покои, докладывал. Приходилось уходить на ночь в убежища и учиться смирять бушевавший, плавивший мою душу и тело огонь.

Когда-нибудь я перестану быть фальшивым королем, чтобы стать настоящей королевой. Если выживу.

Теперь у меня есть цель, ради которой стоит жить.

В том утреннем разговоре вейриэн Таррэ сказал еще, что Роберт не вернется.

Белогорье готово было принять его душу и дать ей новое тело. В обмен на унесенное из гор сердце белого пламени – огненный дар, какой уж есть, пусть даже затемненный безумием и страстями. Король не захотел, чтобы его грязь кого-то коснулась. Очистить же «огненную кровь» прежде, чем воссоединить ее с белым пламенем горной магии, можно было только бескорыстной жертвой.

Он отказался от бессмертия.

Когда закончится срок нашего обряда, его дух развеется в Небытии, как не было.

Странствующий белый рыцарь никогда не появится в моей жизни.

Роберт, Роберт... Ты говорил, что этап Ноиль, прядущих нить жизни, нам не понадобится. Но на него теперь вся надежда, мой король. Если кто-то и достоин второй жизни, то почему не ты?

Я научусь всему, чему не успел научить ты и мой погибший наставник. Если успею. Потому что боги – как неразумные котята – любят играть клубками наших жизней, путать и рвать любые нити. Какая уж тут высшая справедливость.

Я попытаюсь вернуть тебя хотя бы ради справедливости. Если мне дадут этот год. Потому что вся беда в том, что родилась у Темного владыки дочь.

© Copyright *Ирмата Арьяр*

Следующие книги цикла "Лорды гор":

2. Огненная кровь.
3. Белое пламя.
4. Любовь и корона.
5. Любовь и корона. Книга 2 (Любовь и лёд).
6. Трон над бездной.

ГЛОССАРИЙ

Расы, магии и правила Игры:

Айры – мифические божественные существа, гермафродиты, а то и вовсе изначально бесполое, как облака. Способны были превращаться не только в любое существо любого пола, как им повелит их собственная фантазия, но и в такие явления, например, как радуги или туманы. Их мир, существовавший прежде на месте нынешнего, не представим для людей и даже магов. Айры не умирали, но разом исчезли, изменив мир. Ныне почитаются во всех странах, особенно, у магов.

Люди — простые смертные существа. В древности племя людей и пять племен-избранников были одинаковы. Но, в отличие от наделенных дарами и изменившихся родственников, ставших магами, люди с древнего времени почти не изменились и не способны к магии. Изначальное родство людей и магов сказывается в том, что у них еще могут появиться общие дети – полукровки с разной степенью магических способностей.

Маги – непростые, не всегда смертные и не всегда живые существа. Разделяются на 1) вышедших из людей наследни-

ков айров и 2) вышедших из ниоткуда темных, противостоящих и остальным магам, и людям.

1. Наследники айров:

По легендам, айры перед исчезновением выбрали из диких племен людей пятерых и передали им магическое пламя, каждому из пяти – особенное. Айры научили избранных своей речи и письменности и, словно детям, оставили наследникам свои песни и сказки, считающиеся ныне священными книгами Ушедших божеств.

Первыми наследниками айров считаются белогорцы (белое пламя). Затем идут так называемые аринты (красное пламя), ласхи (синее пламя) и шауны (желтое пламя). Но, прознав о волшебных дарах, ушлые инсеи то ли умолили, то ли обманули айров и в последний момент получили смешанное пламя – зеленое. С тех пор инсеи считаются самыми изворотливыми и лживыми из магов.

Белое пламя:

Арриэны – духи, навсегда ушедшие в высшее Белогорье и отказавшиеся от второго схождения (воплощения) в физический мир. Магия света. Призвать их на земной план существования может только горная королева.

Белая королева – не наследуемый титул. Королевой становится истинно живущая (т. е. еще не умиравшая) дочь гор-

ной леди, получившая родовой дар такой силы, что способна призвать всех ушедших духов, даже если их род давно пресекается. Дом горного рода, в котором рождается и обретает силу Белая королева, становится Великим, а род королевы получает ряд привилегий в иерархии кланов.

Вейриэны – воины, стражи Белогорья (поэтич. «ветер ущелий»). Особая каста белогорцев. Эти существа еще при жизни уходят в мир духов и существуют одновременно в двух планах бытия – духовном и физическом, потому невозможно убить вейриэна в бою, если не разорвать связь духа и тела – он будет сражаться с любыми ранениями. В отличие от риэна вейриэну не требуется поддержка его рода, чтобы снова воплотиться, как не требуется и подпитка от истинно живущих, так как его следующая жизнь – тоже истинная. Магия жизни и света.

Горные лорды (риэны) – номинальные хозяева Белых гор (поэтич. «снег на вершинах»). Магия жизни. Способны оживить даже камень и заставить его плакать драгоценными друзьями. После смерти получают вторую жизнь в духовном мире – Белогорье, и способны стать дэриэнами и снова воплотиться в мире с помощью магии своих потомков или горной королевы. В равнинном королевстве горцы считаются колдунами и ведьмами. На гербах лордов часто используются птицы и горные животные.

Дэрриэны – вновь воплощенные духи, могут различаться по степени воплощенности от не обладающего плотью

призрака до вполне телесной сущности, способной действовать в плотном мире. Их существование во плоти требует постоянной подпитки со стороны их истинно живых потомков, обладающих родовым даром (способностью призвать и воплотить духов). От вампиров дэриэны отличаются тем, что кровь чужих существ для них бесполезна (хотя убийства случаются, но их можно отнести к жертвам разбушевавшейся стихии: когда дэриэны голодны, то они, развоплощаясь, теряют разум). От потомков же не требуется много крови, это ритуал на кровной магии, и кровь дается только добровольно. Со своей стороны умершие поколения дают живым мощную защиту и силу духа, увеличивая их магические способности. Жизнь потомков так же зависит от умерших предков, как и вторая жизнь духа во плоти – от истинно живущих. Если дух предка проклянет живущего потомка, то проклятый не только умрет, но и выпадет из родового круга, потеряв возможность второй жизни.

Подопечные белогорцам народы (обычные люди):

Синты – жители пещер (поэтич. «кровь гор»). Тонкие, невысокие и чрезвычайно бледнокожие и светловолосые люди, почти альбиносы (радужка глаз – цветная). Непревзойденные мастера ювелирных изделий, разведчики недр, хранители сокровищ горных лордов. Дружны с дальегами, составляя симбиоз мастеров (все кузнечные и литейные работы во избежание обвалов выполняются на поверхности да-

льгами), но браки между этими племенами – редкость. Синты блюдут чистоту подземной крови и скорее отправятся за невестой в чужие горы за тридевять земель, чем породнятся с «дольными» (т. е. живущими в долинах и равнинах) людьми.

Дальеги – жители горных долин (поэтич. «трава у подножий»). Кузнецы, литейщики, рудокопы и пастухи. Крепкие, ширококостные и черноволосые люди со смуглой кожей, очень похожие на пустынников юга, отличаясь от них лишь кудрявыми волосами. По преданию южан, первые дальеги пришли от них в Белые горы за сокровищами, но попали под обвалы, были спасены (в некоторых источниках считается, что пленены) лордами и остались в горах навсегда. По преданию самих дальегов, они всегда тут жили в межгорных долинах, спускаясь с гор, как реки – в равнины, степи и далее в пустынные земли, и это южные племена возникли из их осевших в оазисах торговых караванов. Дальеги часто берут в жены женщин из равнин.

Синее пламя:

Ласхи – общее название многоликих магов Севера. Магия ветра и холода, северных сияний и льдов.

Зеленое пламя:

Инсеи – общее название магов Запада. Водная магия, сильнейшая после белой за счет сплава двух элементов –

желтого и синего пламени. Владыки западных морей, рек, озер и болот. В империи инсеев – две враждующих династии, борющиеся за власть с переменным успехом. Тотемы магических домов первой группы – разнообразные земноводные (амфибии). Во второй группе – растения, но предпочтения отдаются водным. Инсеи дерзают управлять даже человеческой кровью, так как и она – жидкость, следовательно, подвластна водной магии. Их извечные антагонисты – аринты.

Желтое пламя:

Шауны – общее название магов Юга. Разделяются на степных и пустынных. Тотем – различные пресмыкающиеся (рептилии) и насекомые. Мастера иллюзий и миражей, владыки камней и песков, в том числе золотых, архитекторы песчаных замков и управители убийственных смерчей. Шауны – вторые по хитрости и двуличию после инсеев. Их непримиримые антагонисты – ласхи.

Красное пламя:

Аринты – маги Востока, воины, берсерки. На гербах и оберегах обычно используют изображения разнообразных лесных животных. Магия земли и «животной силы», крови.

2. Вне наследия айров – Пришедшие из ниоткуда, Явленные из тьмы

Черное пламя:

О темных магах известно очень немногое, так как из Темной страны живые не возвращаются, не остается свидетелей и после ухода Тьмы из того места, куда она опускалась. За тысячелетия единственными источниками сведений стали рассказы выживших в приграничных стычках, да еще белого вейриэна Рагара, захваченного в плен Азархартом и сумевшего вернуться. Но свидетельства последнего услышали только Белые горы.

Темный Владыка – Азархарт, абсолютный тиран и деспот. Магия смерти и тьмы. Абсолютная власть над князьями и черными вейриэнами. По всей видимости, бессмертен, так как еще никогда не умирал (или об этом никому не известно). В мире есть две версии : либо Азархарт существует изначально и бессменно с момента появления Темной страны в мире, либо преемник Темного Владыки принимает имя предшественника.

Темные князья – магия смерти и тьмы. Высшая каста в Темной стране. По слухам, князей у владыки тринадцать. Известно также, что Азархарту кланялись даже белые лорды, как правило, проклятые предками или изгнанные из Белых гор за какие-либо преступления (т. е. потерявшие честь и бессмертие), и становились его темными князьями.

Черные вейриэны – магия смерти и тьмы. Военная каста. Имя «вейриэн» носят незаслуженно, по аналогии с бе-

лыми вейриэнами.

География и легенды:

Белые горы – мистический (и географический) центр мира, горная страна, где прошло детство Лэйрин. Имеет два плана бытия: физический и духовный (**Белогорье**). Во время действия книги «Лорды гор. Да здравствует король!» горные кряжи – часть территории Равнинного королевства, формально подчиненная ненавистному в горных домах королю равнин Роберту Сильному, потомку горного рода Ориэдра.

Гардарунт, или Равнинное королевство – срединное государство людей. В разных языках обозначается на картах по-разному. Гардарунт – название на языке айров и означает «страна городов». На севере королевства – Белые горы. С востока его отделяет от территории, подвластной *аринтам*, Срединная Гряда – цепь сопок и холмов. От пустынной земли *шаунов* на юге – полоса степей. На Западе – лиманы, болота и моря, где владевают *инсеи*.

Любая магия под запретом, кроме той, которой обладает король – огненной. Официальная религия, заимствованная у инсеев еще до прихода в равнины огненных королей – вера в Безымянного Бога, наказавшего древних айров за неверие и разделившего их, чтобы создать существующий мир.

Столица Гардарунта – город Найреос, основанный первым огненным королем Астаргом. Старая столица Каувр на реке Увра у Срединной Гряды сожжена его сыном Даниэлем вместе с жителями при подавлении восстания прежней аристократии.

Северная Империя – огромная территория с холодным климатом, располагается к северу от Белых гор. На языке айров называется **Лаэшри**, «снежная земля». В этих землях, наряду с людьми, живут ласхи – обладатели синего магического пламени. Ласхи – господствующий слой населения, начиная с императора. Во время действия книги «Лорды гор: Да здравствует король!», обширный кусок на западном побережье Северной империи захвачен Темной Страной.

Темная страна, или Тьма – блуждающее по миру средоточие зла. Не имеет названия на языке айров, так как в те времена ее не было. Не имеет географической привязки в принципе: любая страна может стать Темной, если на ее территорию придет Тьма. Периодичность и география перемещения ТС не поддается никакой логике. Никто не знает, откуда и почему она появилась в мире. ТС именуют еще Страной Мертвых, что не совсем соответствует истине, поскольку мертвое не может породить живое, а от темных князей и вейриэнов у пленных женщин рождаются дети, исключительно мальчишки-воины. Тем не менее, поднятые мертвецы,

оставшиеся от захваченных народов, используются темными как рабы и солдаты.

Черногорье – мифическая исчезнувшая родина темных князей и их Владыки. Кроме преданий самих темных, о Черногорье нет никаких упоминаний ни в хрониках других стран, ни в священных книгах айров. Существует только легенда о конце мира, который наступит, «когда Белые горы станут Черными». Из этого некоторые любители парадоксов делают нелепый вывод, что первый владыка Темной страны и его князь пришли из будущего, когда существующий мир закончился. Такое, конечно, невозможно, ибо откуда им взяться в будущем, если их не было в прошлом?

Эальр – «очаг» на языке айров, слово, ставшее названием для всего существующего мира, возникшего после исчезновения (распада) древних божеств.

Персонажи 1-й книги «Лордов гор»:

Лэйрин – седьмая дочь королевы Хелины, известная как кронпринц Лэйрин Роберт Даниэль Астарг фьерр Ориэдра.

Роберт Сильный – король равнинного королевства, предполагаемый отец Лэйрин

Хелина Грахар – королева, супруга Роберта, горная леди

Старшие сестры Лэйрин:

Адель и Агнесс – старшие близнецы,

Беатрис и Берта – средние близнецы,

Виола и Виолетта – младшие близнецы

Прочие:

Азархарт – Владыка Темной страны

Герт Грахар – последний лорд тринадцатого великого дома, дед Лэйрин

Амель Грахар – бабушка Лэйрин

Лаэнриэль – тринадцатая королева горных кланов, убитая дедом Роберта Сильного, прабабушка Лэйрин

Рагар – высший мастер горного войска белых вейриэнов, наставник Лэйрин

Рамасха, или Игинир Альер Дитан вер Лартоэн – наследный принц Северной империи

Дигеро Этьер (Диго) – младший лорд дома Этьер

Наэриль Раэн – лорд дома Раэн

Эстебан Гардамир – глава совета кланов, лорд великого дома

Морен – мастер вейриэн, один из учителей Лэйрин

Сиарей – ласх, глава личной гвардии Рагара

Эльдер – ласх, подчиненный Сиарея (снежный дракон)

Анир Гирт (Светлячок) – барон, фаворит короля Роберта

Шазт – паж Лэйрин, баронет, фаворит короля Роберта;

шаман, служивший шаунам